К44 2/53

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОМИССИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ВОЙНЫ

1914—1918

РУМЫНСКИЙ ФРОНТ

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Издания
Высшего Военного Редакционного Совета.

Трунов, В.—„О стрельбе по кораблям воздушного флота“.
Яцук, Н.—„Стратегическая маскировка“.
Свечин, А.—„История военного искусства“, I ч.
Столбин, Б.—„Современная артиллерия“.
Городецкий, С.—„Пан жупан, долой обман“.
„ „Знай Боярскую Румынию“.
Базаревский.—„Руководство для ведения военной игры“.
Белицер, А.—„Руководство к распознаванию и лечению пироплазмоза лошадей“.
„Основные принципы военно-учебного строительства“.
Ростовский, Н.—„Прибор Пантограф“.
Козьма Бессребренник.—„Про Фоку, от которого не было проку“.
„Действительность артиллерийского огня“.
Унтилов, В.—„Руководство по всем видам личного и денежного довольствия“, вып. II.
Гусев, А.—„Служба связи“. (Краткое руководство).
Огородников, Ф.—„Боевое обучение мелких частей польской армии“.
Энвальд, М.—„Стрелковое дело“.
Верховский, А.—„Очерк по истории военного искусства“.
Смысловский, Е.—„Обязанности артиллериста“.
„Спутник Красного командира“.
„Инструкция для приема боевых винтовочных патронов обр. 1908 г.“.
Смысловский, Е.—„Организация артиллерии“.
Съезд Начальников и Комиссаров окружных Управлений в.-у. з.“.
Морозов, Г.—„Стрелковые занятия на перспективном плане“.
„Инструкция для применения зенитной артиллерии“.
„
Добряков, А.—„Земляные работы“.
Слюсарев, Н.—„Спутник Начальника Связи Полка“.
Баженов, В.—„Инструкция по приспособлению полевых радиостанций к радиопеленгированию“.
Асеев, Н.—„Сафрон на фронте“.
Тайзен.—„Наступление с примкнутыми к другим войскам флангами и оборона в маневренной войне“.
„Описание употребления лекал и приборов к 3-лин. винтовке обр. 1891 г.“.
Невский, Г.—„Фортификация“.
Юрьев, Б.—„Графо-анилитический способ расчета гребного винта“.
Яковлев, И.—„Военно-химическое газовое дело“.
Гильгнер, С.—„Понтонное дело“.
Львов-Рогачевский, В. и Фриче, В.—„Программы и об'яснительные записки к истории русск. и западно-европейской литературы“.
Кржевицкий, А.—„Исследование средств механическ. перевозки грузов“.
Бергман, Г.—„5 лет власти рабочих и крестьян“.
Сапожников, Н.—„Курс тактики артиллерии“.
Келлер, С.—„Краткий учебник броневого дела“.

6 ~~44~~ 101
К44 2/53

КОМИССИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ВОЙНЫ 1914–1918 Г. Г.

8. N.

РУМЫНСКИЙ ФРОНТ

СОСТАВИЛ Ф. И. ВАСИЛЬЕВ.

С ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
А. С. КАЗАНОВА: „РУМЫНИЯ
В МИРОВОЙ ВОЙНЕ."

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ
МОСКВА
1922

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
13133-22

13133
12/XII 1922

Главлит.... ВВРС 656. Историч. Комиссия, тираж 2000.

РУМЫНИЯ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ.

1. Румыния в экономическом, политическом и военном отношениях перед вступлением в мировую войну.

По своему географическому положению и по своим естественным данным Румыния—одна из богатейших стран. Поля ее, орошаемые Дунаем и его притоками, питаемые обильными осадками, отличаются необыкновенным плодородием. Сельское хозяйство—основной источник благосостояния государства. Более 80% населения заняты сельским хозяйством. Культурный уровень земледелия, однако, не высок. Несмотря на это Румыния является крупным производителем хлеба; избыток его измеряется в среднем за 10 лет—173.600.000 пудов в год, в наиболее урожайные годы—колоссальной цифрой в 300.000.000 п. и в неурожайные (голодные)—13.000.000 п. Страна ни разу не испытала голода, ни в одной части Румынии ни одного разу не получился недобор хлеба. Такое богатство хлебом ставит Румынию на международном рынке в положение крупного поставщика для стран промышленных, с ежегодным недостатком хлеба.

Румыния весьма богата и скотом, как крупным, так и мелким. По богатству мелкого скота (овец, например) она превосходит более чем в 10 раз Россию. Ежегодный экспорт скота за границу достигает внушительных цифр.

На внутренних озерах и реках Румынии, на Дунае и на побережье Черного моря находятся богатые рыбные промыслы.

Из других естественных богатств Румынии следует отметить ее нефтяные источники в долинах рек Праховы, Домбовице и Бузео, чрезвычайно обильные, в особенности в Праховской долине. Годовая добыча нефти в 1914 году достигла 1.784.000 тонн; из этого количества до 45—50% нефти потреблялось внутри страны, остальное экспортировалось за границу.

Обрабатывающая промышленность Румынии начала развиваться лишь в последнее десятилетие перед войной, и носит характер подчиненный по отношению сельского хозяйства. Большею частью это заводы по обработке пищевых веществ (мельницы, винокуренные заводы и проч.).

Внешняя торговля Румынии, по данным 1913 года:

Ввоз . . . 23,6 мил. фунтов стерлингов.
Вывоз . . 26,8 » » »

До войны $^2/_3$ торговых оборотов Румынии приходились на Германию и Австро-Венгрию и лишь $^1/_3$ на Италию, Англию и Францию.

Империалистическая война нисколько не помешала румынским капиталистам: за это время торговые обороты с Германией и Австрией увеличиваются в несколько раз. Недород в 1915 году и как следствие его острый продовольственный кризис в Германии и Австрии заставил центральные державы обратиться к Румынии, которая в этом году собрала небывалый урожай. Между обоими союзными государствами возникла конкурренция из-за румынского хлеба, скота, нефти и проч. Несмотря на то, что Румыния непосредственно граничит с Австро-Венгрией, путем давления Германии удавалось получать львиную долю. Лишь в конце 1915 г. заключено было соглашение о дележе продуктов, закупленных обоими государствами в Румынии.

Как до войны, так и во время войны Австрия и Германия, до момента выступления Румынии, были главными покупателями ея сырья, и в свою очередь почти монопольными поставщиками продуктов фабрично-заводской промышленности. Много немецких капиталов было вложено в промышленность и сельское хозяйство Румынии, которые крепко связывали отсталую аграрную Румынию с промышленными и передовыми центральными державами.

Но как об'яснить, что так тесно связанная экономическими интересами Румыния стала все таки на сторону врагов Германии? Об'яснения надо искать в исторических традициях политики румынских правящих кругов, в их империалистических мечтах о создании «Великой Румынии».

Здесь уместно дать характеристику политических нравов господствующего класса Румынии, его внутренней политики и

аппарата управления, т. к. эта характеристика даст исходные данные для суждения, если можно так выразиться, о политической боеспособности страны.

В румынской внутренней политике, в среде аристократии, чиновничества и армии господствуют взяточничество, воровство, подкупность, полицейский произвол, вероломство и хитрость, на этом сходятся все исследователи, знающие Румынию [1]).

Аристократия Румынии, ведущая свое славное происхождение от греческих купцов и дворян, смелых искателей золотого руна, бравших на откуп целые уезды Румынии у Турции, перенесла в Румынию обычаи знаменитого Фонара [2]), лживость, хитрость и жадность старой «благочестивой» и предприимчивой Византии.

Все природные богатства Румынии захвачены небольшой кучкой олигархии.

Ни в одной стране в мире не было такого положения, как в Румынии, где $4^1/_2$ тысячи бояр, «чокоев» и промышленников владели 50% всей земли, всеми фабриками, заводами и нефтяными и другими богатствами.

Для эксплоатации нефтяных, лесных, соляных и угольных районов создано много акционерных кампаний и банков. «В управлении этими акционерными обществами орудуют главным образом, настоящие и бывшие министры, депутаты и сенаторы».

Самый грубый ажиотаж и борьбу в недрах этих обществ ведут отдельные группировки и лица за обладание влиянием на дела. Дело зачастую доходит до подкупа членов правительства в стремлении получить выгодную концессию, подряд или поставку от государства.

Ни в одной стране не было столько политических скандалов на этой почве, как в Румынии.

После одного из таких скандалов, сенатор Александри с горечью признался, что «становится понятной фраза, которая циркулирует в нашем обществе, что румыны—это даже не нация, а профессия смычка и отмычки».

---

[2]) Константинопольский квартал.

Мелкое чиновничество и мелкая буржуазия подражала крупной аристократии.

Весь государственный аппарат нес в себе элементы разложения и маразма, которые с особенной силой должны были сказаться во время войны.

Несмотря на свои естественные богатства ни одна страна в мире не имела такого бедного, невежественного и забитого крестьянства, как Румыния.

Это дало повод сказать французскому ученому Детью-де-Трасси, что «Румыния самая богатая страна, населенная самыми бедными жителями».

Крестьянство находилось в полной зависимости от помещиков. Оно должно было для своего посева и для своего скота снимать землю у помещика, так как их жалкие участки не могли прокормить ни их самих, ни их скота. Крестьянин не только обрабатывал за это их землю, но убирал и их поля. Кроме того, он обязывался дать помещику известное количество продуктов натурой из своего хозяйства.

Вследствие своего тяжелого положения румынские крестьяне бежали десятками тысяч из Валахии и Молдавии в другие страны—в Сербию, Болгарию, Бессарабию и Херсонскую губернию, вырождались и вымирали (например, в Молдавии).

Эксплоатируемый помещиками и государством, которое непомерно давило налогами, румынский крестьянин, доведенный до отчаяния, путем восстаний пытался улучшить свое положение. Начиная с 1831 г. почти каждые десять лет в Румынии вспыхивают частичные крестьянские восстания. Наиболее широкие размеры приняло восстание 1907 г., подавленное с необычайной жестокостью. Понятно, что румынский крестьянин до глубины души ненавидит своих помещиков. Вся народная поэзия проникнута этой ненавистью: в своих песнях крестьянин призывает бога уничтожить бояр и «чокоев».

Он рад видеть на территории Румынии всякую чужую власть, если она ему хотя немного облегчала иго помещика. «Из ряда анкет, проведенных социологическим обществом Румынии, выяснилось, что для массы крестьян непонятно даже

такое излюбленное и повторяемое на всех перекрестках слово, как «отечество» [1]).

Невежественные, инертные, равнодушные ко всему на свете, румынские крестьяне зачастую не знали имени своего короля.

Народ был глух к великодержавной и империалистической политике господствующих классов, представлявших и говоривших от его имени в парламенте и сенате.

Орудие национальной политики—армия, комплектуемая крестьянством, не могла иметь требуемой моральной устойчивости и политической осознанности своих национальных идеалов, ибо для этого надо дать тому же крестьянству, хотя бы минимум политических свобод, сносное материальное существование, как это мы наблюдаем в странах передовых—Германии, Франции, Англии.

Внешняя политика господствующих классов, не имевшая реальной базы в народе, строилась на авантюре.

Слишком слабая, чтобы вести самостоятельную политику, Румыния тем не менее обладала большими аппетитами и пользовалась всяким удобным случаем, каждым кризисом на Балканах или в Европе, чтобы как можно больше урвать у других. «Пользуйся случаем, и бери, что плохо лежит», таков основной принцип политики правящих классов.

Другое мудрое правило уже чисто практическое, определявшее удобный момент грабежа и соответствующую обстановку: «действуй всегда на стороне сильного и наверняка».

Во время Крымской кампании Румыния—против России (хотя она ее освободительница от Турции), и получила за это три бессарабских уезда. В 1877—78 гг. Румыния вместе с Россией идет против Турции, вынуждена отдать три бессарабских уезда, но зато получает часть Добруджи и выход к морю. После этой войны Румыния входит в средне-европейский тройственный союз, который направлен против России. Во время Балканской войны, пользуясь чрезвычайно затруднительным положением Болгарии, заключает союз с Сербией (хотя Сербия друг России и враг Австрии и тем самым Румыния идет против интересов своего

союзника —Австрии), и без выстрела отбирает болгарскую Добруджу.

Румынские политики готовы продать или заложить себя, свое национальное достоинство, народ, все что угодно хоть чорту, лишь бы получить что-либо реальное. Вероломство, хитрость, предательство—вот основные черты этой политики, таковы ее исторические традиции. Они об'ясняют нам позицию, занятую Румынией во время империалистической войны. Сославшись на то, что Австрия об'явила войну Сербии, союзнице Румынии, Бухарестский коронный совет об'явил себя формально не связанным более договором с центральными державами. Румыния не хотела рисковать в войне, исход которой был еще неизвестен. Но можно было наверняка сказать, что в конце концов она покинет свой нейтралитет и примет участие в войне, ибо ее империалистические интересы лежали на востоке или на западе. В мечтах румынских политиков «Великая Румыния» включала Трансильванию, Банат, Буковину—на западе, Бессарабию—на востоке.

Руководящий класс Румынии разделился на две группы, почти равные—германофилов во главе с Маргиломаном и не германофилов, сторонников выступления на стороне Антанты, во главе с Братиану.

Партия консерваторов, партия крупных помещиков, интересы которой были на стороне Германии, коей выгодно во время войны продавался хлеб, была всецело в лагере германофилов. Этот лагерь был чрезвычайно могущественен, тем более, что и династические интересы Гогенцоллерна, румынского короля Карла, а затем Фердинанда, лежали в этом же направлении. Но и партия консерваторов—либералов, представителей румынской промышленности, сторонников Антанты была не слаба. Она всецело была заинтересована в грабеже принадлежавших Германии и Австрии капиталов, фабрик и заводов, внутри Румынии, захвате промышленных областей в Трансильвании, Банате и Буковине, с их железными и другими рудниками, в освобождении от засилья и давления германской промышленности.

Из этих двух борющихся групп, победить могла ориентация на ту коалицию, которая добьется успеха над своим врагом, заметно склонит чашу весов победы на свою сторону, ибо в силу

исторической традиции, прекрасная румынская дама могла отдать свое сердце лишь тому рыцарю, который победит в этом мировом турнире.

Но в этом обстоятельстве, что господствующий класс Румынии разделился на два лагеря одинаково сильных, кроется чрезвычайно большая опасность для коалиции, на сторону которой станет Румыния. Враждебная партия может быть на время притихнет, но все-таки будет исподтишка подрывать и дискредитировать «брачное сожительство» и вероятно не одну ложку дегтя подольет в этот брак по расчету. Достаточно первых неуспехов и первого более и менее крупного поражения, чтобы эта партия подняла голову. Противоположная партия, сконфуженная и обманутая в своих лучших чувствах и падеждах не простит этого своему неудачливому союзнику, и образует единый фронт против него со своими бывшими политическими врагами [1]).

Германия, Франция, Англия и Россия давали обещания партиям, тратили большие деньги на подкуп газет Румынии, министров и членов парламента. чтобы расположить общественное мнение на свою сторону. Господствующий класс Румынии получал т. сбр. деньги от двух воюющих лагерей.

Перейдем к характеристике военной мощи Румынии.

Принципы организации румынской армии мало чем отличались от таковых же прочих европейских армий, а потому на детальном рассмотрении их останавливаться не будем.

Румынская армия в мирное время равнялась около 100.000 тысяч человек; в военное время Румыния могла выставить 20—22 дивизии полевых войск, численностью до 300.000 тысяч человек и до 50 тысяч в милиции и запасных батальонах. Хотя весь запас обученных насчитывался до 600.000 человек, но фактически Румыния не в состоянии была выставить такого количества из-за отсутствия материальных средств (вооружения, снаряжения и пр.) и командного состава.

Во время войны она не смогла справиться с задачами, поставленными себе по мобилизационному плану, не смогла ни развернуть армию, ни вооружить ее надлежащим образом, ни снаб-

---

[1]) Что в действительности и случилось. См. письмо Сахарова к Гурко. в деле № 703. В.-Уч. Архив.

дить боевыми техническими средствами, ни придать своим резервным соединениям надлежащего полевого управления.

Вооружение, принятое в румынской армии, вполне удовлетворяло современным требованиям, однако, его было недостаточно при приведении армии на военное положение. При мобилизации резервные соединения румынской армии получили старую артиллерию образца 1881 г. и даже 1877 г., совершенно непригодную в условиях современного боя, к тому же с наскоро сколоченным и плохо обученным составом. Тяжелая полевая артиллерия отсутствовала.

Техническими средствами борьбы румынская армия начала снабжаться лишь в последнее время перед войной, даже армия мирного времени имела их в недостаточном количестве; во время войны армия остро почувствовала потребность в них при первых боевых столкновениях.

Авиационные средства, столь необходимые в современной войне, отсутствовали. Правда, Румыния для удовлетворения национального чувства приобрела еще перед войной несколько аппаратов старых систем, которые годились для королевских парадов, но во время войны не могли найти себе боевого применения и годились, в лучшем случае, для связи.

Румыния не готовилась к борьбе с Австрией, своим бывшим союзником, вследствие этого в операциях в горной местности армия чрезвычайно остро почувствовала недостаток в горной артиллерии, которую имела в ничтожном количестве.

Не говоря уже о минометах и бомбометах, которые являются новейшими техническими средствами войны, и которые, так сказать, естественно не могли быть в румынской армии, но даже простейших средств технической связи — телефонов и телеграфов—не хватало. Артиллерия часто не могла вести стрельбу, потому что наблюдательные пункты не были связаны телефоном; штабы дивизий, корпусов и даже армий пользовались земской телефонной сетью, не подчиненной полевому командованию [1]).

Вообще румынская армия оказалась неподготовленной в техническом отношении.

Неподготовленной оказалась она и в тактическом отношении.

---

[1]) Зайончковский. «Поход в Добруджу». Будет напечатан в одном из ближайших номеров «Военно-Истор. Сборника» Комиссии.

Уставы румынской армии создались под сильным влиянием уставов германских и австро-венгерских, и отвечали в полной мере современным условиям большой войны.

В них нашли себе место все новейшие тактические принципы: применение к местности, значение огня пехоты и артиллерии, широкая инициатива и пр.,—однако, главные руководители армии не успели и не сумели проникнуться ими, не научились применению технических средств в бою.

Король Карл, сражавшийся еще под Плевной, мало изменил с тех пор свой взгляд на тактическую подготовку армии, а так как он являлся верховным вождем армии, руководителем ее подготовки, проводником доктрины, то, естественно, что его взгляды глубоко отразились на армии, боевая подготовка которой, несмотря на новые уставы, во многом устарела.

Король Фердинанд не мог в течении 1—2 лет перевоспитать армию.

Личные симпатии короля при назначении на высшие командные должности играли решительную роль. Эти назначения производились без должного выбора, а потому высший командный состав армии не находился на высоте современных требований.

Крайне теоретический характер курса высшей военной школы в Бухаресте вполне об'ясняет невысокий образовательный уровень и крайний теоретизм румынского генерального штаба, не пользовавшегося авторитетом и популярностью в армии.

Уровень среднего армейского строевого офицера не высок. При своей страсти к легкомысленной светской жизни, румынский офицер не проявлял склонности к самостоятельному труду над пополнением своего военного образования. Довольствуясь, в лучшем случае, знанием уставов и инструкций своего рода оружия, он быстро забывал и то, чему когда то учился в военной школе. Начальники его к тому же обнаруживали большую склонность по отношению к нему быть мелочно придирчивыми, стеснять инициативу, заваливать его разными хозяйственными заботами, огромным количеством переписки и всевозможной отчетности, сильно процветавшей в румынской армии (однако, ни в одной армии не было столько растрат казенного имущества).

Понятно, что офицеры всю подготовку вверенных частей взваливали на плечи унтер-офицерского состава.

Сверхсрочные унтер-офицеры—прекрасные строевики, но тактическая подготовка их сильно хромала.

Срочной службы унтер-офицеры по своему развитию и знаниям немногим превосходили рядовых.

На строевую подготовку армии было обращено большое внимание. Солдата донимали муштрой, он имел прекрасную выправку, но действовать в рассыпном строю не умел. Части прекрасно ходили церемониальным маршем с выбрасыванием ног вперед, но результаты боевой стрельбы частей оказывались совершенно неудовлетворительными.

Под огнем противника пехота применяла устарелые способы наступления сомкнутыми строями, и не умела применяться к местности.

Конница атаки производила шаблонными и мало сообразованными с обстановкой построениями без должного шока; плохо стреляла, службу разведывания и охранения несла неудовлетворительно.

В действиях отрядов из всех родов оружия обнаруживалось неумение маневрировать, выражающееся в отсутствии связи в действиях отдельных колонн, в шаблонных решениях, сопровождавшихся значительной разбросной сил. Техника наступления румынам совершенно не удавалась.

Такова была подготовка кадровой армии мирного времени.

Когда вовремя мобилизации в кадровые части пехоты влилось около 60% запасных нижних чинов и 50% запасного офицерства, это сильно понизило и так невысокие боевые качества линейной румынской пехоты. Что же касается резервных частей, имевших в мирное время самые незначительные кадры, и комплектуемых старыми возрастами и офицерами резерва, с негодной артиллерией, с наскоро сколоченными штабами, то боеспособность их подлежала большому сомнению.

Не меньшие опасности для румынской армии, чем ее слабая подготовка, нес повседневный быт, сложившийся в армии режим кулачной расправы, который принижал и без того забитого крестьянина, давил его, убивая в нем всякую инициативу и гражданские чувства.

Унтер-офицерство (сверхсрочное) получило характер касты, занимающей обособленное положение от остальной массы солдат (отдельное помещение, улучшенный стол, хорошие материальные условия). Многие из них начинали очень скоро относиться к младшим чинам как к чему то низшему и прибегать к побоям.

Жестокость обращения с подчиненными делала сверхсрочных унтер-офицеров малопопулярными среди солдат... Хотя побои нижних чинов категорически воспрещались законом и многочисленными приказами по армии, но жалобы пострадавших на дурное с ними обращение обыкновенно оставались без последствий [1]).

Результатом этого бесчеловечного обращения явилось сильное развитие дезертирства со службы еще в мирное время.

С офицером, представителем господствующих классов (бояр, «чокоев»), солдат еще менее связан: наоборот, к нему он питает большую ненависть. Занкевич говорит: «Хотя румынский солдат и приносит с собой в казарму глухое неудовольствие против боярина-помещика, векового его эксплоататора, но при укоренившейся веками привычке к послушанию, он легко поддается дисциплине и готов слепо исполнять приказания начальника, даже жестокого с ним».

Может быть это и так, но все это не заполняет пропасти между солдатом и офицером, в чем коренится серьезная угроза надежности такой армии. Эту слепо подчиняющуюся массу страх опасности на войне легко может вывести из подчинения, ибо палка здесь будет бессильна, а сознания долга, вырабатываемого благотворным влиянием начальника на ум и чувства солдата не будет. «Это ведет также к тому, что румынский солдат за редкими исключениями всегда нуждается в указке и не способен к самостоятельным действиям в бою».

Таким образом, между офицерами, унтер-офицерами и солдатами, между всеми тремя категориями не существует спайки. Между частями так же ее нет. Полки румынской армии не представляют собой тесно сплоченной семьи; в молодой румынской армии совершенно отсутствуют полковые традиции.

Боевые традиции армии все выветрились за сорокалетний мирный промежуток от турецкой войны.

[1]) Полк. Занкевич. «Тактическая подготовка румынской армии».

Чтобы показать, что эта оценка румынской армии не предвзята, я приведу свидетельство авторитетного лица, ген. Зайончковского, которому пришлось близко познакомиться с этой «армией совершенства» (мнение Алексеева) на боевом поле, после ее вступления в мировую войну, пришлось ее переучивать современным методам ведения боя, довелось убедиться в способностях ее высшего командного состава. Он говорит: «Я был поражен, увидев на современном поле сражения боевые порядки и характер управления боем применительно к тому, что я видел на красносельском военном поле в восьмидесятых годах прошлого столетия. Румынская армия, в лице по крайней мере 19 дивизии, как бы застыла в формах боя турецкой войны 1877—78 гг. и проспала нашу японскую и европейскую войну»[1]).

«Я считаю румынскую армию в периоде большого разложения. Ни одна часть, бывшая под огнем не желала драться после нескольких выстрелов. Артиллерия стреляет без телефонов. Паничность ужасающая»[2]).

Морского флота (военного) Румыния не имела, если не говорить про старый крейсер «Елисавета», не имевшего никакого военного значения.

Дунайская речная флотилия состояла из 20—25 мониторов, катеров и лодок, вооруженных легкой артиллерией.

В системе фортификационной обороны страны Румыния не могла провести определенного плана, так как не в состоянии была предвидеть на чью сторону ей придется стать во время европейской войны. Предполагалось вначале построить укрепления на всех границах государства с редюитом внутри страны. Но этот план требовал с одной стороны огромных средств, с другой—для обороны этих укреплений не хватило бы полевой армии.

В 1882 г. особая инженерная комиссия под руководством знаменитого бельгийского инженера Бриальмана наметила план обороны страны, в основу которого были положены принципы, проводившиеся Бриальманом у себя в Бельгии. Изменение политической обстановки в Европе вносило те или иные поправки в этот план, и только лишь после заключения

[1]) Зайончковский. «Поход в Добруджу».

[2]) Там же.

союза с центральными державами, Румыния окончательно обращает все внимание на восточную границу (Серетская линия и Черноводы) и на укрепление столицы страны и главной базы действующей армии—г. Бухареста. Южная граница с Болгарией, достаточно обеспеченная Дунаем, на котором не имеется постоянных переправ, была приведена в оборонительное состояние созданием Дунайской флотилии.

Укрепления Румынии состояли из трех групп:

1) Бухарестского укрепленного лагеря, 2) укрепленной линии р. Серета и 3) Черноводских укреплений.

Пояс укреплений крепости Бухареста состоял из 18 долговременных фортов и 16 долговременных батарей, отнесенных от центра города на 10—12 километров (от окраин на 5—9 км.). Укрепления связаны между собой и с сетью государства круговой железной и шоссейной дорогами.

Вооружение фортов и батарей: 21 см. пушки и гаубицы, 15, 12 и 10 см. пушки, 12 см. мортиры и 53 и 57 мм. орудия; все орудия фортов и батарей в броневых башнях.

Бухарест должен играть роль последнего убежища армии, потерпевшей поражение в поле.

Линия р. Серета занимает по фронту 80 верст, прикрывая подготовленную базу Галац—Фокшаны, причем оба пункта наиболее сильно укреплены. Укрепления состоят из групп бетонно-броневых батарей, с вооружением не выше 12 см. калибра. Укрепления были построены против России.

Укрепления у Черновод, на правом берегу для охраны жел.-дор. моста и переправ, состояли из ряда батарей, редутов и люнетов временного характера.

Во время мировой войны Румыния начала строить временные укрепления у Туртукая, Силистрии и на западной границе, но эти укрепления не получили достаточного развития. Такой важный пункт как Констанца оказался не укрепленным.

Оценивая все эти укрепления, должны притти к выводу, что все они, представляя продукт броневой фортификации, не удовлетворяли условиям современной обороны.

Бриальмоновская броневая фортификация не выдержала своего испытания у себя на родине против современных могущественных средств разрушения. Между тем, укрепления Бу-

хареста и других пунктов гораздо слабее и в смысле фортификационных сооружений и в смысле артиллерийской обороны им подобных в Бельгии.

Укрепления эти в значительной степени теряли свой смысл в случае выступления Румынии на стороне России.

Последнее убежище армии, редюит страны—крепость Бухарест, терял свое значение такового, при современных условиях, ибо эта идея даже в случае ведения войны Румынией самостоятельно, например против Болгарии, могла привести к гибели всей армии; Бухарест мог быть ее последней мышеловкой, ибо крепость в настоящее время не играет самодавлеющего значения сама по себе, а служит лишь опорой для маневрирования армии, действующей в поле. Как таковая, эта крепость могла сыграть некоторое значение в операциях полевой армии.

Западная часть Молдавии и северная Валахия, хотя до известной степени прикрывались горной цепью Трансильванских Альп, тем не менее были открыты для вторжения Австро-Венгрии, так как горные проходы через них были в руках последней.

Железнодорожная сеть Румынии была развита достаточно для военных целей (в $2^1/_2$ раза превосходила развитие жел.-дор. сети Европейской России). Начертание сети в одинаковой степени могло быть использовано для войны против России и против Австрии и Болгарии. Осевая магистраль Турно-Северин, Крайова, Питешти, Букурешти, Плоешти, Бузео, Бакеу, Пашканы, Сучава, проходя почти посредине Валахии и Молдавии, позволяла при помощи веток, идущих к границам, сосредоточить и развернуть армию в любом направлении. За исключением небольших участков, все дороги Румынии имели одну колею нормальной европейской ширины. В конструктивном отношении железные дороги Румынии не совсем удовлетворительны (крутые под'емы, закругления, недостаточное водоснабжение). Подвижной состав Румынии—беден, особенно было мало товарных вагонов, а так как для военных перевозок нужны товарные вагоны, следует признать положение страны в этом отношении неблагоприятным. Особенно неблагоприятно то обстоятельство, что Румыния заказывала почти весь подвижной состав в Гер-

машин, Австро-Венгрии и Бельгии. Мастерских для ремонта было несовсем достаточно.

Сеть шоссе и других дорог в Румынии была развита вполне достаточно, и находилась в хорошем состоянии.

Подведем некоторый итог изложенному выше.

1) Румыния—огромнейшая продовольственная и сырьевая база, имеющая большое положительное значение для центральных держав, отрезанных с начала войны от мировых хлебных и сырьевых рынков и своих колоний.

В связи с невозможностью полностью удовлетворить потребность страны и армии своими продовольственными и сырьевыми средствами, и как следствие этого кризис продовольствия и сырья (в частности нужда в нефти и ее производных) внутри центральных держав, заставляло сосредоточить большие усилия со стороны последних в целях установления теснейших экономических связей с Румынией. Включение Румынии в орбиту центральных денжав, даже лишь только с экономической стороны, значительно улучшало их экономическую кон'юнктуру, наносило удар союзнической блокаде, восстанавливало свободу распоряжений экономическими рессурсами для целей войны, значительно усиливало сопротивляемость коалиции. Приходится констатировать, что экономические интересы Румынии лежали в большей степени в направлении центральных держав, чем Антанты. Действительно: Россия не была заинтересована в румынском хлебе, сырье и нефти, ее союзники не имели возможности использовать богатства Румынии ввиду отсутствия каких-либо удобных путей сообщения с нею. В случае необходимости союзники могли использовать более близкие хлебные и сырьевые рынки, так как были полными хозяевами на море.

Экономическая заинтересованность Румынии в рынках центральных держав—угроза интересам Антанты, ибо экономические интересы легко при оплошности союзнической дипломатии (пример Болгария) вели к восстановлению политического и военного союза Румынии с центральными державами.

2) В политическом отношении Румыния совершенно неопределенная величина.

Неустойчивость всей ее политической системы налагала на будущего ее союзника задачу известной опеки, как это сделала

Германии в отношении своих союзников, известного ограничения в распоряжении вооруженной силой, ибо полное распоряжение последней столь неустойчивого в политике союзника не могло в полной мере гарантировать от возможных сюрпризов (сепаратных выступлений и проч.).

В критические минуты сильный союзник не должен останавливаться даже перед энергичным вмешательством во внутреннюю и внешнюю политику Румынии, ибо раздираемая внутренними противоречиями, с разлагающимся бюрократическим аппаратом Румыния способная была внести дезорганизацию в общее дело союзников.

3) Армия Румынии в военное время представляла в боевом отношении величину, слабо подготовленную во всех отношениях. Эта армия мало способна на первых порах к выполнению серьезных, ответственных задач. На союзника будь это Германия или Россия, ложилась серьезная задача правильного учета оперативной способности армии Румынии, соответствующей постановке ей стратегических задач, может быть вначале второстепенных, с тем, чтобы после того, как эта армия окрепнет и приобретет боевой опыт, поручить выполнение более ответственных.

Во всяком случае, армия Румынии не могла быть предоставлена самой себе, не могла быть независимой и автономной величиной в осуществлении своих планов войны. Правильный путь для разрешения вопроса о взаимоотношении союзных вооруженных сил на театре войны должен указать пример гегемонии Германии над своими союзниками.

II. Обстановка на фронтах мировой войны к началу второй половины 1916 года.

Конференция в Шантильи в конце 1915 г. наметила первые шаги к координированию общих усилий союзников против центральных держав путем выработки общего плана действий, установления сроков выполнения плана и гарантий против попыток срыва его со стороны германской коалиции. Намеченные мероприятия в Шантильи определили последующие операции на всех фронтах в первой половине 1916 г.

Германия знала о плане союзников начать общее наступление против нее весною 1916 г. на всех фронтах, которое лишило бы центральные державы свсбоды маневрирования по внутренним операционным линиям и тем самым грозило серьезными опасностями концентрического удара в направлениях наиболее жизненных и опасных. Германская коалиция, понимая всю серьезность направленного против нее плана, предпринимает с началом 1916 г. две крупные операции: под Верденом и на итальянском фронте, которые должны были передать инициативу в ее руки и, если не добиться решительных успехов на западе, то, по крайней мере, расстроить план совместного наступления союзников. Эти операции приняли настолько серьезный характер для французов, и итальянцев что в значительной степени изменили (хотя и не сорвали) первоначальные планы и сроки наступления.

К концу мая (нов. ст.) генерал Петен рисовал себе обстановку под Верденом в следующем виде [1]): под Верденом перебывало 67 французских дивизий, т.-е. две трети французской армии, что придало боям чрезвычайно ожесточенный характер, в которых французам, правда, удалось отстоять основные позиции, но которые (т.-е. бои) страшно истощают силы, а именно: убыло людьми до 200 тысяч человек, строевой комсостав сильно потрепан, до 650 орудий приведено в негодность, расстреляно до 10 мил. легких и 3 мил. тяжелых снарядов. Генерал Петен полагал, что запас сил и упорство армии еще не исчерпаны, но что напряжение достигло кульминационного пункта, за которым последует ослабление прежде всего моральное, как на фронте, так и в тылу; в результате всего он высказывал опасение за предстоящее наступление союзников.

Опасное положение французских армий под Верденом повело к серьезным политическим осложнениям во Франции.

Германская армия не добилась успеха под Верденом, понесла очень крупные потери, однако, ее атаки заставили в корне пересмотреть весь план наступления и значительно ограничить поставленные задачи. Принятый план диктуется не столько общенаступательными соображениями, сколько необходимостью активной обороны Вердена.

---

[1]) Телеграмма Жилинского 27/14 мая 1916 г. № 170.

Предпринятое наступление французов и англичан окончилось полной неудачей в стратегическом отношении. В результате трехмесячных боев в Аррасе и на Сомме германские укрепленные линии остались непоколебленными, не считая незначительных тактических успехов союзников. Армиям не удалось вырваться из тисков траншей и колючей проволоки и вернуть себе свободу маневра в поле.

Французская и английская главные квартиры, разочарованные в своем наступлении начинают строить свои расчеты на истощении и утомлении противника. Они условились продолжать решительное наступление вперед, хотя бы без надежды прорыва, но в целях утомления немцев огромными потерями, что по их мнению достижимо ввиду полного господства французской и английской артиллерии и авиации [1]).

Основания этому они находили в том, что немцы, истощенные потерями до 50% в большей части своих дивизий, не в состоянии были вернуть себе инициативу маневра.

Неудачи на Изонцо в связи с наступлением австро-германцев весною этого года грозили превратиться в катастрофу для всей итальянской армии. Наступая и развивая успех в направлении от австрийской границы к линии Падуя—Венеция, австро-германцы выходили на кратчайшие пути к этим городам, в тыл укрепленным линиям итальянцев на Изонцо—Тальяменто, и грозили при дальнейшем развитии успеха отрезать большую часть итальянской армии от всей страны. Несмотря на значительный резерв, имевшийся для парирования этого удара, итальянское командование растерялось, спешно приступило к эвакуации своей тяжелой артиллерии и войск с Изонцо и принуждено было обратиться с настоятельными просьбами (даже требованиями) к русскому командованию о помощи. Это побудило Ставку ускорить сроки подготовки к наступлению, дабы «дать итальянцам нравственную поддержку помощи и опоры» [2]).

Остановимся на характеристике стратегической и политической обстановки на Балканах, ибо влияние этой обстановки чувствительно сказывалось на позиции Румынии, а в дальнейшем, с момента ее выступления, в большей или меньшей степени определяло дальнейший ход событий.

[1]) Телеграмма Жилинского 23 сентября н. с. № 276.

[2]) Телеграмма Алексеева Жилинскому 1 июня (н. с.) 1916 г.

На Балканском полуострове политика и стратегия союзников потерпела крушение. Попытка ударить коалицию центральных держав по самому слабому месту—Турции—закончилась неудачной Дарданелльской операцией, в результате которой к декабрю 1915 г. союзники принуждены констатировать полную невозможность ведения дальнейших операций на Галлипольском полуострове, ввиду чего решено эвакуировать все войска. Эта неудача была не единственной. К осени 1915 г. Германия при поддержке выступившей Болгарии предприняла широкое наступление против Сербии. Сербская главная квартира доносила: «Цель Германии—раздавить сербскую армию и этим привлечь на свою сторону Румынию и Грецию, что может случиться через несколько дней, если союзники не пришлют Сербии помощь».

Германия, обеспокоенная Дарданелльской операцией, решила окончательно упрочить свое положение, обеспечить единственный путь, ведущий через Турцию в Азию, тесно связывающий Австрию и Германию с Турцией и дающий возможность оказывать поддержку своему слабому союзнику, путь, ведущий к уязвимому пункту своего смертельного врага Англии, к ее индийским, средне-азиатским владениям, Египту и морской базе—Суэцкому каналу.

Не смотря на столь важное значение Балканского полуострова и отчаянное положение Сербии, помощь своевременная и значительная последней не была оказана. Сербия была разгромлена, и вся ее территория занята неприятельскими войсками. Сербская армия принуждена эвакуироваться на остров Корфу.

Высадка отрядов в Салониках оказалась запоздавшей и не оказала влияния на исход кампании.

Успех Германии и ее союзников на Балканах, обеспечив прочную связь центральных держав с Турцией через Болгарию, создал совершенно новую стратегическую и политическую обстановку на востоке Европы.

Отношения союзников после этого имеют своим предметом устранение невыгодных последствий нового положения. Помощь Сербии и образование Салоникского фронта приобретают первостепенное значение. Русское командование так оценивает закончившуюся операцию немцев на Балканах: «Центральные державы, имея руководителем Германский Генеральный Штаб,

давно задумали напасть на Сербию для открытия прямого пути к Дарданеллам. Ныне этот план можно считать уже выполненным. Четверной союз, не имеющий над собой единой воли, пропустил благоприятные моменты затишья для создания противодействия этому плану. Теперь вопрос может итти о продлении обороны сербской армии, а не о преграждении прямого сообщения между Германией и Турцией. Спокойно смотря на политику Греции и Румынии, можно притти к заключению, что едва ли этим обоим государствам выгодно склониться на какую либо сторону. Следовательно, надо быть готовым на худшее,— на полное использование Германией средств Турции, что будет иметь своим следствием: а) полную безнадежность Дарданелльской операции, б) усиление действий турок против Кавказа, как отвлечение нашей силы, в) использование турецкого людского материала для пополнения рядов германской и в особенности австро-венгерской армии; Буковина может сделаться совершенно турецким театром; г) усиление действий турок, против Египта (Суэцкий канал), что отвлечет англо-французские силы от Дарданел и Солуни; д) передача наших пленных в Турцию, что облегчит хозяйство Германии» [1]).

Русское командование, придавая серьезное значение Балканам предлагало со своей стороны следующий план действий: «В настоящее время на французской и итальянской границах создалась неподвижная позиционная война, которая не может привести к скорому окончанию войны. Только на русской и балканской границах самое протяжение их и более доступная местность препятствуют ведению одной строго позиционной войны и мы делаем попытки в широком маневрировании искать ускорения решения в направлениях наиболее жизненных для противника. Намереваясь массою до 500.000 штыков перейти в наступление в направлении Ровно—Варшава, русская армия направляет часть сил от Черновиц через Буковину и Трансильванию к стороне Сербии, чтобы в районе Темешвара угрожать тылу австро-германских сил, действующих в Сербии. Это единственная возможность для русской армии помочь Сербии, так как высадка на берега Болгарии при слабости русского тран-

[1]) Черновой набросок доклада Николаю II в делах Ставки.

спортного флота и при господстве германских подводных лодок в связи с бурностью теперь Черного моря не обещает успеха, Если бы в то время как русская армия выдвинется на линию Брест—Львов—Сигот—Быстрица образовалась бы в южной Сербии масса из англо-франко-итальяно-сербов и, разбив болгар, могла бы вторгнуться через Сербию в направлении Белград—Будапешт, могло бы произойти соединение главной массы русской армии со всеми силами англичан, французов и итальянцев, тогда наступил бы конец для позиционной войны на французской и итальянской границах. Тогда явилась бы возможность овладеть Австро-Венгрией, еще более изолировать Германию и искать решения в направлениях от Варшавы и Будапешта к Берлину. Одним словом, надо брать Германию с наиболее слабой ее стороны, со стороны австрийской границы, а не со стороны Восточной Пруссии, Эльзаса и Бельгии. Затем для франко-английских сил откроется путь через Турин—Верону—Грац—Вену» [1]).

В дальнейшем балканская операция рисовалась в следующем виде: «Приняв план, в основе указывающий последовательное сосредоточение возможно больших сил на линии Варшава—Будапешт, мы сразу ставим на свое место всю балканскую операцию как подготовительную к вышеуказанной главной; тогда наше участие или неучастие в болгарской войне получает второстепенное значение и главное значение получает выход наших масс на линию Брест—Сигот—Быстрица и англо-франко-итальянцев на линию Оршава—Белград. Греция и Румыния получают свое место, свой план и главное в сосредоточении наших войск на Карпатах и англо-франко-итальянских в Сербии получают гарантию в своей обеспеченности: они попадают на главный театр, а не на второстепенный, как теперь, где всегда их могут бросить на произвол судьбы».

Однако, отсутствие единой воли, различие интересов, в частности шкурные интересы Англии, опасавшейся за Египет, не позволили союзникам стать на точку зрения русского командования и предпринять столь широкие операции на Балканах. Союзники ограничились лишь посылкой запоздалой помощи

[1]) Проект сообщения Жоффру (в делах Ставки).

Сербии в Салоники. Под командой Сарайля эти вооруженные силы, которые впоследствие доведены были численностью до 200.000 челов., не считая сербскую армию, реорганизуемую на острове Корфу (численность около 100.000 челов.), заняли укрепленные позиции от ниж. Вардара до залива Орфано. По настоянию англичан союзники склонялись к мысли даже полного очищения не только Дарданелл, но и Салоник, и лишь энергичное вмешательство ген. Алексеева удержало их от этого гибельного шага. Ген. Алексеев полагал, что эта точка зрения английского командования доказывает полное непонимание значения Румынии (и Греции) для общих интересов Согласия: «Приобретя 150—200 тысяч человек для главного театра, более чем уже насыщенного войсками, за счет оставления Салоник, Согласие рискует усилить противника на 350 тысяч румын, заставить Россию ослабить себя выделением войск для прикрытия 400 верстного участка от Черновиц до Одессы, дает возможность проникнуть в Бессарабию значительным силам румын, болгар, даже турок. Это вынудит русскую армию перейти к пассивной обороне при длинной и тонкой кордонной линии без резервов, дабы задаться скромной целью обеспечить собственную землю от дальнейшего вторжения врага.

Салоники—единственный пункт, через который возможно стратегическое воздействие западных держав с Россией и только здесь сербская армия станет на ближнейшее для нее операционное направление» [1]).

В меморандуме союзников от 15 февраля салоникский фронт получал значение рычага политики коалиции на Востоке, имеющего целью присоединить к нам колеблющихся нейтральных (Греция, Румыния) и отторгнуть, если возможно, от союза с нашим противником Турцию и Болгарию.

Эти силы, оставаясь пассивными всю весну и лето 1916 г. однако, сыграли некоторую роль: удержали от выступления Грецию на сторону Германии, отчасти облегчили дипломатии задачу понудить выступить Румынию на стороне держав Согласия, хотя надо признать, что эти силы на Балканах при желании и настойчивости в операциях в июне этого года могли бы достигнуть более значительных благоприятных результатов,

[1]) Телеграмма Алексеева Жилинскому 1 февраля (19 января) 1916 г. № 359.

сыграть не малую роль в облегчении операций нашего Юго-Западного фронта весной и летом 1916 г.

На русском фронте весной 1916 г. развертывались события первостепенной важности.

19 мая (ст. ст.), армии Юго-Западного фронта начали артиллерийскую подготовку прорыва, а 22—23 мая началось неудержимое наступление, причем главное операционное направление было выбрано в направлении Владимир-Волынского.

Успех русских армий Юго-Западного фронта, несмотря на ожесточенные контр-атаки австрийцев, грозил превратиться в катастрофу всей австро-венгерской армии. Удар, нанесенный русскими армиями произвел ошеломляющее впечатление на центральные державы.

Немцы предприняли ряд переброс с Запада на Восток, австрийцы приостановили свое наступление против итальянцев и также начали отправку с Изонцо своих войск против нас.

В результате слабой поддержки остальных фронтов наступление Юго-Западного фронта к 21 июня приостановилось. Верховное командование постепенно приходит к мысли, что Юго-Западный фронт является главным, что судьба кампании этого года решится на полях к югу от Полесья. К этому его привели не столько успехи Юго-Западного фронта, сколько неудачи на Западном и Северном фронтах, в особенности на Западном, на который возлагалась главная задача в весеннем наступлении. Сильное сопротивление противника у Ковеля, которое тормозило дальнейшее продвижение армий Юго-Западного фронта и создавало угрозу его правому флангу, обратило исключительное внимание Ставки и определило все дальнейшее течение операций. Упорные бои на правом фланге Юго-Западного фронта за обладание Ковелем к 1 августу окончились неудачей; левый же фланг (11, 7 и 9 армии) неуклонно продолжая наступление, к этому времени выдвинулся на линию западнее Броды—Подгайцы—Станиславов—Делатынь, хотя и здесь уже начинало сказываться сопротивление подвозившихся туда неприятельских резервов.

Таковы результаты Брусиловского наступления, которые оказали сильное влияние на стратегическую обстановку не только на западе (спасение итальянской армии от катастрофы,

остабление немцев на французском фронте), но главным образом на Балканском полуострове. Колебаниям Румынии был положен конец: она оказалась вовлеченной в мировую войну.

Переходя к оценке стратегической обстановки на европейских фронтах мировой войны, приходится констатировать, что на главных театрах во Франции и на Востоке союзники, несмотря на напряжение всех своих сил, не могли достигнуть решительных результатов над противником. Французские и английские армии не сумели сбросить с себя оковы позиционной войны и выйти в поле для широких маневренных операций. Стратегия союзников этого периода может быть охарактеризована, как стратегия истощения—«измора» противника с тактикой методического продвижения по метрам вглубь неприятельских укрепленных полос.

Наступление русских армий, завершившееся удачным прорывом расположения австрийской армии тем не менее не могло добиться окончательного разгрома одного из союзников Германской коалиции и фактически превратилось в широко задуманную «стратегическую разведку всем фронтом» (по выражению Гинденбурга).

В результате установилось своеобразное равновесие в силе и напряжении обоих враждебных коалиций.

И та и другая сторона искали приращения своих сил путем вовлечения в свою орбиту новых союзников, что, помимо приращения сил, открывало возможность широких маневренных операций в поле в обход укрепленных полос противника. Но стратегия «измора» требовала изоляции Германии и Австро-Венгрии, требовала закупорки пути из Германии в Малую Азию, имевшего огромное военное и хозяйственное значение для германской коалиции.

Сложившаяся обстановка потребовала энергичной работы дипломатии союзников в отношении Румынии.

III. Стратегические и политические перспективы в случае вступления Румынии в мировую войну на стороне одной из коалиций.

Стратегическое значение Балканского полуострова для Германии получило надлежащую оценку в германской военной ли-

тературе еще задолго до мировой войны, особенно в связи с постройкой Багдадской жел. дороги. Эта дорога должна была проложить путь германскому империализму к уязвимым пунктам своего соперника Англии. До войны экономическое и политическое значение этого пути, идущего через Балканы было огромно. Фактически все Балканские государства, за исключением Сербии и Черногории, державшиеся русской ориентацией, оказались вовлеченными в сферу экономического и политического влияния Германии и Австро-Венгрии, что во время войны должно было предопределить их участие на стороне германского империализма.

Этот великий Багдадский рельсовый путь был мощным рычагом германской политки на Балканах и в Азии. Путь отдавал в полное распоряжение Германии Босфор и Дарданеллы, что угрожало в экономическом и военном отношении России; слабая Турция становилась германской колонией, что было опасно опять таки для нас, так как открывало пути мощной Германии к нашим неисчерпаемым нефтяным источникам на Кавказе. Этот путь, таким образом, утверждал германское могущество на Балканах и сводил на нет русское влияние и исторические традиции, связывавшие молодые Балканские государств с Россией, из рук которой они большею частью получили свою национальную независимость.

Во время войны этот рельсовый путь от Берлина до Багдада призван был сыграть роль главного жизненного нерва, питающего центральные державы и связывавшего в единое целое всех союзников Германии. Фр. фон-Бернгарди в своей книге «Наша будущность» говорит: «Крайне важно обеспечить существование сильной Турции, потому что в случае европейской войны она предоставляет для нас *единственный свободный путь для подвоза* жизненных припасов и сырых материалов для нашей промышленности» [1]).

Это положение подтвердилось в полной мере. Блокада английского флота Германии в значительной степени теряла свое значение, так как Германия получала все необходимое на Балканах и азиатских рынках.

Блокада наносила смертельный удар Германии лишь в том

[1]) Курсив Бернгарди.

случае, если бы был прерван и основательно закупорен на Балканах великий Багдадский железнодорожный путь, следовательно, Ахиллесова пята германского могущества находилась на Балканах.

Какие стратегические и политические перспективы открывались для той или другой коалиции, в случае вступления Румынии в войну на стороне одной из коалиций?

Исследование этого вопроса необходимо будет связать конкретно с обстановкой, обрисованной в предыдущей главе.

Прежде всего выступление Румынии на стороне Антанты означало политическую победу дипломатии Антанты над Германией, означало новое соотношение сил на Бакланах, в пользу Антанты, создавало моральные предпосылки для поддержания милитаристического настроения в армии и в народных массах. Но это не главное.

Главное же заключается в том, что выступление Румынии против Германской коалиции, закрывало для Германии пользование продовольственными и сырьевыми рессурсами Румынии, давало до известной степени приращение сил Антанте и, наоборот, ослабляло Австро-Германскую коалицию, так как последняя в связи с появлением нового фронта принуждена растянуть свои войска еще на 1000 верст, создавало новый плацдарм для совместных действий соединенных сил русских и румын с одной стороны, и союзников от Салоник с другой, в операционных направлениях чрезвычайно опасных для германской коалиции.

Действительно, Румыния представляла из себя ворота, для вторжения русской армии на Балканы. Из Румынии открывались кратчайшие операционные направления на Константинополь, Софию и Будапешт в обход и тыл укрепленным позициям противника. Наивыгоднейшим направлением по своей краткости, наибольшей доступности надо считать направление на Софию.

Сосредоточение достаточных сил в этом направлении и координация их с Салоникской армией ставило Болгарию между двух огней. Такой удар был по самому слабому месту германской коалиции.

К этому времени, насколько было известно союзникам, Болгария устала от войны и тяготилась опекой Германии;

между болгарским царем Фердинандом и германским правительством установились натянутые отношения.

Разгром Болгарии и выход ее из войны означал изоляцию центральных держав от своего слабого союзника Турции и оставление его на произвол судьбы. Совершенно ясно, что Турция, этот «больной человек Востока», не могла бы сопротивляться в одиночестве. Путь для Германии через Константинополь в Азию был бы прерван, а это означало бы экономическую изоляцию центральных держав и осуществление блокады союзников в полной мере.

Соединение русских армий с Салоникской означало установление оперативной связи, единого фронта с союзниками.

В продолжении двух лет Россия, разделенная громадным пространством от союзников, существенно проигрывала от этого. Вынужденная заказывать технические средства заграницей, Россия должна была спешно построить Мурманскую жел. дорогу и оборудовать порт Мурманск для приема иностранных грузов; путь был слишком длинный и мало удобный. Решительное поражение германской коалиции восстановило бы короткий и удобный путь через Балканы, а еще лучше через Черное море.

Кроме того, эта победа осуществляла империалистические виды России на Константинополь и проливы.

Разбитая Сербия получала серьезную поддержку, на которую имела полное право.

Разгром Болгарии приводил союзные армии в ближайшее время на линию Цетинье—Ниш, как исходную, для дальнейшего наступления на Будапешт при поддержке румынских и русских армий Юго-Западного фронта, действующих в направлении Венгерской долины, т.-е. в тыл германским армиям, оперирующим на Балканах.

Разгром Германии на Балканах и возможность ее изоляции приводил к отпадению, помимо Турции, и ряда других фронтов: Месопотамского, на малоазиатском побережьи (Суэц), в Египте и т. п.

Это раз навсегда прекращало всякие домогательства Германии против Англии, снимало заботу последней за свои колонии и позволяло отправить все свободные силы на Балканы, где в то время должна решаться, может быть, судьба кампании.

Дальнейшие перспективы, которые создавались после разгрома Болгарии намечены в цитированном нами в предудущей главе докладе Ставки.

В силу географических условий наиболее ответственная задача выпадала на долю русской армии, но полный успех операции требовал, чтобы Салоникская армия, усиленная новыми подкреплениями, энергично атаковала болгар.

Выступление Румынии на стороне германской коалиции, что не было невозможным, ввиду ее неустойчивого положения, грозило тяжелыми последствиями для общего дела союзников, в частности ставило в серьезное положение левый фланг русской армии. На конференции в Шантильи признано, что из оперативных предприятий Германии весною 1916 г. «самым опасным маневром со стороны немцев для коалиции было бы наступление на Россию с помощью Румынии». В этом случае все выгоды оказывались на стороне Германии и Австрии.

Помимо политического и морального поражения, нанесшегося этим выступлением Антанте, все соотношение сил на Балканах резко изменялось в пользу Германии и ее союзников. Германия приобретала громадную сырьевую и продовольственную базу для своей страны, чем усиливала свои средства и, кроме того, прочно обеспечивала свои сообщения с Малой Азией.

9 и 7 армии, фронт которых тянулся от Подгайцы на Станиславов—Делатынь—Кирлибаба оказывались стратегически в тяжелом положении, так как для противника открывалась возможность глубокого обхода всего расположения этих армий.

По выступлении Румынии на стороне Германской коалиции требовался быстрый отвод 9 и 7-й армии, по крайней мере, на фронт старого расположения до Брусиловского прорыва, от Тарнополя на Черновицы, т.-е. сводились на нет все результаты весеннего наступления.

Кроме того, на всем фронте от Черновиц до Черного моря, по реке Пруту (протяжением в 400 в.), должны развернуться русские силы для прикрытия южных губерний и портов на Черном море. Русская армия, развернувшись на громадном пространстве от Балтийского и Черного моря принуждена будет, истратив все резервы на удлинение своего фронта, перейти к пассивной обороне.

Для Германии при поддержке Румынии открывались широкие перспективы ведения маневренных операций широкого масштаба на левом фланге русских армий в обход укрепленных полос.

Вторжение австро-германских, и румынских армий в Бессарабию было бы неизбежным, так как Россия ни в коем случае не когда бы сосредоточить в короткий срок значительных сил для прикрытия своих южных провинций, а это в сильной степени предопределяло исход кампании 1916 г. Австрия надолго избавлялась от дальнейших покушений со стороны России. Слагающаяся в этом случае обстановка неблагоприятно отразилась бы на положении и Салоникской армии. Последняя, представленная самой себе, не в силах была бы сопротивляться атакам всей болгарской армии, поддержанной турками и австро-германцами. Опасное положение еще более убедило бы англичан в необходимости эвакуировать свои войска из Салоник. В таком случае «рычаг Балканской политики союзников» скапчивал свое существование и на Сербии ставился крест.

Кто знает, как повела бы себя в такой обстановке Греция? Во всяком случае, весь Балканский полуостров оказался бы потерянным для союзников.

Таким образом, вступление Румынии в мировую войну на стороне одной из коалиций могло дать той или иной стороне вполне реальные выгоды.

Выгоды эти носили, если так можно выразиться, некоторый условный характер, т.-е. сама по себе Румыния, как мы выше изложили, не представляла большой величины ни в политическом, ни в военном отношении, но благодаря своему выгодному географическому положению на Балканах, ее выступление создавало благоприятную обстановку, некоторый плацдарм для развертывания сил в выгодном направлении. Но это выступление в полной мере могло дать все результаты лишь при условии надлежащей подготовки к нему и его использовании.

При неиспользовании же всех представляющихся данных это выступление не могло дать существенных положительных результатов, даже, наоборот, предоставленная самой себе, Румыния в значительной мере могла ухудшить общую стратегическую обстановку и явиться бременем для своих союзников.

IV. Выступление Рымынии против германской коалиции. Влияние этого выступления на русский фронт.

По своему географическому и политическому положению между двумя борющимися коалициями Румыния, хотя и заняла с самого начала нейтральную позицию, но было ясно, что на позиции чистого нейтралитета она удержаться не сможет. К тому ее вынуждали не только слагающаяся обстановка, но и сами борющиеся стороны. Обе стороны прилагали все усилия, чтобы вовлечь Румынию в войну, но верная своему принципу играть лишь наверняка, Румыния колебалась, поскольку еще не ясен был исход войны.

Наиболее серьезная обстановка для Румынии сложилась в январе 1916 г., когда она стояла накануне пред'явления ультиматума со стороны Германии, недовольной общим направлением румынской политики, в особенности продажей англичанам 80.000 вагонов хлеба. Германия потребовала, чтобы Румыния сдержала все условия нейтралитета до конца с немедленной демобилизацией армии, в противном случае ей угрожалось вторжением. Румыния обратилась за помощью к союзникам. С этого времени ведутся непрерывные переговоры союзников с Румынией об условиях ее выступления против Австро-Германии. Но ввиду разногласий между Алексеевым и Жоффром об использовании выступления и об условиях соглашения с Румынией, переговоры эти тянулись до конца года. Жоффр указывал, «что нет такой цены, за которую мы не должны бы купить содействия Румынии»; сосредоточение русских сил в 200—250 тысяч в Добрудже и движение их на встречу Салоникской армии должно, по его мнению, сыграть решающую роль в предстоящих операциях. Алексеев же считал, что выделение столь значительной армии ослабит русскую армию на важнейших направлениях. Он соглашался выделить для помощи Румынии 10 дивизий с целью использования их на левом фланге Юго-Западного фронта в операциях на Карпатах.

Нельзя не согласиться с этим мнением. В самом деле: главным театром для русской армии в то время был район севернее Полесья; все, что было к югу от него, играло лишь подчиненную роль по отношению к нему. Русская армия готовилась к

весенним операциям на главном театре по плану, выработанному 11 февраля на совещании в Ставке. Выделить значительные силы для операций в Добрудже, как указывал Жоффр, значило бы отказаться от операций на главных театрах, заново переработать план, начать значительные перевозки, на что ушло бы много времени. Алексеев не обманывался насчет содействия Салоникской армии, ибо был осведомлен о нежелании англичан держать там значительные силы. При этих условиях Алексеев не сочувствовал идее вовлечения Румынии в войну, так как помощь Румынии всей тяжестью легла бы на плечи русской армии. «При современном положении для нас наиболее выгодным явился бы нейтралитет Румынии», писал он, «ибо тогда мы могли бы считать совершенно обеспеченным участок нашей границы в 400 верст протяжением от Черновиц до Дуная» [1]). Он не обманывался насчет надежности румынского нейтралитета: «повидимому расчет на надежность нейтралитета Румынии не имеет под собой прочной почвы и допускается возможность или вторжения в Румынию в наши южные губернии болгар и германцев (и даже турок), или присоединения Румынии к враждебной нам коалиции». Сравнение сил севернее и южнее Полесья наших и противника приводит его к мысли, что «распределение сил указывает на то, что мы мало подготовлены или к оказанию военной помощи Румынии или к парированию удара румынских или других неприятельских войск через румынскую территорию на наши южные губернии» [2]).

Ввиду такой позиции ген. Алексеева переговоры с Румынией велись, но не настойчиво.

Между тем весна и лето внесли серьезные изменения в стратегическую обстановку мировой войны, в особенности на Востоке в связи с наступлением Юго-Западного фронта. Близость этого фронта к Румынии оказала решающее влияние на ее позицию в вопросе о выступлении. Дипломатия союзников энергично обрабатывала общественное мнение и правительство Румынии. Ген. Алексеев телеграфировал нашему военному агенту в Румынии: «Я не считал ранее удобным делать настойчивые представления румынским руководителям о присоединении румын к союзу, не

[1]) Доклад ген. Алексеева Николаю II от 5 февраля 1916 г.

[2]) Там же.

стесняя их свободу решения, но сложившаяся военная обстановка заставляет выяснить ген. Илиеско, что трудно было ожидать более благоприятных условий для вооруженного выступления Румынии» (см. «Стратегический очерк Румынского фронта»).

При обсуждении военной конвенции, выяснилось, что румыны категорически отказываются наступать против Болгарии. Все свои силы они сосредоточили против Австрии, оставляя для охраны границ с Болгарией незначительные силы из резервных дивизий; наступление в пределах Болгарии всецело предоставлялось русским войскам. Переговоры шли успешно и 4 августа были подписаны политическое соглашение и военная конвенция.

На военной конвенции стоит остановиться подробнее, так как она устанавливала основания взаимного сотрудничества русской и румынской армии, а также в полной мере выразила взгляд Ставки на вопрос использования Румынии в предстоящей борьбе. Я не сделаю ошибки, если скажу, что военная конвенция предопределила дальнейший ход событий, все последующие неудачи. Интересно отметить то обстоятельство, что эта конвенция составлена самим ген. Алексеевым.

Особенно интересен пункт конвенции, где говорится, что «румынское верховное командование разрешает вопрос о направлении операций, сообразуясь исключительно со своими общими политическими и военными условиями». Правда есть оговорка, что «русское верховное командование *высказывает* лишь *пожелание*, чтобы в интересах скорейшего достижения общих целей войны главный удар румынской армии был направлен на Трансильванию и далее на Будапешт, с оставлением против Болгарии лишь строго необходимого числа войск для обеспечения свободы операций главной румынской армии», также если это потребуется в интересах скорейшего достижения общих целей войны, то румынское командование даст военным операциям то направление, которое будет наиболее соответствовать общему делу союзников.

Помимо материальной помощи, Россия обязалась помочь Румынии своими войсками в Добрудже в размере одного корпуса.

Эта конвенция погубила Румынию, испортила все дело союзников на Балканах, вредно отразилась на всем русском фронте, ибо она не учитывала обстановки и ту реальную величину

в политическом и военном отношениях, которую из себя представляла Румыния.

Румынская армия несмотря на то, что должна бороться плечо к плечу с русской, совершенно самостоятельно и независимо от русского верховного командования осуществляет свои цели и планы войны; русское командование высказывает лишь пожелания или просьбы, чтобы внести те или иные коррективы в ход операций, между тем, как оно должно было подчинить румынскую армию на правах отдельной армии или фронта русской Ставке. Невольно напрашивается сравнение с поведением Германии во время начала операций в той же Румынии: Дунайская армия несмотря на то, что главная масса ее войск состояла из болгарских и турецких дивизий, была вверена германскому генерал-фельдмаршалу Макензену и руководилась германской главной квартирой. Тем более странно, что румынская армия получила весьма серьезные и ответственные задачи, удачное или неудачное разрешение которых отражалось на положении всего русского фронта. Сам ген. Алексеев признавал, что «если первые шаги румын на боевом поприще оказались бы неудачными, если бы их войска были бы остановлены слабыми, второстепенного качества силами противника, наше положение на театре южнее Полесья не только не улучшилось бы, но сделалось бы, пожалуй, трудным и во всяком случае, более ответственным в силу союзных обязательств относительно Румынии» [1]). В это время театр южнее Полесья он считал главным.

В первой главе я подробно охарактеризовал румынскую армию, причем характеристика построена большей частью на источниках довоенных, которые должны были быть известны ген. Алексееву.

Поручение молодой, неопытной и плохо подготовленной румынской армии столь ответственных задач, к тому же предоставленной фактически самой себе в выполнении их без опытного руководства со стороны русского верховного командования— есть ничто иное, как неучет реальной силы этой армии, превратное о ней представление. Мы подчинили и свои войска в Добрудже румынскому командованию.

---

[1]) Письмо ген. Алексеева ген. Эверту от 10 августа 1916 г.

Этот неучет реальной величины Румынии сказался и в том, что мы отказались использовать в активных целях ее выступление, отказались использовать все наивыгоднейшие стратегические перспективы, которые открывались в связи с этим выступлением. Мы предоставили использовать эту обстановку самой Румынии, слабой и неустойчивой.

Неиспользование выступления Румынии с самого начала в активных целях является самой роковой ошибкой нашей стратегии, повлекшей катастрофу в Румынии.

Выше я подчеркивал свое согласие с мнением ген. Алексеева по вопросу о выступлении Румынии в начале 1916 года, когда русские армии готовились к решительным операциям на театре севернее Полесья, но весна и лето 1916 г. в связи с прорывом Брусилова перенесли центр тяжести к югу от Полесья, и выступление Румынии совершилось в наиболее выгодной стратегической обстановке для нас. В этой обстановке уже никак нельзя согласиться с тем использованием Румынии, какое сделал ген. Алексеев. В самом деле: на главном театре к югу от Полесья были сосредоточены значительные силы; зная о времени выступления Румынии, мы могли с Северного, а еще лучше с более близкого, Западного фронта, снять значительные силы, не опасаясь за Петроградское и Московское направления, ибо все силы германской армии в то время участвовали в упорных и длительных боях на Сомме и в Аррасе, в которых немцы едва сдерживали наступление союзников (немцы не могли в то время своевременно поддержать австрийскую армию, в боях против Юго-Западного фронта),—и бросить эти корпуса в Румынию. Выступление Румынии открывало возможность Юго-Западному фронту, наступление которого уже застопорилось, довершить разгром австрийской армии. Если даже снятые несколько корпусов не бросить против Болгарии с целью вывода ее из строя (против чего так упорно восставал ген. Алексеев), то во всяком случае сосредоточение этой ударной группы за левым флангом 9-й армии и операции их в Буковине, я полагаю, сыграли бы решающую роль, и в корне изменили бы обстановку на Юго-Западном фронте. 9-я армия, оперирующая в лесистых Карпатах, по местным условиям не могла развить значительных успехов. Сосредоточение ударной группы за левым флангом 9-й армии обеспечивало операции и

румынской армии в Трансильвании. Только в этом случае мы могли решительными действиями захватить почин в действиях. Но увы!—к моменту выступления Румынии даже 9-я армия не получила серьезных подкреплений, и должна была геройски сражаться за каждую вершину, тратить громадные усилия, чтобы продвинуться на несколько сот сажен, а между тем, более, чем когда либо, здесь и в Трансильвании были необходимы мощные удары и стремительное движение вперед.

Таким образом, конвенция не предвещала ничего хорошего. Наученное на горьком опыте вынимания каштанов из огня для своих союзников, русское командование пожалело на этот раз силы, чтобы оказать помощь Румынии, или с выгодой использовать это выступление,—и в дальнейшем горько раскаялось...

Мы постарались, как нерасчетливые скупцы, с'экономить и на той силе, которую по конвенции должны были послать в Добруджу. Вместо 50 тысяч мы с бору и с сосенки набрали 30 тысяч, с наскоро сколоченным штабом из неизвестных друг другу лиц, бросили эти силы в Добруджу, дав ответственную задачу представлять русскую силу на Балканах.

Глубоко прав ген. Зайончковский, которому выпала несчастливая доля расхлебывать кашу, неудачно заварившуюся на Балканах, когда он говорит: «мне кажется, что 47-й корпус и ген. Зайончковский есть та кость, которую бросили Румынии для того, чтобы она выступила на стороне Согласия. На этой кости поставили крест, ее вычеркнули из состава вооруженных русских сил, а если в будущем будет какой либо от нее еще плюс, то это запишется на неожиданный для России приход» [1]). Отправление столь ничтожных сил в Добруджу дает повод подозревать, что русское верховное командование не учитывало серьезной возможности наступления со стороны болгар. Эта точка зрения повела к тому, что Ставка не попыталась исправить стратегическое развертывание румынской армии, основанное на предвзятой идее, что Болгария не выступит против Румынии, что с ней удастся заключить соглашение. Последующие события в Добрудже дали жестокий урок: ген. Алексеев спохватился и дал

---

[1]) Записка ген. Зайончковского Николаю II о действиях в Добрудже (август, октябрь 1916 г.). Дело № 875 Военно-Ученый Архив.

совет румынам несколько изменить перегруппировку своих войск, образовать сильный кулак в Добрудже. Но румыны, не желавшие оставлять, хотя бы на время, осуществление империалистических целей в Трансильвании, не нашли для себя возможным выделение крупных сил на юг.

Обстановка к концу августа слагалась уже настолько грозно для Румынии, что заставило ее обратиться за срочной помощью к России, но ген. Алексеев и на этот раз не оценивал всей серьезности положения: он полагал, что «каждый солдат, отправленный в Добруджу, уменьшал шансы нашего успеха на важнейшем жизненном и опаснейшем направлении», поэтому до выяснения целей Гинденбурга он не находил возможным ничего выделить в Добруджу.

Опять таки интересно провести параллель с Германией, которая в это время, атакованная на всех фронтах, находилась в тяжелом положении. Гинденбург говорит: «Сражения, которые происходили тогда, принадлежали к числу самых крупных из всей войны и по числу участвовавших людей и средств превзошли все бывшие. От начальников и от войск требовалось необычайное. Войска иссякали. Нервное напряжение было громадно. Все стояло на лезвие ножа» [1]).

Несмотря на такое положение Германия приняла самое активное участие в операциях против Румынии. «Обливающимся кровью сердцем я уступил, продолжает Гинденбург: «я помню горечь, которую я почувствовал тогда против императорско-королевской армии (австрийской А. К.), когда подумал о нашем положении на западе и на востоке и о том, что наши войска должны были всюду исполнять. Но надо было действовать, интересы обоих сторон были общие».

В то время как Германия, сковавшая своих союзников единой волей, сознает единство интересов и целей и не скупится на жертвы перед лицом грозного врага, в противоположном лагере мы не находим необходимого единства и понимания друг друга.

Во время намечавшейся уже катастрофы Жоффр не скупится на советы русскому и румынскому командованию,

[1]) Мемуары Гинденбурга.

указывая на настоятельную необходимость солидной помощи румынам в виде сосредоточения значительных сил в Добрудже для решительных операций против Болгарии. Ген. Алексеев не менее резонно отвечал, что «русская армия имела право рассчитывать, что ген. Жоффр применит свои советы к собственной обстановке и выделит усиление для армии Сарайля».

Единый язык не был найден до самого последнего момента катастрофы в Румынии. Понадобилась железная логика фактов, чтобы союзники сознали свою ошибку на Балканах и начали энергично перебрасывать свои войска; но было уже поздно: Румыния оказалась разгромленной...

Казалось бы пример Сербии должен был указать на результаты несвоевременной поддержки. Россия начиная с сентября непрерывно отправляет свои войска в Румынию. Алексеев, боявшийся потратить 5—6 корпусов для использования выступления Румынии в активных целях, к концу декабря принужден был только для спасения Румынии направить 15 корпусов пехоты и 3 конных корпуса (считая и 9-ю армию), однако, и этими значительными силами ход событий изменить не удалось.

Валахия и Добруджа были потеряны. Румынская армия была частью уничтожена, частью разбежалась. Почти вся материальная часть армии оказалась потерянной; из всей румынской армии осталось 70 тыс. деморализованных солдат, которых пришлось отвести в тыл. Развал в стране был ужасающий: санитарные поезда были брошены на произвол судьбы, вследствие чего раненые гибли от заражения крови; транспорты с ранеными оставались на дорогах в виду падежа скота; тиф господствовал повсеместно. Рядом с этим префекты жили в роскоши, почему лояльность их могла быть заподозрена. Никто не преследовал шпионов [1]). Со всех сторон поступали донесения и предупреждения об усилившейся германофильской пропаганде в населении и в румынских войсках, особенно среди офицерского состава. Один из начальников дивизии сбежал к противнику и издал манифест, которым приглашал войска последовать его примеру, сделанному им для спасения отечества. Усилилось враждебное

[1]) Доклад полк. Гриффиса.

отношение всех слоев общества Румынии к России. Такое явление наблюдалось и в правительстве [1]).

На Россию ложилась тяжелая задача реорганизовать румынскую армию, снабдить материальной частью заново, одеть и кормить не только армию, но и десятки тысяч беженцев, бороться с разрухой в тылу. Помимо тех жертв, которые понесла Россия для спасения Румынии, предстояли впереди еще более тяжелые жертвы в силу союзных обязательств.

Почему русская армия не могла использовать выступление Румынии в активных целях, чем оправдывается и об'ясняется промедление в своевременной поддержке Румынии достаточными силами и средствами? Какие важные стратегические задачи решали в это время армии русского фронта?

Северный и Западный фронты решали второстепенные задачи, играющие подсобную роль в главных операциях Юго-Западного фронта по овладению гор. Ковелем.

Бои за Ковель, окончившиеся лишь в половине октября, приковали к себе значительные силы русского фронта. В этих операциях, повторявшихся раз за разом с одним и тем же печальным результатом мы с расточительной щедростью расходовали свою живую силу.

Нужны были пятикратные усилия и громадные жертвы, чтобы убедить русскую Ставку в бесплодности всех усилий, в ничем не оправдываемом в стратегическом отношении расходе моральных и материальных сил русской армии.

Перед нами встают вопросы: неужели русская армия на бесконечном протяжении своего фронта не могла найти помимо Ковеля новых стратегических возможностей для приложения своих сил после 1—2 неудачных попыток под Ковелем? Что это за странные «стратегические ключи», овладение которыми необходимо во что бы то ни стало для развития решительных операций?

Из-за этого «ключа» мы просмотрели развязку на полях Валахии и Добруджи. Одна стратегическая ошибка повлекла другую, еще более тяжелую—в Румынии, которые в сово-

---

[1]) Сообщения ген. Сахарова Алексееву от 22 февраля и 20 марта 1917 г.

кушности определили исход кампании 1916 г. на русском фронте.

Ген.-квартирмейстер Ставки ген. Лукомский в своей записке о текущих задачах русской армии и плане кампании на предстоящий 1917 г. утверждает, что «обстановка в армиях Северного, Западного и Юго-Западного фронтов после летней кампании этого года с момента выступления Румынии в существенных своих чертах не изменилась» [1]). Это утверждение не соответствует действительности, что подчеркивается и им самим в дальнейшем изложении.

Выступление Румынии сказалось: 1) в удлинении левого фланга Юго-Западного фронта вводом в конце концов всей 9-й армии в пределы Молдавии; 2) в переброске громадных сил в пределы Румынии из состава армий всех фронтов. Таким образом выступление Румынии привело к ослаблению в общем всего русского фронта. К концу 1916 г. весь русский фронт выполняет чисто пассивную задачу питания румынского фронта своими силами; 3) и наконец, выступление Румынии сказалось в соответствующем соотношении и группировке сил нашего фронта, по мнению ген. Лукомского, предопределявших кампанию 1917 г.:

«Необходимость значительного ослабления армий Северного, Западного и Юго-Западного фронтов, значительное накопление сил на Румынском фронте в связи с пожеланиями конференции в Шантильи о необходимости разгрома Болгарии, а также невозможность при состоянии наших железных дорог быстрой переброски войск с одного фронта на другой, и тем более с румынского фронта на другие, указывает нам путь, а именно: сосредоточенные на румынском фронте силы усилить еще более для перехода в наступление в связи с союзниками весной 1917 г., с целью разгромить Болгарию.

Поставить себе наступательную операцию на Балканах за основание, наметив ее, как главную, ведение активных операций на других фронтах является не только вполне желательным, но и необходимым» [1]).

---

[1]) Записка ген. Лукомского от 16 декабря 1916 г. Дело № 703. Военно-Ученый Архив.

[1]) Записка ген. Лукомского от 16 декабря 1916 г.

Таким образом, завязнув на Балканах, мы не могли уже вернуть себе оперативной свободы на других фронтах в виду их слабости, вернуть же силы с Румынского фронта не были в состоянии в виду разрухи железных дорог в Румынии. Следовательно, выступление Румынии, а особенно ее неудачи заставили переместить центр тяжести главных операций еще более к югу на левый фланг всей русской армии. Правда, ген. Алексеев подал свое мотивированное мнение, не совпадающее с приведенным мнением, тем не менее и. д. Начтаверха г. Гурко признал, что весною 1917 г. на румынском фронте должны начаться серьезные операции; главный удар, одновременно с этими операциями нанести в Львовском направлении.

Выступление Румынии, таким образом, глубоко сказалось на общем стратегическом положении всего русского фронта. Мы не только не выиграли, но многое проиграли в результате этого выступления, взвалив на свои плечи деморализованную Румынию, не использовав с выгодой стратегической обстановки, создавшейся в связи с ее выступлением.

Германия энергичными ударами решительно ликвидировала все опасности, связанные с выступлением, извлекла все выгоды из наших ошибок, разбив по частям сначала Румынию, а затем, прибывавшие пакетами наши силы.

Отказ от активных действий на Балканах передал инициативу в руки противника не только в Румынии, но почти на всем русском фронте. Стратегия ген. Алексеева свелась к пассивной стратегии мелких пакетов, заштопывания дыр, парирования ударов противника, на что ушли непроизводительно колоссальные силы и средства, не смогшие, все-таки предотвратить катастрофы.

Мы вправе задать вопрос: что случилось бы, если бы эти силы и средства были заранее сосредоточены и двинуты на Балканы или в Трансильванию и Буковину с активными целями? Кто знает, каких успехов мы бы достигли, во всяком случае той катастрофы, которая обрушилась на нас, мы бы не имели.

Такую же стратегию вело и союзное командование по отношению салоникской армии. Лишь после наметившегося разгрома Румынии, союзники энергично начинают подвозить новые дивизии в Салоники. Но и ст этого допинга салоникская армия не стала

активной и фактически явилась лишь пассивным зрителем румынской катастрофы.

Но даже использованное так неудачно выступление Румынии на стороне союзников сыграло некоторую положительную роль. Румыния, пожертвовав собой по нашей вине, тем не менее явилась компрессором или буфером при нажиме германских армий. Пожертвовав румынской территорией, мы спасли Бессарабию и наши южные провинции. Было бы несравненно хуже для русского фронта, если бы Румыния выступила на стороне Германии. Румынская территория послужила бы плацдармом и удобным подступом для действий соединенных германских армий в направлениях к Одессе и Киеву. Русская армия едва ли была бы в состоянии сосредоточить значительные силы, чтобы отразить натиск германских армий в этом случае.

Бессарабия и другие южные провинции были бы потеряны, а силы более или менее значительные перебросить нам пришлось бы.

С другой стороны, выступление Румынии отвлекло германские силы, которые могли бы найти применение на других фронтах мировой войны.

Так и оценивает общий результат выступления Румынии русская Ставка: «хотя выступление Румынии и привело ее армии к поражению и заставило нас первоначально значительно удлинить наш левый фланг, введя всю 9-ю армию в пределы Молдавии, а затем переброской с других фронтов образовать новый румынский фронт, тем не менее это выступление имело для нас и союзников то значение, что и противник направил часть своих сил с других фронтов и часть новых формирований, всего до 30 дивизий, на новый театр военных действий, причем $20^1/_2$ дивизий первоначально действовали исключительно против румынских армий, т.-е. выступление Румынии оттянуло свободные силы противника, которые в противном случае могли бы найти применение для развития операций на других фронтах наших или наших союзников [1]).

Общая оценка роли Румынии со стороны противника такова же. Людендорф говорит: «Мы разбили Румынские войска.

---

[1]) Докладная записка ген. Лукомского от 16 декабря 1916 г. в деле № 703.

Мы достигли что только было возможно, но должны были в Добрудже и Валахии оставить силы, которые до вступления румын в войну применяли на восточном и западном фронтах и в Македонии.

Несмотря на нашу победу над румынскими войсками, мы в общем ведении войны стали слабее»...

Но в этом выразилась скорее пассивная, чем активная роль Румынии.

Румыния не смогла дать всего, что она могла бы дать при надлежащем своем использовании и ответственность за все это ложиться в первую очередь на русское верховное командование.

А. Казаков.

РУМЫНСКИЙ ФРОНТ.

ВВЕДЕНИЕ.

Стратегический очерк Румынского фронта представляет особый интерес в историческом описании мировой войны. Политическое положение Румынии до ее вступления в союз великих держав, ее дипломатия, ее военная неподготовленность к участию в борьбе, несогласность действий союзников на Балканском полуострове и в высокой степени решительный характер операций немцев—все это имело исключительное влияние на ход войны, особенно, в 1916 году и на время возможного тогда окончания ее.

Ознакомление с документами, относящимися к этому периоду войны, чрезвычайно интересно обрисовывает также личность генерала Алексеева, его несочувствие присоединению Румынии к союзу, его отношение к верховным командованиям союзников и в особенности—к главнокомандующему французской армией, генералу Жоффру, что отразилось существенно на общем деле союза.

Изучение этого периода войны с точки зрения достигнутых немцами результатов и тех поражений, которые понесли румынские, а потом и русские войска, приводит к заключению, что совершившиеся на Румынском театре военных действий события, отразившись на операциях всего русского фронта, показывают, что верховное командование не сумело использовать такого крупного фактора, как усиление общего фронта румынской армией в 400 тысяч.

Еще в ноябре 1915 года генерал Алексеев сообщил (Д. № 56 ч. I) генералу Жилинскому (нашему военному представителю во Франции), что союзникам необходим общий план действий, общая стратегическая мысль, руководящая стремлениями союз-

ников, распределением их сил, временем исполнений операций. «Средства наши велики», писал он, «но не согласованы, разрознены. Благоволите высказать этот взгляд и *убедить в необходимости* обсудить стремления каждого союзника, сделать героическую попытку согласовать частные интересы, поставить общую цель»...

В январе 1916 года г. Алексеев опять высказывал Жилинскому, что: «в то время, как действия противника носили характер глубоко продуманных общего значения предприятий, действия союзников—каких-то частных ударов, не связанных ни общностью замысла, ни временем...» «нельзя основывать план на постепенном истощении запаса людей и материальных средств Германии, нужно ставить целью настойчивое, постепенное сжимание врагов, лишение их возможности безнаказанно развивать дальние предприятия, ибо это дает им продовольствие и людской материал»; в связи с этим он находил желательным установить решение союзников относительно Балканского полуострова, выяснить взгляд союзников на свое пребывание в Салониках, какие силы и когда, из числа своих широких формирований, предполагали собрать там французы и англичане. Причем высказывал, «что одно спокойное занятие Салоник не могло оказать влияния на ход событий. Операционное направление Салоники—Белград—Буда-Пешт наилучшим образом обезпечивало взаимодействие русской, англо-сербской и итальянской армий. Направление стратегически важное, ибо вело к сердцу противников, а уничтожение его окончательно стесняло свободу действий и ограничивало средства другого».

Мнения г. Алексеева особенно оправдались в описываемый период войны, в котором приходится видеть не только недостатки в согласованности действий союзников вообще, но и не полную искренность в введении переговоров, в постановке стратегических и оперативных целей и в пользовании средствами к достижению их.

Источниками к составлению настоящего очерка служили почти исключительно те Дела Военно-Ученого Архива, которые уже разобраны. Несомненно, что в Общем Архиве, не при-

веденном в окончательный порядок, найдется еще много ценного материала к более полному описанию.

Кроме архивных дел, представлялось возможным воспользоваться имеющимися в печати интересными мемуарами генерала Людендорфа и, в незначительной части, трудом генерала Фалькенгайна: 1914—1916 Die Oberste Heeresleitung.

I.

Положение на русском фронте в конце 1915 года. Политическое положение Румынии в 1916 году. Переговоры с ней о заключении военной конвенции. Присоединение Румынии к Союзу. Объявление Румынией войны Австрии. Формирование LVII, русского корпуса, отправлявшегося в Добруджу. Состав румынской армии и ее сосредоточение. Сосредоточние австрийских, болгарских и турецких войск в Трансильвании и Добрудже. Общее положение западного и восточного немецких фронтов.

Осенью 1915 года русские армии, после продолжительного отступления, заняли позиции от берегов Рижского залива до Румынской границы. Крупные операции приостановились и обе стороны находились в выжидательном положении.

К октябрю месяцу сербская армия, теснимая с севера австро-германцами, на востоке болгарами, оказалась в критическом положении; наследник сербского престола просил помощи союзников и в особенности России. Эта помощь могла быть оказана вторжением наших войск в пределы Болгарии через Румынию, или производством десанта на болгарский берег Черного моря, или энергичным наступлением юго-западного фронта, чтобы оттянуть австро-германцев.

Первый способ отпадал, так как дипломатические переговоры выяснили, что на согласие Румынии пропустить наши войска через Добруджу нельзя было рассчитывать. Вопрос о десанте на болгарское побережье также отпадал вследствие донесения командовавшего черноморским флотом адмирала Эбергарда, что без морской базы в Констанце десантная операция трудно выполнима в благоприятное время, осенью же она могла

окончиться катастрофой. Генерал Алексеев, с своей стороны, учитывал и то, что выделение особой армии в Болгарию ослабляло нас на главном театре и что, в случае присоединения Румынии к враждебной нам коалиции, наша армия в Болгарии, имея один путь отступления,—морем,—могла быть атакована румынами.

Исходя из таких соображений, г. Алексеев полагал выгодным собрать особую армию на Волочисском направлении и отсюда нанести австро-германцам удар, в зависимости от обстановки, или на Львов, или в Трансильвании. 7 (20) ноября он предложил союзникам еще один план—совместного наступления к Буда-Пешту 10 русских корпусов и 10 союзных (из Салоник); но союзники отнеслись отрицательно к подобной операции.

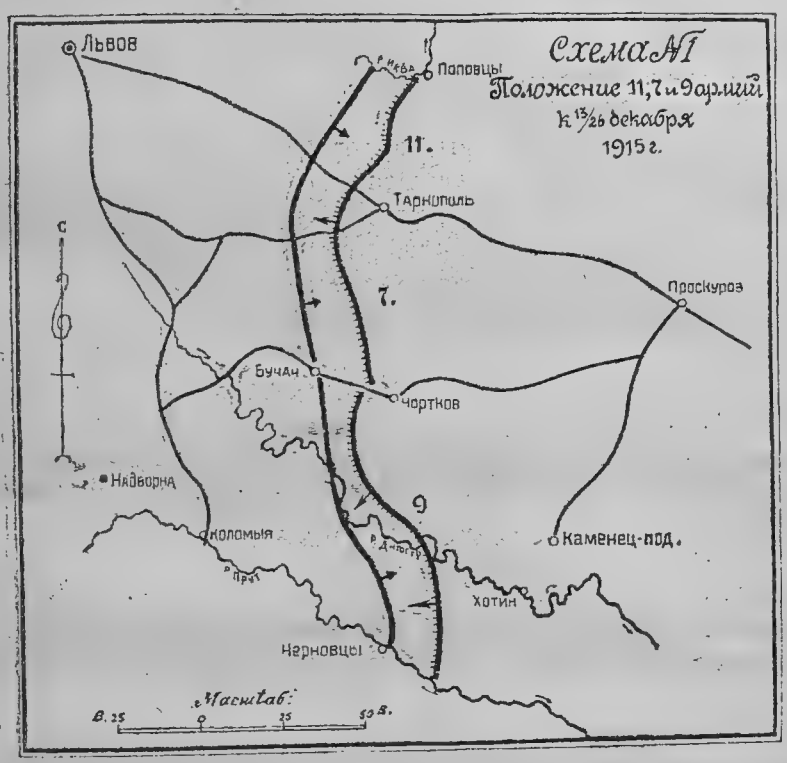
Согласно с директивой Ставки от 10(23) ноября армии юго-западного фронта начали наступление с 14 (27) декабря, причем 9 армия наступала между р. Днестром и р. Прутом (Положение 11, 7 и 9 армий к 13 (26) декабря показано на схеме № 1-й).

С 20 декабря (2 янв.) наступление 9 и 7 армий почти не развивалось и стало переходить в огневой бой; операция ни к каким положительным результатам не привела, наступило затишье и накапливание новых сил, частью на случай политических осложнений—возможного выступления Румынии на стороне наших врагов, частью в силу атмосферических условий: дожди, снег, ростепель и туманы не допускали широких операций [1]).

Политическое положение Румынии в январе месяце 1916 года становилось очень серьезным. Она находилась накануне пред'явления ей ультиматума Германией, недовольной общим направлением румынской политики и особенно продажей англичанам 80 вагонов хлеба, который центральные державы считали уже своим достоянием. Германия пред'явила Румынии требование принять условие нейтралитета до конца войны, с немедленной демобилизацией армии, или же испытать вторжение в Румынию германских и болгарских войск. Первый министр

[1]) Страт. очерк войны 1914—1918 г.г. Ч. 5-я Сост. В. Н. Клембовский.

Братпано имел 9 января свидание с русским посланником в Бухаресте, (Д. № 3 ч. XIX). Козел-Поклевским, и просил его точно выяснить во сколько дней и сколько войск русские могли бы сосредоточить на границе с Румынией, чтобы помочь румынам отразить неприятельское нападение с юга, которое Братпано считал особенно опасным в виду того, что Бухарест находится всего в 60 киллометрах от Дупая.



Русский министр иностранных дел, Сазонов, просил г. Алексеева сообщить данные по поводу просьбы Братпано и высказал, что необходимо во что бы то ни стало убедить последнего в нашем решении и возможности для нас защитить Румынию.

Г. Алексеев, принимая во внимание определенно выяснившееся тогда же нежелание союзников увеличить свои силы в Салониках, что давало бы возможность начать оттуда насту-

нательные действия и привлечь на себя большую часть болгарской армии и часть сил германцев и австрийцев,—ответил 13 января Сазонову, что оказание помощи Румынии ляжет исключительно на наши плечи, что с чисто военной точки зрения нам выгоднее было бы принятие Румынией нейтралитета, даже с демобилизацией ее армии, что обеспеченный нейтралитет прикрывал сам по себе нашу границу от Черновцов до Дуная, сокращал наш стратегический фронт, освобождал от расброски сил и давал возможность избегнуть непосредственной борьбы с болгарами. Если же нейтралитет Румынии не мог быть признан обеспеченным, то мы должны были оказать Румынии вооруженную помощь, для чего могло быть предназначено до 10 дивизий. Отправлять эти силы на южную границу Румынии по мнению Алексеева, являлось крайне нежелательным и выгоднее было собрать такую армию в северной Молдавии, в районе Фольтичени-Герцы; этот район угрожал бы правому флангу всего фронта противника и по своей важности мог приковать значительные его силы; румынам давалась возможность всю почти армию сосредоточить для прикрытия своей южной границы, т. е. собрать силы вполне достаточные для борьбы, при условии энергичного развития нами удара в Буковине. Во всяком случае, высказывался Алексеев, с одобрения царя «мы не можем и не имеем права упустить Румынию и дать ей итти по тому пути, по которому пошли в свое время Турция и Болгария». (Схема № 2).

Ориентировав о политическом положении дел в Румынии главнокомандующего Юго-Западным фронтом, г. Алексеев сообщил г. Иванову директиву верховного командования, в которой указывалось, что будет ли возможно употребить все 10 дивизий для мощного удара со стороны Герца в обход Черновцов с юга, придется ли перебросить до двух корпусов в Добруджу для обеспечения нас на крайнем левом фланге, или обстоятельства потребуют дальнейшего усиления войск в Добрудже для развития здесь главного удара—выяснит обстановка и, до известной степени, условия военного соглашения с Румынией.

По сведениям румынского генерального штаба, имевшимся в середине января, число болгарско-германских войск на линии Разград—Шумла—Варна не превышало 100 т., германских ча-

Схема №2.
Масштаб:
В 40 0 40 80 В.
Галич
Нижнюв
Станиславов
р. Днѣстр
Каменец-Подольск
Надворна
Коломыя
Могилев
Черновцы
Герца
р. Серет
Кирлибаба
Ботушаны
Бельцы
р. Прут
Фальтичены
Дорна-Ватра
Сигот
Быстрица
Ясcы
Кишинев
Унгены
Бендеры
Роман
Пьятро
Колошвар
Бакеу
Одесса
Лейпцигская
Окна
р. Тротуш
р. Ойтос
Аджуд
Шесбург
Карлсбург
Мюльбах
Текуч
Германштат
Фогараш
Кронштат
Болград
Темешвар
Галац
Рымник Сарат
Браилов
Исакчи
Измаил
р. Дунай
Синай
Кимполунг
Куртеа де Арджис
Рымник
Бузео
Орсово
Питешти
Плоешти
Мезгиль
Остров
Урзичени
Гирсово
Слободзия
оз. Головито
р. Ольта
Бухарест
Слатин
Крайова
Черноводы
Констанца
Меджидие
Каларна
Силистрия
Рахово
Кабадым
Тузла
Коман
Туртукай
Караколо
Мангалия
Александрия
Видин
Рущук
Никополь
Систово
Разград
Базарджик
Добрич
Балчик
Шумла
Варна
Тырново

стей имелось 105, дивизия и часть 103 дивизии; силы противника у Салоник исчислялись в 120 тысяч австро-германцев и 180 тысяч болгар. Против них в районе Салоник находилось 4 французских и 5 английских дивизий (около 220 т.), на позициях от ниж. Вардара до залива Орфано.

В январе Поклевский сообщал Сазонову, что отношения с Болгарией на границе постепенно ухудшались, происходили драки между румынскими и болгарскими служащими, болгары закрыли свою сухопутную границу. Вместе с этим посланник доносил о предположениях румынских военных сфер, что длина границы позволит румынам защищать успешно лишь линию Дуная и границу со стороны Австро-Венгрии; таким образом занятие Добруджи должно было остаться на попечении русских, для чего следовало бы иметь армию в 200 т., с базой в Констанце.

По поводу этого донесения г. Алексеев 18 января уведомил Сазонова: «нужно поставить вопрос на почву серьезно деловых переговоров и разработки плана совместных действий. Нет цели выслушивать односторонние пожелания румынских генералов, или мнения коллег нашего посланника».

25-го января г. Алексеев сообщил г. Сазонову, что если примем обязательство собрать в Добрудже столь сильную армию, которая подразумевает наступательные действия на Балканском полуострове, то мы должны будем собрать и другую достаточной силы армию, дабы обеспечить обнаженное левое крыло наших армий ген. Иванова, прикрыть пути на Одессу—Николаев с северо-запада и обеспечить тыл и правый фланг румынской армии. «Откуда мы возьмем эту новую армию. С Петроградского и Московского направлений. С главных направлений мы искусственно переместим центр тяжести на направление второстепенное в явный ущерб будущей компании...» «силы наши для громадного фронта ограничены и с легким сердцем нельзя отправлять армии туда, куда влекут нас союзники настоящие и возможные в будущем».

В первых числах февраля в Бухарест прибыл вновь назначенный наш военный агент полк. Татаринов, которому в Ставке даны были соответствующие инструкции. 4-го февраля Братиано сказал ему: «Румыния выступит только в момент общего наступления держав согласия на всех фронтах и так как этого

нельзя ожидать немедленно, то у нас еще есть время, чтобы успеть сговориться».

19 февраля (3 марта) представитель французской военной миссии в Ставке генерал По довел до сведения г. Алексеева содержание телеграмм, полученных им от генерала Жоффра.

Генерал Жоффр настаивал на чрезвычайно важном значении совместных действий с Румынией. Мнение свое он основывал на следующих соображениях:

Сохранение Румынией нейтралитета делалось все более и более проблематичным: угрожаемое со всех сторон воюющими, государство это едва ли могло иметь возможность долго еще сопротивляться необходимости стать на ту или другую сторону; центральные державы имели слишком много дипломатических, военных и экономических интересов в том, чтобы побудить Румынию выступить на их стороне и оказать на нее энергичное давление, а в случае надобности прибегнуть и к применению силы.

Между тем Румыния, предоставленная необходимости опираться на собственные свои средства, не была в состоянии оказать серьезное сопротивление категорическому требованию наших противников. Слабое и колеблющееся правительство ее, понимавшее однако значение создавшейся обстановки, отдавало себе ясный отчет в тех опасностях, которым оно могло подвергнуться, ответив решительным отказом на вполне возможный и вероятный ультиматум Австро-Германии.

Лишь при двух условиях оно могло бы взять на себя этот риск: первое—иметь возможность безусловно рассчитывать на немедленное содействие союзников, и в частности русской армии; второе—иметь уверенность в том, что ценою своего содействия она впоследствии приобретет австрийские провинции Буковину и Трансильванию, к чему были направлены все помыслы национальных ее стремлений.

Простые обещания и отвлеченные уверения были бы недостаточны для такой нервной и недоверчивой нации как Румыния.

Требовать от румынского премьер-министра, чтобы он соглашался на условия, не покоющиеся вполне определенно на указанных основаниях,—значило бы заставить г. Братпано отказаться от власти и уступить свое место своим германофиль-

ским соперникам. Это означало бы бросить Румынию в об'ятия Германии. Но подобное решение имело бы самые серьезные последствия: наши противники получили бы в лице румынской армии весьма значительное приращение сил, достигавшее нескольких сотен тысяч человек. На восточном театре Россия, лишенная точки опоры, каковой являлся для нее нейтралитет Румынии, сделалась бы уязвимой на своем левом фланге, а ее богатые промышленные провинции оказались бы под угрозой быть занятыми противником.

Вынужденная растянуть свой и так уже чрезвычайно обширный фронт до Дуная, то-есть более, чем на 400 киллометров, Россия была бы поставлена в необходимость заботиться прежде всего об обороне своей территории, возможность же предприятия каких либо активных с ее стороны действий оказалась бы в значительной степени затрудненной, если не совершенно исключенной.

Экспедиционный корпус в Салониках был бы предоставлен самому себе и находился бы под ударами противников, которые при этих условиях сделались бы неоспоримыми хозяевами Балканского полуострова.

На других театрах, и в частности на французском фронте неподвижность фронта русских армий имела бы гибельные последствия, так как это позволило бы австро-германцам сосредоточить здесь мощные средства для наступательной операции, которые были бы переброшены с восточного фронта.

При таких условиях выступление Румынии делалось вопросом до некоторой степени жизненным и решающим для общего дела союзников. «Нет такой цены, за которую мы не должны бы купить содействие Румынии; для этого мы должны теперь же принимать меры военного характера с тем, чтобы поставить Румынию в условия возможности дать отпор вероятному давлению со стороны немцев, и вместе с тем вселить уверенность в это государство в благожелательности и твердости наших намерений; принятые нами мероприятий, лишенных с полной несомненностью всякой задней мысли и имеющих целью удовлетворить в необходимой мере ее пожелания и стремления, приведет к желаемому результату». Разрешение других важ-

ных вопросов принадлежало, по мнению Жоффра, главным образом, России; заключались они в нижеследующем:

С одной стороны: выработка общего плана операций для обоих армий; численность русских войск, для совместных с румынской армией действий на границах Румынии; предварительное сосредоточение русских сил, полное или хотя бы частичное, поблизости от румынской границы. С другой стороны: обеспечение гарантий в приобретении территориальных приращений в Буковине и Трансильвании.

Из числа этих вопросов первые три имели чисто военный характер; что же касается последнего, который имел в глазах румын первенствующее значение, то они не удовольствовались бы простыми заверениями, данными дипломатией; они желали, чтобы по плану кампании театром военных действий главных их сил служили Буковина и Трансильвания, что позволяло, путем занятия этих территорий, надежно обеспечить осуществление их стремлений.

Таким образом, раз дипломатическое соглашение относительно аннексии австрийских провинций было бы достигнуто, все вопросы были бы заключены в рамки военной конвенции.

По отвечавшему стремлениям Румынии плану, государство это взяло бы на себя ведение военных операций в австрийских провинциях, на Россию возлагались бы операции в районе Дуная с наступлением в пределы Болгарии; относительно выставляемых Россией сил должно было быть достигнуто соглашение, имея в виду, что румыны считали необходимым для этого около 200.000—250.000 человек.

План этот не противоречил, по мнению г. Жоффра, собственно ни одному из основных принципов военного искусства. Г. Жоффр полагал, что, оставляя в стороне всякие политические соображения, можно было сказать, что в основу плана была положена правильная мысль, которую можно было формулировать следующим образом: использовать каждого в зависимости от его способностей, возлагая на каждую из двух армий задачу в районе действий, которые позволяли ей дать максимум того, на что она способна, к наибольшей выгоде общего дела.

В Буковине, Трансильвании неиспытанная еще в боях румынская армия, заключенная на обоих своих флангах в про-

ные рамки русских войск, и воспламеняемая идеей о выпавшей на ее долю роли освободительницы, находилась бы в прекрасных условиях для наступления прямо перед собой в страну, где она могла бы встретить симпатии родственного населения [1]). Для России же имелся несомненный интерес, собственными своими силами закрепить на Дунае важную точку опоры обширного фронта. Русская армия более опытная и более умелая в маневрировании, чем румынские войска, была бы благодаря этому способна к разрешению различных задач, могущих представиться для фланговой армии. Действуя против болгар, среди которых воспоминания об освободительной войне еще тогда не угасли, она вероятно встретила бы если не глубокие симпатии со стороны болгарских крестьян и солдат, то по крайней мере отвращение и колебание при необходимости относиться к бывшим своим освободителям как к непримиримым врагам. Наконец, качества русских войск были серьезной гарантией успеха их наступательной операции, при одновременном наступлении от Салоник на Софию англо-французского экспедиционного корпуса.

В случае если бы, по неизвестным причинам, русское правительство не сочло нужным принять этот план полностью,— соглашение могло бы повидимому быть достигнуто на нижеследующих основаниях: совместные действия обоих армий на обоих театрах с численным преобладанием румынского элемента в Трансильвании и русского элемента на Дунае.

Если бы Россия взяла в свои руки инициативу в пред'явлении этих предложений и приступила к сосредоточению на Пруте сил, предназначенных для совместных с Румынией действий, то она подтвердила бы этим самым не только свои благожелательные намерения, но и твердую свою волю их осуществить немедленно.

Находясь перед совершившимся фактом, и при наличии плана операций, отвечавшего ее намерениям и интересам, учитывая образ действий, возможных для ее правительства, могущего представить несомненные гарантии, Румыния не имела бы более причин уклоняться от выступления. Можно было вполне надеяться, что ее правительство, имея возможность

[1]) Мы не можем присоединиться к мнению г. Жоффра, так как «освободительная» роль Румынии клонилась к грубому террит. захвату в Трансильвании, Буковине и Банате. Ред.

опираться на достигнутое удовлетворение национальным чувствам и рассчитывать на непосредственную помощь со стороны России, перешло бы на сторону союзников. Самое худшее, что могло бы случиться, был бы открытый переход румынского правительства на сторону наших противников, под их давлением угрозою или применением открытой силы. Но в таком случае русская армия, будучи уже сосредоточена на румынской границе имела бы возможность двинуться навстречу противнику и преградить ему путь при самых выгодных условиях в смысле быстроты и безопасности действий.

В общем, генерал Жоффр полагал, что необходимость активного на стороне союзников выступления Румынии должна была иметь решающее значение, и следовало отбросить всякие соображения второстепенной важности, как-то достоинства плана кампании, каковое обстоятельство, здраво рассуждая, не могло явиться причиной несговорчивости России.

Прежде чем привести ответ г. Алексеева генералу По, данный 24 февраля, необходимо ознакомиться с полученным 20 февраля в Ставке донесением нашего посла в Париже и с письмом г. Алексеева министру иностранных дел от 21 февраля.

В этом письме г. Алексеев определенно выразил свое несогласие с доводами генерала Жоффра, что и имело последствием во-первых то, что Румыния не примкнула к союзу в начале 1916 года и, во-вторых—привело к отправке нами в Добруджу в августе месяце всего лишь одного корпуса.

Русский посол в Париже телеграфировал, что по сведениям, полученным из Бухареста, при переговорах между нашим и румынским генеральными штабами возникли серьезные разногласия.

Румыны будто бы настаивали на том, чтобы им предоставлено было действовать главным образом в пределах Буковины и Трансильвании, тогда как мы стремились направить их силы против Болгарии. Французское правительство было очень озабочено этим известием и крайне опасалось последствий возможного разрыва переговоров. Президент же республики телеграфировал об этом непосредственно царю.

21 февраля г. Алексеев сообщал г. Сазонову, что если бы в ходе начальных переговоров с представителями румынского

правительства сразу же обнаружилось резкое и неустранимое противоречие взглядов, желаний, то полковник Татаринов не преминул бы донести об этом и просил бы дальнейших указаний. Но никаких телеграмм от нашего военного агента не получалось, что указывало только на то, что в это серьезное дело вносилось повидимому, капитаном Пишон (французск. военный агент в Бухаресте) неуместная нервность, скороспелость; а прием обращения к царю указывал на стремление французского правительства навязать нам свою точку зрения и вынудить совершенно невыгодное и опасное с военной точки зрения решение. Далее г. Алексеев писал: что «бывший у него генерал Филипеско [1]) очень определенно изложил «свои» пожелания: не менее как 250.000 русская армия *немедленно* собирается в Бессарабию, как гарантия безопасности Румынии при ее выступлении против центральных держав. С началом военных действий эта русская армия выступает в Добруджу и *обеспечивает* южную границу Румынии от германо-болгарских войск.

Что делала бы румынская армия генерал Филипеско умолчал, ссылаясь на то, что он не стратег. Продолжение этого разговора г. Алексеев находил в горячих записках французских генералов По и Лагиша. Суть этих записок была такая—русские должны выставить сильную армию для помощи Румынии и выставить именно в Добрудже, ибо «наступлением этой армии на Балканском полуострове русские наиболее надежно обеспечивали южную границу Румынии от покушений болгар и облегчали переход к активным действиям Салоникской армии союзников».

Такое отделение русской армии на Балканский полуостров признавалось выгодным и потому, что сравнительно малоопытная румынская армия была бы поставлена между прочими русскими войсками, как поступали и французы, ставя бельгийскую и отчасти даже английскую армию среди своих войск. Только такое направление русской армии позволяло румынам все свои силы направить в Трансильванию и Буковину, куда их влекли национальные интересы. Совместное действие русских

---

[1]) Министр Финансов в Румынии.

в этих областях наоборот могло возбудить подозрительность румын. Наконец, можно было рассчитывать, что появление русских войск в Болгарии все-таки должно было произвести известное нравственное впечатление на болгар и повлечь за собою брожение в болгарской армии.

Этими взаимно дополнявшими друг друга данными, полученными от г. Филипеско, ген. По и Лагиш, достаточно определенно устанавливалось для г. Алексеева желание и наших союзников и союзников будущих: «отправить 250.000 наших войск воевать против болгар и помогать румынам завоевать Трансильванию и Буковину».

«По долгу службы перед Россией и государем», продолжал г. Алексеев: «я не имею права доложить верховному главнокомандующему о необходимости принятия такого плана и присоединиться к такой военной авантюре. Другим наименованием я не могу определить, при данной обстановке и условиях, предлагаемого плана. 250.000 человек—около $^1/_7$ части наших войск[1]). Наш фронт тянется на 1.200 верст; нам предлагается растянуть еще верст на 600. Наши союзники настойчиво проводят мысль и осуществляют ее, что только успех на главном театре, т. е. *на своем французском фронте* дает победу и потому там именно на 700 километров имеют около 2 миллионов французов и 40 дивизий бельгийцев и англичан; они скупы на всякие выделения на второстепенные театры. Нам горячо советуют ослабить на 6-7 корпусов наш западный фронт—путь на Петроград, Москву и Киев—и взять на свои плечи новую сложную операцию на Балканах ранее ослабления германцев и австрийцев и до убеждения, что союзники будут способны начать какие-либо серьезные действия от Салоник, на что пока надежды нет. Между тем к стороне Швеции мы не можем не принять некоторых мер предосторожности и не назначить для этого некоторой части войск. Великий князь Николай Николаевич настойчиво просит

[1]) По сведениям ставки к 20 февраля, сообщенным генералу По Алексеевым, состав нашей армии определялся: пехоты — 1.500.000., кавалерии — 142.000., в запасных батальонах—1.805.000., призываемых—1.600.000.

присылки войск на Кавказ для упрочения тех завоеваний, которые достигнуты последней операцией [1]).

Главнокомандующие на западном нашем фронте так же дружно представляют требования на усиление их.

На совещании 11 февраля, состоявшемся под председательством государя императора, определенно участниками проводилась мысль, что наша победа над немцами решит и румынский вопрос; по достижении нами успеха на путях к Петрограду и Москве можно думать об отправлении армии на Балканы, но до этого времени все наши усилия должны быть сосредоточены на жизненнейших для нас участках фронта.

Присоединение теперь же к румынским и французским планам ослабит нас, непомерно растянет нашу армию, лишит возможности не только собрать достаточные силы для удара против немцев или австрийцев, но и для противодействия их предприятиям к Петрограду и Москве. Это основное положение я не имею права упустить из виду в моих докладах его величеству и с этой точки зрения не могу сойти, пока буду занимать настоящую должность.

Первая телеграмма полковника Татаринова, которую я сообщил вашему высокопревосходительству, говорит о том, что румыны решатся самостоятельно на войну только тогда, когда союзники на всех фронтах перейдут к наступательным действиям.

Для нас это, при современных условиях, наилучший выход.

Рассчитывать, что на румын нападут, оснований мало, ибо большая часть сил германцев с Балканского полуострова уже оттянута, а приближающаяся весна с решительными событиями на русском и французском фронтах, конечно, заставит на время обоих противников отказаться от развития операций на удаленных второстепенных театрах.

Вот ряд соображений, из коих вы изволите усмотреть, насколько отвечает нашим истинным военным интересам отвлечение сильной армии на Балканы. Обеспечение же наших южных губерний на маловероятный случай движения германо-болгарских сил через Добруджу к Одессе нами принимается во внимание. Рассчитывать теперь на то, что в таком движении

---

[1]) Взятие Эрзерума.

примут участие и турецкие войска, после событий на Кавказе, едва ли основательно».

24 февраля г. Алексеев ответил генералу По, на записку от 19 февраля (3 марта), что бесспорно присоединение Румынии к нашему союзу составило бы важный фактор в развитии настоящей войны. По этому новому нашему военному агенту в Бухаресте, полковнику Татаринову, была поставлена задача выяснить взгляды и пожелания румынского правительства и военного министерства и установить основы военного соглашения.

«Первое донесение, полученное от полковника Татаринова давало право предполагать, что стремления Румынии направлены *к сохранению нейтралитета до той минуты пока успех не склонится решительно на сторону нашего союза и не обеспечит румынам достижения их политических целей, без тяжелой, длительной борьбы, с колеблющимся, иногда сомнительным исходом.*

Эта основная черта румынской политики обозначилась совершенно определенно. Только тогда, когда балканская кампания закончилась полным успехом для наших противников [1]), когда на Балканах были значительные германо-австрийские силы, когда со дня на день ожидали оставления союзными войсками Салоник, когда противник считал возможным привлечь турецкую армию к общим действиям на европейском театре войны, *Румыния* сочла себя угрожаемою, ожидала пред'явления ей ультиматума со стороны Германии и впервые высказала более или менее определенно свои требования, при исполнении коих она выступит в числе наших союзников.

Но общая обстановка с той минуты сильно изменилась. На Балканах осталось ничтожное количество германских войск; австрийские войска—в Албании и Черногории; союзные силы, заняв прочное положение у Салоник и на Халкидонском полуострове, сковали свободу действий болгарской армии, которая притом не обнаруживала стремлений развивать дальше свои активные предприятия и имела перед собой задачу обеспечить уже сделанные завоевания; события в Малой Азии, закончив-

[1]) Г. Алексеев очевидно указывал на совершившийся разгром Сербии, остатки армии которой отошли сначала в Черногорию, а затем были перевезены на о. Корфу.

шиеся взятием Эрзерума, исключили вероятность привлечения турок к боевым действиям на европейском материке. Можно было сказать, *что Румынии никто не угрожал и руководитель ее политики снова мог проводить в жизнь свою идею (и действительно проводил) принять участие в борьбе только тогда, когда будет обеспечено достижение цели.*

В этом сказывалось не слабость или колебание руководителя политики, а очень верный расчет представителя государства, хотя и не сильного в военном отношении, но находящегося в выгодном положении и сохранявшего возможность применить свою вооруженную силу только тогда, когда это было ему *выгодно и полезно*».

«Такова моя ориентировка, существенно отличающаяся от изложенной в записке 19 февраля (3 марта).

Следовательно, привлечение Румынии к нашему союзу теперь же требует безусловного и в полном об'еме выполнения ее пожеланий, которые пред'являются *в существенной своей части исключительно к России и к ее вооруженным силам.*

Выработка соглашения и общего плана действий возложена, как выше сказано, на полковника Татаринова, от которого еще *не получено донесений*, так как переговоры находятся в первоначальном периоде. Я могу следовательно говорить об этом вопросе, основываясь на разговоре с г. Филипеско и на записках генерала Лагиша и его превосходительства начальника военной миссии.

Суть требований заключается, повидимому, в следующем:

а) немедленное сосредоточение русской армии силою в 250.000 (отнюдь не «частичное») на румынской границе; армия меньшей силы не отвечает пожеланиям румын.

б) При об'явлении войны армия эта выступает в Добруджу и обеспечивает южную границу Румынии. Только наступательные действия в Болгарии против германо-болгарских войск вполне обеспечат румынскую армию с левого фланга и отчасти с тыла.

в) Театром военных действий главных сил румынской армии должны служить Буковина и Трансильвания, что позволяло бы путем занятия этих провинций, надежно обеспечить осуществление румынских стремлений.

Полагаю, что в политическом отношении никаких затруднений не встретится, так как ни Трансильвания, ни Буковина не составляют предмета вожделений России.

Суть сводится к тому, *чтобы свыше семи корпусов русских вооруженных сил снять с главных операционных направлений, ослабить себя на самых существенных участках и без того растянутого на 1300 километров своего стратегического фронта и отправить их на обособленный и удаленный театр военных действий*, который в общем ходе войны занимает все-таки второстепенное значение. И все это сделать, когда противник все свои усилия снова сосредотачивает на западном и восточном фронтах и здесь имеет в виду искать решения участи войны.

Мы лишены будем возможности собрать на фронте против Германии и Австрии необходимые силы для нанесения решительного удара, ибо отправим весьма сильную армию (250.000 бойцов) для выполнения наступательной операции на Балканах. Мы должны будем обречь себя на опасно-пассивное прикрытие границ наших и направлений на Петроград и Москву.

Мы не можем быть уверены, что вступление в борьбу Румынии (если бы это вступление состоялось, в чем уверенности быть не может) отвлечет на Трансильванскую границу более или менее существенные силы австрийцев и облегчит выполнение решительной наступательной операции нашему Юго-Западному фронту.

Пример Италии не дает нам права на уверенность в этом.

Удаленность Балканского театра лишит нас возможности привлечь из отправленных туда 6—7 корпусов какую либо часть для временного усиления наших армий на главных операционных направлениях, вследствие больших расстояний и неудовлетворительности путей.

Неужели все это не противоречит ни одному из основных принципов военного искусства. По моему мнению, мы разбросаем свои силы, будем гоняться за многими целями, прежде, чем достигнем главной, основной, против главного врага. Какие успехи мы не одержали бы на второстепенном театре, наша неудача на важнейших направлениях все-таки будет означать общую неудачу русской армии.

Победа нашей армии над германской армией разрешит и

румынский вопрос; только тогда Румыния присоединится к нам, и мы сами получим возможность отправить необходимые силы для наступательной операции на Балканах и против Турции.

При оценке стратегического положения русской армии нужно принимать во внимание не только ее растянутый стратегический фронт но и: а) необходимость иметь на-готове часть сил для войны с Швецией и б) усилить существенно наши войска на Кавказе соответственно расширению театра действий и направлению значительных турецких подкреплений в Малую Азию.

В ноябре 1915 года у нас в Бессарабии была сосредоточена сильная армия и однако это не подвинуло Румынию в ее решении выйти из нейтрального положения. Разве мы можем ручаться, что вновь собрав там 250.000 бойцов и выведя их из боевых линий в важнейшие минуты, мы поставим Румынию «перед совершившимся фактом» и заставим ее об'явить войну. Опыт минувшего не дает такой уверенности. Для чего же в решительную минуту мы будем иметь 250.000 бездействующих солдат.

В этом вопросе расчет должен преобладать перед гадательными предположениями, из области которых мы не выйдем до тех пор, пока полк. Татаринов не представит результата своих реальных переговоров с румынским военным министерством.

Причиной несговорчивости России по принятию предложений и плана Румынии могут явиться соображения не второстепенной, а первостепенной важности, именно установление плана опасного и вредного для нашей армии и грозящего ей неуспехом на Двине или на направлении к Москве.

Ответствуя прежде всего перед Россией, я не имею права представить на благоусмотрение государя императора план, который, ставя на первое место цели второстепенные, поставил бы в опасное положение русскую армию на жизненных для нее направлениях. Мы не можем отправить 250.000 бойцов на Балканы: это противоречит основным требованиям военного дела. Мы можем обеспечить Добруджу, левое крыло румын, а затем остальные войска иметь на юго-западном фронте для действий плечо к плечу с правым крылом румын. К этому нужно

прибавить, что Болгария пока не думает грозить Румынии, ничем не выказывает своих стремлений занять Добруджу и вторгнуться в Бессарабию. Какая же цель нам расходовать свои силы именно теперь на Балканскую операцию, когда эти силы можем с большею пользою применить на главном театре.

Таковые инструкции, данные полковнику Татаринову, на основании которых им ведутся переговоры. До получения от него донесений о ходе этих переговоров, я не считаю возможным продолжать изложение своих соображений, основанных только на предположениях. Убежден в том, что в отношении Румынии теперь более важно искусство *дипломатии*, чем составление плана *войны*, которой Румыния пока *совершенно не желает*. Когда же она действительно признает нужным воевать, то выработка соглашения не составит труда».

29 февраля г. Алексеев требовал от полковника Татаринова донесения о ходе переговоров и сокровенных пожеланиях румын; при этом сообщал, что от г. Жоффра получались официально сведения о коренных разногласиях между полковником Татариновым и румынским генеральным штабом и обращал внимание на неуместное, вредное, негласное вмешательство французской миссии вообще, военного агента особенно. Полковник Татаринов телеграфировал, что он не мог ничего доложить о сокровенных пожеланиях румын, так как до того времени не было даже обмена мнений с румынами, что генерал Илиеско, которому Братиано поручил ведение переговоров, под различными предлогами, уклонялся даже от свидания с Татариновым; посему, о каких-либо разногласиях между ним и румынским генеральным штабом не могло быть и речи. Братиано, спрошенный по сему поводу посланником, заявил, что он не делал никаких сообщений ни французскому правительству, ни французскому посланнику в Бухаресте по вопросу о военном соглашении и что он решительно не понимает, почему французское правительство могло бы приписывать румынам какую-либо вину в этом деле. При этом Братиано снова повторил, что в виду затишья на нашем фронте и на Балканах вопрос о военной конвенции не имел особенно спешного характера.

Французский посланник и военный агент заверили русского посланника и полковника Татаринова, что они оба не о

каких разногласиях не доносили; но, ознакомившись с письмами капитана Пишона от 25 января нов. стиля и с двумя его письменными разговорами с генералом Лягишем в Одессе и с генералом Илеско, каковые были донесены во Францию, полк. Татаринов видел вмешательство французского военного агента, «который настаивал на необходимости немедленного даже до приступления к переговорам, сосредоточения нашей значительной армии в Бессарабии и нашего наступления в будущем в Болгарию, что совершенно противоречило преподанным (Татаринову) указаниям».

Из архивных документов (Д. № 56. ч. 1) можно видеть, что в письме 9 (22) января к генералу Лягишу, капитан Пишон, действительно вполне определенно развивал ту мысль, что румыны своими силами не могли прикрывать 700 километров Карпат, охранять 600 километров Дуная, иметь силы в Добрудже и в Верхней Молдавии. «Что останется от 500—600 тысяч румын и где они сосредоточатся. Им нужно придать русскую армию для вторжения в Болгарию».

18 (31) января г. По сообщал г. Алексееву от имени г. Жоффра, что из всех союзных держав Россия одна имела возможность оказать непосредственную поддержку Румынии и что положение во Франции не позволяло тогда послать подкрепление в Салоники, но генералу Сарайль были даны указания принять все необходимые меры, чтобы тревожить противника и вызвать у него предположение о переходе союзников в наступление. Г. Алексеев 19 января ответил (Д. № 3 ч. 20), что Румыния всецело может рассчитывать на помощь и содействие русской армии, которая снимает с румын заботу по обороне северной Молдавии, но относительно желания румын, чтобы дать им 200 т. русскую армию для защиты Добруджи, г. Алексеев сообщал, что Добруджа сама по себе тесна для 200 т. армии и что отвлечение таких сил на удаленный театр не могло отвечать общим интересам союза. «Не отказываю от помощи (дополнительной) и в Добрудже, как занятием Констанцы флотом, так и посылкою сухопутных войск, но в размере, обеспечивающем удержание этой провинции (цель оборонительная), имея в виду что решение судеб состоится не в Добрудже, а судеб всей войны—на главном теа-

тре действий, судеб Румынии—ударом в Буковине»... «Главным контингентом войск, действующих против Румынии, будут болгары. Одно это обстоятельство указывает, насколько важно будет движение союзников от Салоник, ибо оно будет угрожать тылу болгарской армии».

20 января г. По ответил г. Алексееву, что относительно тесноты Добруджи, как театра военных операций для 200.000 армии, необходимо рассматривать эту провинцию в ее границах, охватывающих плацдарм хотя несколько недостаточно обширный для значительных сил, но все же могущий вместить несколько корпусов. Развертывание армии могло быть произведено на фронте около 100 верст. Сосредоточение в Добрудже достаточных сил для перехода в наступление по правому берегу Дуная с одной стороны подвергало бы серьезной опасности правый фланг и даже сообщения болгарской армии, наступавшей на Бухарест, с другой стороны, обеспечивая возможность активных действий, являлось тем фактором, который позволял бы союзным войскам у Салоник перейти в энергичное наступление. Одержание перевеса над противником на Балканском полуострове, не решая участи кампании, тем не менее имело бы весьма важные последствия, которые отразились бы как на политической и стратегической обстановке на самом полуострове, так и на сопредельных театрах (Кавказ, Месопотамия, Египет, Греция и даже Италия), (Д. № 3 ч. XX).

1 (14) апреля г. Жоффр телеграфировал генералу По: «обратите внимание генерала Алексеева на то, что все усилия русской и французской дипломатии направлены в настоящее время к тому, чтобы добиться выступления Румынии в момент предстоящего нашего наступления, и что это является фактором чрезвычайной важности, который необходимо учитывать при выборе того или другого решения.

16 апреля г. Алексеев сообщил (Д. № 56 ч. 1) г. Жилинскому, что переговоры с румынами были далеки от заключения военной конвенции. Румыны, предпочитая сохранить свободу действий, опасались примкнуть бесповоротно к соглашению до той минуты, пока обстановка не выяснила бы окончательно, что это для них и выгодно, и безопасно. Общие условия, которые были поставлены румынами для начала ими наступления, заключа-

лись в следующем: 1) прочное занятие русскими войсками линии Керешмезо—Кирлибаба—Дорна—Ватра; 2) занятие и обеспечение русскими Добруджи. Когда эти условия были уже установлены, Братиано выставил новое требование; 3) овладение русскими районом Рущука, и бобез этого румынская армия не могла считать обеспеченным свой тыл и левый фланг. Принятие этого даже неприемлемого обязательства, по мнению г. Алексеева, повлекло бы за собой какое-либо новое, мало выполнимое требование, чтобы оттянуть решение и не связывать себя конвенцией. Чем больше французская дипломатия, полагал он, а особенно французский военный агент капитан Пишон, стремились привлечь румын, тем более последние переоценивали свое значение и важность присоединения их к союзу, и тем более повышали требования.

С высочайшего соизволения г. Алексеев дал полковнику Татаринову наставление держать себя спокойно, корректно, вести переговоры, но ясно показать, что мы не стремились вовлечь румын в войну.

После этого переговоры хотя продолжались, но не имели настойчивого характера. Между тем с наступлением весны начались серьезные операции на французском и русском фронтах и к средине июня для союзников обстановка сложилась весьма благоприятная. Французы имели успехи под Верденом; наступления юго-западного русского фронта привели 9 армию на фронт Нижнов-Делатин и продолжалось на Станислово-Галич. Болгарская армия была поставлена в необходимость сосредоточить свои силы на Салоникском фронте. Трансильвания была занята лишь слабыми отрядами австрийского гонведа. Генерал Жоффр считал, что немедленное активное выступление Румынии против неподготовленного к этому противника могло уже иметь самые крупные последствия. (Д. № 62 ч. I).

15 (28) июня он обратился с энергичным заявлением в Бухарест и к генералу Алексееву.

16 июня последний телеграфировал полковнику Татаринову, что не считал ранее удобным делать настойчивые представления румынским руководителям о присоединении румын к союзу, не стесняя их свободы решений; но сложившаяся военная обстановка заставляла выяснить генералу Илиеско, что трудно

было бы ожидать более благоприятных условий для вооруженного выступления Румынии. При этом он высказывал, что австрийская армия, конечно, способна к упорной обороне, но степень ее расстройства не позволяла вернуть способности к решительным наступательным действиям; немцы не могли существенно подкрепить австрийцев, ибо были атакованы сами; источники новых формирований иссякли, и для помощи австрийцам к Ковелю, Владимиру Волынскому, немцы с трудом собрали с различных фронтов едва 7 дивизий.

С Балканского полуострова войска уведены; противодействие салоникской армии возложено на одних болгар. Россия взяла на себя обязательство подвозить из Архангельска грузы, адресованные французами для румынской армии. «Выступление Румынии теперь же будет иметь соответственную ценность в общем развитии усилий союзных держав, чего не могу сказать в том случае, если решение будет отложено на неопределенное время. Обстановка повелевает румынам присоединиться к нам или теперь, или никогда. Уполномочиваю вас изложить Братиано и Илиеско этот взгляд русского верховного главнокомандующего», так закончил г. Алексеев свою телеграмму.

22 июня полковник Татаринов донес, что Братиано соглашается на немедленное заключение военной конвенции и что румынское правительство обязуется начать мобилизацию на следующих условиях: 1) прибытия в Румынию первого поезда с военными припасами, с обязательством со стороны России и Франции регулярной доставки следующих поездов, 2) общее наступление союзников не будет приостановлено, 3) русские армии в Галиции и Буковине будут оставаться в том же положении, 4) Румыния будет гарантирована от нападения со стороны Болгарии. Такое заявление было дано министром Братиано и французскому посланнику.

На это г. Алексеев, 22 июня, ответил, что Румынии надлежало пользоваться военной обстановкой, не ожидая первого поезда, что было вполне обеспечено; что операция нами была начата не для того, чтобы останавливаться на полпути; но ручаться за то, что могло быть через месяц и более никто не мог; ясно было, что резервы противника истощались и на направлении нашего наступления он собирал все то, что только мог;

что большая часть болгар отвлечена Салониками и румыны могли легко обеспечить себя частью сил, не требуя дробления наших сил, выполнявших главнейшую задачу. К этому генерал Алексеев добавлял, что крайность может, конечно, заставить нас направить в Добруджу одну-две дивизии, но что обстановка той минуты этого не требовала.

Затем он указал, что если румыны хотели дождаться более сильного ослабления австрийцев, то ни в каком румынском содействии нужды не было бы, равно не было бы и причин допустить их до торжественного вступления на австрийскую территорию.

25 июня полковник Татаринов телеграфировал, что генерал Илиеско просил дать в Добруджу еще казачью дивизию, которая по его мнению, была нужна для морального воздействия на болгар; вместе с этим он заявил, что готов подписать каждую минуту военную конвенцию, если получит приказание от короля и Братиано.

28 июня г. Алексеев передал полковнику Татаринову проект военной конвенции, сущность которого заключалась в следующем:

1) Румыния обязуется не позже 20—25 июля стар. стиля начать военные действия.

2) Русское правительство обязуется с возможной скоростью подавать грузы, направленные для Румынии Францией и Англией через Архангельск и Владивосток.

4) Румынское верховное командование разрешает вопрос о направлении операции, сообразуясь исключительно со своими общими политическими и военными условиями.

Русское верховное командование высказывает лишь пожелание, чтобы в интересах скорейшего достижения общих целей войны, главный удар румынской армии был направлен на Трансильванию и далее на Буда-Пешт, с оставлением против Болгарии лишь строгого необходимого числа войск для обеспечения свободы операции главной румынской армии на Трансильванию. Но если это потребуется в интересах скорейшего достижения общих целей войны, румынское верховное командование даст румынским военным операциям то направление, которое будет наиболее соответствовать общему делу всех союзников.

5) Разграничительной линией между румынской и русской армиями должна была служить линия, проходящая от Дорна-Ватра на Быстрицу долинами рек Шапо и Самош на Дребичин.

11) Для усиления войск, действующих в Добрудже, русское верховное командование направит в этот район одну пехотную и одну кавалерийскую дивизию.

12) Русский Черноморский флот окажет возможное содействие румынской армии.

16) Ко времени открытия военных действий румынской армией, обе договарившиеся стороны должны придти к соглашению о плане военных действий для своевременного принятия подготовительных мер для начала операции.

29-го июня полковник Татаринов доносил, что г. Илиеско настаивал на присылке в Добруджу двух пехотных дивизий и одной казачьей, говоря, что это мнение и желание короля и что без этого румыны должны были бы увеличить еще те 150 т., которые они с началом войны предполагали оставить на Добруджанском фронте вдоль Дуная против Болгарии. До 250 т. румыны решали направить в Трансильванию.

10-го июля п. Татаринов доносил, что при вручении 8-го июля нашим посланником министру Братиано текста дипломатического соглашения, последний заявил, что он настаивал на сроке выступления Румынии не ближе 1-го августа, для чего у него имелись особые причины.

14 (27) июля генерал Жанен сообщил г. Алексееву, что г. Жоффр не возражал против установления срока 1 (14) августа; вместе с этим передавал и текст проекта военной конвенции с Румынией всех союзных держав, на подписание которой г. Алексеев также согласился. В этой конвенции, между прочим, устанавливалось, что правительства союзных держав обязывались начать решительные наступательные действия со всеми силами, находившимися в Салониках, с целью сковать свободу действий болгарской армии.

Англия и Франция обеспечивали Румынии снабжение материалами и снаряжением.

15 июля г. Алексеев [Д. № 3 ч. XXIV (445)] сообщал главкомам фронтов об ожидавшемся присоединении к союзу румын, о предположенном направлении в Добруджу 50 т. наших

войск и высказывал, что великая польза, которую принесет присоединение Румынии при 400.000 составе ее армии оправдывала приносимую нами жертву выделения двух дивизий».

16-го июля г. Алексеев телеграфировал полковнику Татаринову, что хотя принципиально наступление румын в Болгарию нежелательно, ибо ослабляло силу ударной Трансильванской армии, но нам нельзя было становиться в противоречие настойчивым желаниям союзников и приходилось поддержать их. «Конечно, это повлечет необходимость назначить в Добруджу три наши пехотные дивизии. Задача сводится к тому, чтобы ускорить выступление румын, ибо дальнейшее промедление их лишит выгод внезапности и неготовности австрийцев. Уже теперь формируется 12 армия, часть которой противопоставлена нашему Буковинскому отряду, часть собирается на румынской границе».

19 июля полковник Татаринов донес, что румыны категорически отказывались от наступления против Болгарии, для чего им приходилось бы переделать в несколько дней свой давно выработанный план войны; что оставлявшиеся ими против Болгарии 150 т. по своему качеству, вооружению, особенно в отношении артиллерии и материальному снабжению, совершенно не годились для наступательных операций; в политическом же отношении Румыния тоже не искала от Болгарии. Генерал Илиеско ставил условием присылки нами 150 т. для наступления. Генерал Илиеско указывал также, что на совещании в Париже, на котором присутствовал и генерал Жилинский, заявлялось, что Франция и Англия обязывались начать наступление против Болгарии за 8 дней до выступления Румынии, при условии, что румыны совместно с русскими войсками должны были начать наступление против Болгарии, дабы соединиться с армией Сарайля у Софии. Полковник Татаринов доносил, что приведенные требования шли в разрез со всеми указаниями, которые были преподаны генералом Алексеевым, что согласно проекта русской конвенции, румынское верховное командование ставило себе главной целью наступление в Трансильванию в направлении на Буда-Пешт, обеспечивая себя от Болгарии обороной Добруджи и Дуная. На телеграмму полковника Татаринова была положена следующая резолюция генералом Алексеевым: «требовать наступления сразу в двух направлениях

от румын трудно до выяснения обстановки. Сначала все усилия — против Австрии. 150 т. на рум.-болг. границе прикуют соответствующее число болгар». Резолюция эта была сообщена, по приказанию г. Алексеева, и генералу Жанен.

21 июля г. Жилинский телеграфировал г. Алексееву, что генералом Жоффром передана министру Бриану секретная записка по румынскому вопросу, в которой указывалось, что при создавшейся обстановке главная цель союзников заключалась в том, чтобы добиться немедленного выступления Румынии, для чего стоило итти на все уступки; что нежелание Румынии выступить против болгар приемлемо, потому что если румыны добьются этим безопасности южной границы, то Салоникская армия освободится от необходимости наступать во что бы то ни стало, чего так не хотели англичане. Если же наоборот болгары сами стали бы угрожать Румынии то это могло бы произойти лишь за счет их сил, находившихся на греческой границе, что позволяло бы Салоникской армии перейти в решительное наступление и одновременно вынудить выступление румын, на чем также настаивали англичане. В заключении своей записке генерал Жоффр повторял о необходимости добиться от союзников уступок в целях немедленного выступления румын, так как при потере времени Австро-Германия могла использовать зиму для нового усиления молодыми возрастами и продолжения войны в 1917 году.

23 июля (5 августа) генерал Жоффр телеграфировал французскому военному агенту в Бухаресте: «с военной точки зрения и что касается Франции я принимаю румынскую точку зрения. Не настаивайте более на русско-румынском наступлении к югу от Дуная. Сведения, полученные из России, указывают, что русское правительство и генерал Алексеев согласны относительно данного пункта. Таким образом все, имеющее связь с этим наступлением, могло бы быть исключено из проекта военной конвенции, разработанной в Париже. Уполномачиваю вас подписать военную конвенцию».

24 июля г. Алексеев телеграфировал полковнику Татаринову: «прошу передать Братиано и Илиеско мое чисто военное соображение: при данных условиях каждый потерянный Румынией день будет оплочен лишними трудами, усилиями и поте-

рями румынской армии. То, что можно было захватить сравнительно легко, придется брать упорными боями, каждый день отсрочки предоставляет противнику время укреплять позиции, собирать войска.

Никогда не стремился привлечь румын к нашему союзу, но раз наш противник допускает возможность такого решения, то интересы дела требуют решения принимать быстро, дабы не дать неприятелю времени закончить подготовку».

25 июля (7 августа) генерал Жоффр телеграфировал генералу Жанен, что с английским верховным командованием достигнуто полное соглашение и союзные войска у Салоник готовы начать наступление, чтобы сковать свободу действий болгарских войск.

27 июля (9 августа) генерал Вилльямс (представитель английской миссии) сообщал генералу Алексееву: «В ответ на телеграмму, посланную по просьбе вашего высокопревосходительства мною получен от ген. Робертсона нижеследующий ответ: Первоначальные инструкции, посланные нашему посланнику в Бухаресте, были следующие: военный агент будет уполномочен подписать румынскую военную конвенцию, как скоро правительство его величества узнает и одобрит ее содержание. Что касается наступления союзников от Салоник, то основанием военной конвенции, разработанной в Париже 23 июля, служило, что 50.000 русских войск совместно с 150.000 румынских войск будут действовать против Болгарии в связи с наступлением союзников у Салоник; однако, в виду того, что Румыния в настоящее время не имеет намерения об'явить войну Болгарии, эта совместная операция отпадает и в настоящее время целью действия союзных войск у Салоник будет следовательно удержание болгарских сил на греческой границе. Начальник великобританских войск у Салоник получит указание действовать совместно с другими союзными начальниками для осуществления этой цели, как только правительство его величества получит уверенность в том, что Румыния окончательно приняла участие в войне и при непременном условии, что она атакует Австро-Венгрию не позже 14 августа. Принимая во внимание потерю времени, всякое дальнейшее выражение мною моего мнения может только повести к дальнейшему запутыванию

вопроса, который уже слишком осложнен вследствие того, что переговоры ведутся одновременно генералом Жоффром и Алексеевым, а также соответствующими различными посланниками и послами.

Я озабочен не менее, чем кто-либо стремлением заставить Румынию выступить и буду продолжать делать все возможное и благоразумное для содействия переговорам».

27 и 30 июля полковник Татаринов телеграфировал генералу Алексееву, что Братиано ставит непременным условием наступление Салоникской армии, но что румыны силою вещей принуждены уже стягивать войска, особенно на болгарской границе, где им угрожали болгары.

3 августа г. Алексеев (Д. № 62 ч. II.) телеграфировал полк. Татаринову, что в виду необходимости и своевременности оторвать Болгарию от центральных держав, он находил желательным подготовить почву в смысле подбора надежных людей, могущих завязать частые сношения и выяснить политические условия. По его мнению можно было указать на вознаграждение Болгарии Фракией до линии Энос-Мидия, Македонией до Вардара, Ковалой, наконец, за содействие—Салоники. «Династию сохранить. Фердинанда бесповоротно убрать». «Политические последствия перемены политики Болгарии столь существенны, что труд заслуживает внимания и упорного стремления к осуществлению в скорейшем времени».

5 (18) августа г. Жоффр телеграфировал г. Жанену, что французское правительство, которому г. Жоффр передал предложение г. Алексеева, полагало, что таковое выдвигало политические вопросы чрезвычайно деликатного свойства и что по разным соображениям могло быть опасным начинать какие бы то ни было переговоры с Болгарией до одержания над нею несомненного успеха, который мог бы побудить это государство самому взять инициативу перемены занимаемого им положения; французское правительство просило генерала Алексеева не вступать на путь переговоров с Болгарией.

4 августа *в Бухаресте были подписаны политическое соглашение и военная конвенция.* (Д № 62 ч. II.)

Для отправления в Добруджу был сформирован в Бессара-

бил 47 арм. корпус. Командиром корпуса назначен Зайончковский.

В состав корпуса вошли: 61 пехотная дивизия, 61 артилл. бригада, сербская дивизия из добровольцев австрийских пленных с 64 арт. бригадой и горным дивизионом, 3 кавалер. дивизия, Черноморский конный полк, 56 саперный батальон, 6 корпусный авиационный отряд, 27 воздухоплавательная рота и корпусное радиотелеграфное отделение [1]).

По поводу формировавшегося корпуса, г. Зайончковский писал генералу Алексееву, что корпусу с весьма второстепенной, по качеству, второочередной пехотной дивизией и с наскоро набранными со всех сторон техническими частями, приходилось быть представителем русской армии на Балканском полуострове и весьма возможно в скором времени по прибытии вступить в бой с болгарами, которым было бы особенно лестно иметь первый успех именно над русскими войсками, к чему они разумеется и примут все меры. «Я вполне понимаю ваше желание ничего из войск не давать в Румынию, но если туда посылать что либо, то корпус в том виде, в каком он формируется, ставит, по моему глубокому убеждению, русскую силу на Балканах в исключительно тяжелое положение». В конце письма г. Зайончковский просил освободить его от командования 47 корпусом, но просьба эта не была удовлетворена; на письме имеется только резолюция г. Алексеева: «к сведению».

10 августа г. Алексеев писал (Д. № 3 ч. XXIV) главнокомандующему западным фронтом Эверту, что результаты выступления румын при успехе могли коренным образом изменить всю обстановку: фронт противника растягивался на 600 верст; за эту растяжкумы платили пока 2—3 пехотными и 1 кавалл. дивизиями; успешное продвижение вперед угрожало обходом правого крыла, а затем и тылу неприятельских войск, противопоставленным Генералу Брусилову; те силы, которые по агентурным сведениям Гинденбург собирал, в качестве резерва, в Галицию, чтобы, бросить их против наших армий, действовавших южнее Полесья, противнику приходилось израсходовать полностью, или частью,

[1]) Только на бумаге. *Прим. Редактора.*

против нового врага. Если первые шаги румын на боевом поприще оказались бы неудачными, если бы их войска были остановлены слабыми, второстепенного качества силами противника, наше положение на театре южнее Полесья не только не улучшилось бы, но сделалось бы, пожалуй трудным и во всяком случае более ответственным в силу союзных обязательств относительно Румынии.

Театр южнее Полесья становился временно главным и все, что к северу от Полесья должно было стать в подчиненное положение, выполнить второстепенную задачу и отдать на юг весь избыток своих сил, чтобы обеспечить там достижение успеха.

При этом г. Алексеев приводил следующие данные о состоянии сил:

штыков:	неприятель	мы	наш перевес
Севернее Полесья	371.000	852.000	481.000
Южнее полесья	481.000	863.000	382.000

«Таблица поучительная: на главном театре превосходство 382.000, на второстепенном—481.000. Не говорит она в пользу решающего задачу, но если бы знать те трения, с которыми вносится каждое изменение и те протесты, которые пред'являются при каждой попытке дотронуться до «Петроградского направления». В заключение он, высказывал мысль, что операцию следовало приурочить к Галицийскому театру «дабы доканчивать расстройство австрийцев, приближаться к Силезии, тянуть сюда немецкие силы. Севернее Полесья сохранить силы, достаточные для обеспечения нашего положения».

После подписания военной конвенции румыны просили, чтобы 14 августа вошел в Констанцкий порт отряд судов Черноморского флота и в тот же день началась переправа через Дунай частей XLVII корпуса у Исакчи.

14 августа в 10 часов утра в Бухаресте состоялся Коронный Совет, на коем, помимо правительства, присутствовали Майореско, Карп, Маргиломан, Филипеско, Таке-Онеско. Король заявил Карпу (германофил), что он считает себя связанным со своим правительством, подписавшим соглашение. На заявление Майореску о том, что король должен принять в рассчет

интересы династии, связанной с Гогенцоллернами, король ответил, что династия его связана с судьбой румынского народа. На заявление Маргиломана, что Россия займет Константинополь,—король ответил ему вопросом: что выгоднее для Румынии: иметь в Константинополе Россию—друга или недруга.

В 3 часа дня было об'явлено осадное положение; в 6 часов вечера мобилизация и в 9 часов—война Австрии.

С об'явлением мобилизации, буржуазные слои населения Бухареста воодушевились; толпы манифестантов ходили по улицам, распевая патриотические песни; останавливались несколько раз перед русской миссией, оглашая воздух кликами в честь русского императора и русской армии.

Такие же манифестации происходили и в других городах королевства.

16 августа Румыния об'явила войну Турции.

18 августа—Германия и Болгария.

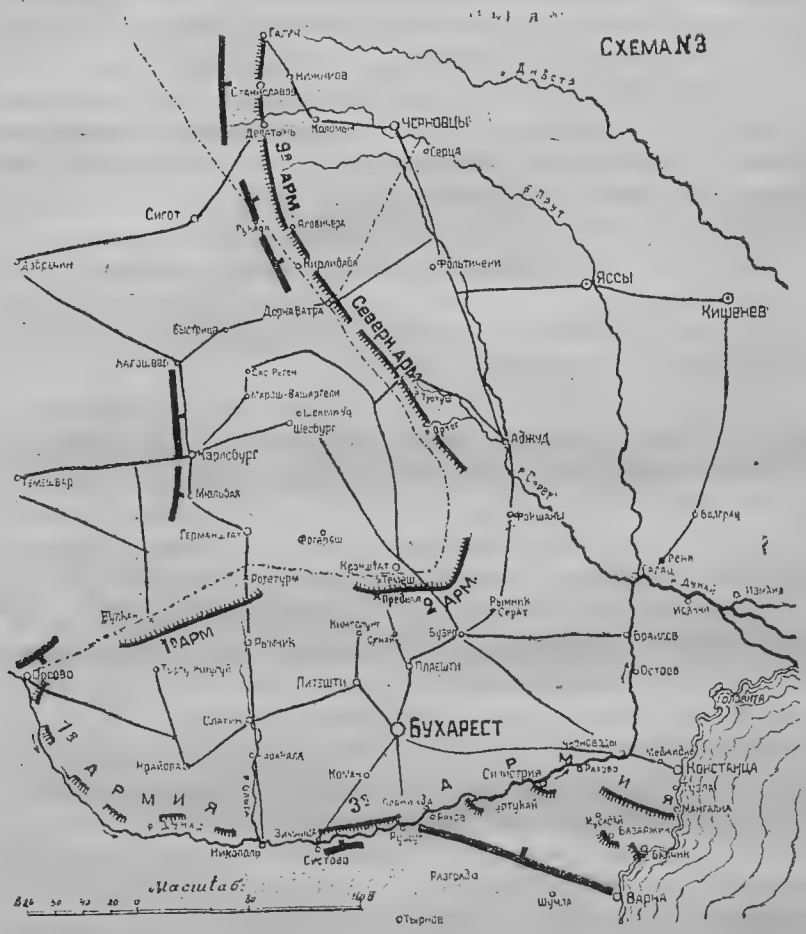
Румынская армия, в 400.000 (23 пехотных и 2 кавалерийских дивизии) [1]) сосредоточилась на границе в составе четырех армий: *Северная армия* (Презано)—68 батальонов; 14 дивизия с 4 смешанной бригадой (25 батальонов), 8 дивизия (22 батальона) и 7 дивизия (21 батальон) развернулась на правом фланге примыкая к 9 армии генерала Лечицкого. (Схема № 3).

Разграничительной линией было направление Дорна—Ватра—Быстрица. *Вторая армия*: 6, 3, 4 пех. дивизии (36 батальонов) и 2 кавалерийская дивизия. *Первая армия*: 13, 23, 20 и 1 дивизии (64 батальона) и 10 батальонов милиции. Обе армии развернулись в направлениях на Кронштадт—Германштадт и вдоль Дуная, от границы до устья Ольты. *Третья армия*: 2, 5, 9, 12, 15 и 19 дивизии—вдоль Дуная и в Добрудже. Остальные дивизии, вероятно (сведений в архивных делах не найдено), оставались в районе Бухареста. XLVII русский корпус вошел в состав 3 южной армии, командующим коей был назначен командир III румынского корпуса генерал-лейтенант Аслан. Одна дивизия, 19-я, занимала заранее укрепленную позицию Мангалия—Караомер—Хемралпей—Рахово, выдвинув полк с батареи и 8 эскадронами к Татар-Базарджику и один полк к Бал-

[1]) На бумаге, но не более 250 тыс. в действительности. *Прим. Редактора.*

чику. Силистрийский и Туртукайский тет-де-поны были заняты каждый дивизией пехоты.

В отношении снабжения румынская армия не была готова для участия в большой войне и нуждалась в самых разнообраз-



ных предметах, начиная с вооружения. Она не имела тяжелой артиллерии, достаточного количества снарядов, ружей, взрывчатых веществ и всяких материалов вещевого довольствия; Румыния имела всего 810 локомотивов, из них 240 негодных, для исправления которых совершенно не было составных частей.

Насколько армия была неготова вообще,—характеризует, между прочим, телеграмма полковника Татаринова от 6 августа, в которой он доносил, что румыны просили отпустить срочно: 100.000 килограмм динамита, 1.000.000 метров бикфордова шнура, 500.000 капсюлей взрывчатого вещества, 50.000 килограмм шахтного пороха, 50.000 метров платиновой проволоки, 5 вагонов серной кислоты, в большом количестве холста, бязи, рубах, паруспны для ранцев, сухарных мешков, походных палаток, для госпиталей, платков, полотенец, наволочек, простынь.

14 августа в 19 часов 10 минут русские войска вступили в пределы Румынии; у Исакчи был наведен мост, через который переправились кавалерийск. дивизия, а для перевозки войск по Дунаю, к Черноводам, были собраны транспортные средства; отряд канонерских лодок вступил в Дунай через Потаповский канал и отряд Черноморского флота вошел в Констанцу.

Об'явление Румынией войны в августе было для центральных держав, как говорит г. Фалькенгайн до некоторой степени неожиданным; предполагали, что Румыния выступит в середине сентября (нов. стиля) после жатвы на полях; однако, во всяком случае, немцы не были неподготовленными. Еще 16 (29) июля в главной германской квартире генералом Хенцендорф и болгарским военным агентом Ганчевым были выработаны условия конвенции, а 5 августа в Буда-Пеште генерал Хенцендорф имел свидание с генералом Конрадом и Энвер-пашей. Было условлено предназначить на румынский фронт прежде всего 101 германскую дивизию, находившуюся в Сербии (дивизия была направлена к Рущуку), четыре болгарских дивизии (из которых три находились в Северной Болгарии, а одна передвинута из Македонии), две турецких дивизии из Адрианополя, две пехотных и одна кавалерийская австрийских дивизий (с восточного фронта) и 4-5 пехотных и 2 кавалерийских германских дивизий, с западного и восточного фронтов. Кроме того решено было использовать слабые в отдельности, но пригодные в соединениях части австро-венгерской жандармерии, пограничной финансовой стражи, этапных войск и ландштурма, находившихся в Венгрии. Все австрийские войска, собиравшиеся в Трансильвании, сводились в одну 7 императорскую королев-

скую армию генерала ф. Арц, которая должна была наступать (см. схему № 3). в направлении на Карльсбург-Шесбург. Германские войска, собиравшиеся в Трансильвании, составили 9 немецкую армиюгенерала ф. Фалькенгайна, которая должна была двигаться правее австрийцев, в направлении на Калсбург —Мюльбах—Германштатд, имея особый отряд у Орсовы. 101 германская, болгарские и турецкие дивизии включались в Дунайскую армию генерала Макензена для я наступления в Добрудже.

16 (29) августа Гинденбург был вызван к императору (когда состоялось и назначение генерала Фалькенгайн), для установления плана предстоявших действий.

Генерал Людендорф, в своих мемуарах, характеризуя общее положение дела, высказывает, что заняться операцией против Румынии было нелегко. Сражения на Сомме, которые начались 1 июля с попытки прорыва в больших размерах, продолжалось до середины июля. После об'явления войны Румынией атаки возобновились с высшим напряжением. Сражения, которые происходили тогда, принадлежали к числу самых крупных из всей войны, и по числу участвовавших людей и приспособлений превзошли все бывшие. От начальников и от войск требовалось необычайное. Войска изсякли. Все стояло на лезвие ножа. Нервное напряжение было громадно. Войска сильно истощались, а между тем общая картина не менялась.

На Македонском фронте Антанта перешла западнее Островского озера на встречный удар по направлению к Флорине и оттеснила болгар. Русские сильно теснили группу эрцгерцога Карла в восточной Галиции и в Карпатах; последствием был постепенный отвод армии генерала ф. Ботмера с Золотой Липы за Нараевку и дальнейший отход императорско-королевских войск в Карпатах и на границе Буковины. Так как удержание этого фронта было первым условием для всякой операции против румынских войск, то не оставалось ничего другого, как подвезти на Днестр и в Карпаты еще по крайней мере три дивизии с тяжело теснимого запада.

«С обливающимся кровью сердцем я уступил. Я помню горечь, которую я почувствовал тогда против императорско-королевской армии, когда подумал о нашем положении на за-

паде и на востоке и о том, что наши войска должны были всюду исполнять. Но надо было действовать, интересы обоих сторон были общие».

II.

Действия в Добрудже до 14 (27) октября.

15 августа румыны перешли границу Трансильвании и 2-й армией повели наступление на Кронштадт—Германштадт.

Наступление 9 армией г. Лечицкого, занимавшей уже Станиславов (с 28 июля) было назначено генералом Брусиловым на 18-е августа. Армия должна была наступать на Кирлибаба Сигот. Занятие района Сигот—Быстрица, по мнению г. Алексеева, надежно обеспечивало операции румын в Трансильвании.

Южная группа 9 армии состояла из XVIII корпуса и III конного корпуса; 18 корпус занимал участок от Яловичара до Кирлибаба, III конный корпус (10 кавалл., 1 Терская, 1 Донская дивизии) усиленный 103 пехотной дивизией—от Кирлибаба до румынской границы[1]).

Наступление 9 армии и правого фланга северной румынской армии, в общем, шло медленно. Но бои продолжались почти беспрерывно до 13 сентября, когда в виду сильных потерь (145 офиц. и 10.058 н. ч.) г. Лечицкий приказал операцию временно приостановить, ограничившись занятием высот, командующих над шоссе Кирлибаба—Дорна—Ватра. По сведениям штаба 9 армии противник имел на фронте около 70 верст от Рура Рукада до Дорна-Ватра 81 бат. и 45 эскадронов; с нашей стороны было 63 бат. и 73 эскадрона.

XLVII корпус, успешно перевозившийся по железной дороге и водой к Черноводам, сосредоточивался в районе г. Меджидие, но 19 румынская дивизия, занимавшая укрепленную позицию на границе, до подхода русских войск, уступила 22 августа (4 сентября) болгарам Базарджик. Г. Зайончковский, которому г. Аслан подчинил и 19 румынскую дивизию, закончив сосредоточение корпуса, перешел в наступление к Базард-

[1]) Весь состав 9 армии был следующий: XI, XII, XVIII, XXIII. корпуса, 79, 82, 103 п. дивизии, III конный корпус, 3 Кав. каз. дивизии, Уссурийская конная дивизия; всего 12 пехотных и 5 кавалерийских дивизий.

жику, и 24 августа (6 сентября) оттеснил болгар. Но в этот же день румыны успели потерять Туртукай, где 17 дивизия сдалась болгарам и небольшому немецкому отряду Боде.

Падение Туртукая произвело очень тяжелое впечатление на главное румынское командование, а генерал Алексеев находил, что румынам следовало решительно изменить, на время, намеченный ранее план действий: сосредоточить силы, взяв их из других армий, в районе Силистрия-Мусабай, примкнув к правому флангу г. Зайончковского. Такое расположение телеграфировал он полк. Татаринову, сразу поставит в угрожающее положение относительно болгар, обеспечит надежно Бухарест и создаст выгодное исходное положение для дальнейшего наступления. «Нечего смущаться, писал он, что придется, быть может, временно замедлить наступление в Трансильвании. Оттуда пока румынам никто не угрожает, а завоевание страны от румын не уйдет. Прежде всего необходимо обеспечить вторжение в Трансильванию со стороны непредвиденного фактора— сильного давления болгар. Придется ввести перемены в план вторжения в Трансильванию, перенося центр тяжести удара с линии Кронштадт—Дорна-Ватра непосредственно связываясь с нашим левым флангом и последовательно овладевая пространством до линии Сигот—Германштадт.

При таком решении можно выделить четыре, лучше пять, дивизий сверх находящихся южнее Дуная, развернуть их на линии Силистрия—Добричь; прочно занимать часть Румынии западнее Ольты, имея достаточные силы для пассивной обороны Дуная от Орсова до Никополя. Быстрое принятие и осуществление такого решения необходимо; оно вернее и полезнее рискованного движения Зайончковского на запад с обнаженным левым флангом и совершенно открытым тылом. Как видите, наступление болгар создало иную обстановку, чем ранее предполагалось; естественно, что только переменою распределения своих сил нужно парировать неудачу и вернуть себе почин действий, не пред'являя нам невыполнимых требований.

При армии 250-300 тысяч человек нельзя задуматься, откуда взять резервы; нужно лишь решение и бесповоротное исполнение. Это суть управления. Нельзя возлагать преувеличенных надежд на Саррайа, он далеко и помешать болгарам

развивать действия, усиливать войска на Дунае, он не будет в состоянии.

К наступлению болгар относитесь вдумчиво; всемерно избегайте попыток изолированными и разрозненными ударами попытаться поправить дело: болгары сосредоточены; они одержали успех. Время есть; собирайте свои силы и наносите удар, обеспечив его успех, который вернет все потерянное. Главное—спокойствие и сбор сил, выигрыш времени.

Наша 7 армия ведет успешный бой в районе Галича, тесня противника; 9 армия не бездействует, ведет упорное наступление в горной стране, медленно тесня противника и подвигаясь на шоссе Дорна-Ватра—Кирлибаба—Мармарош-Сигот. Противник увеличивает силы на этом участке, развернув до четырех пехотных и двух кавалерийских дивизий. При бездорожьи того района, в котором действует наша армия генерала Лечицкого, ни наступление, ни развитие успеха не могут быть стремительными.

Приходится считаться с обстановкой и, применяясь к ней, развивать операцию. Румынам тоже нужно иметь это в виду... О принятых решениях телеграфируйте, равно откуда будут взяты войска для сбора в Силистрии, повторяю, сбор здесь сильного кулака из способных маневрированию войск повелительно диктуется обстановкой».

26 августа король телеграфировал царю:

«Я обязался выступить со всеми своими силами против врагов Антанты в виду обещания, что я буду поддержан на всех фронтах. Я атакован в Добрудже превосходными силами, снабженными артиллерией, превосходящей мою, и я предполагаю, что эти силы будут вскоре значительно увеличены и в этом случае болгары будут готовы при необходимости пожертвовать частью войск с их южного фронта. Я прошу ваше величество поддержать меня на Задунайском фронте и провести наступление на других фронтах как было условлено, чтобы ослабить тем натиск, которому я подвергаюсь. Фердинанд».

Николай II приказал отправить в состав корпуса 115-ю дивизию (с северного фронта) и ответил королю:

«Россия будет продолжать оказывать свое содействие согл-

сно своих обязательств перед Румынией Еще одна дивизия послана для усиления корпуса генерала Зайончковского.

Я не могу ослабить наш фронт в Галиции, потому что именно там мы должны нанести главный удар врагу и где наши противники собирают их силы. Если наши усилия в Галиции увенчаются успехом,—задача армий вашего величества в Трансильвании будет облегчена. Главное—парировать непосредственную опасность т. е. сосредоточить возможно больше дивизий в Добрудже. Я уверен, что общие усилия войск румынских и русских в этом случае заставят болгар держать себя спокойно. Николай».

27 августа (9 сентября) румыны, под натиском болгар очистили Силистрию. Добруджанская армия (61, сербская, 3 кавалерийская, румынские 5, 9, 19, остатки 15 дивизии и 5 бригада каларашей) была из'ята из ведения г. Аслана и в командование вступил г. Зайончковский с непосредственным подчинением королю. Армия заняла линию Мангалия—Караомер—Дунай, имея на флангах румынские дивизии и в центре русско-сербские.

Румыны настаивали на отправке в Добруджу наших подкреплений в возможно большем числе и возможно скорее, но г. Алексеев находил, что каждый солдат, отправленный в Добруджу, уменьшал шансы нашего успеха на важнейшем, *жизненном и опаснейшем направлении*; поэтому до выяснения целей Гинденбурга он не находил возможным ничего выделить туда и находил, что делом искусства г. Зайончковского было вести борьбу предоставленными ему средствами.

31 августа (13 сентября) последовал новый натиск болгар на правый фланг Добруджанской армии и, вследствие полной неустойчивости румын, армии пришлось отойти на Конадинскую позицию. (Разово—Кобадин—Тузла.)

2 сентября г. Жоффр телеграфировал, что положение в Добрудже следовало исправить как можно скорее, для этого сосредоточить быстрее на правом берегу Дуная надежные войска и в достаточном количестве, чтобы обеспечить себе неоспоримое численное превосходство; было желательно, чтобы Россия безотлагательно могла послать новые войска на юг от Дуная, усилить румынские войска и оказать им моральную поддержку, в которой они нуждались. К этому генерал Жоффр добавил,

что в виду создавшегося положения было выгоднее послать более крупные русские силы, а не одну дивизию.

4 (17) сентября болгары вновь перешли в наступление, но их атаки были неудачны. После 7 сентября действия 3 румынской Добруджинской армии было об'единено королем под руководством генерала Авереско, под начальство которого, согласно предложения г. Алексеева, были даны еще из 2 и 1 армии 10, 16, 18 и 22 дивизии. Генерал Авереско решил частью сил переправиться через Дунай между Рущуком и Туртукаем и двинуться болгарам в тыл, но операция эта развивалась неудачно и румынская главная квартира от нее отказалась; часть переправившихся на правый берег у Плоницы войск ночью 18 сентября перешли назад на левый берег.

В это время от попыток взять укрепленную позицию Рахов—Кобадин—Тузла фельдмаршал Макензен вынужден был отказаться, так как силы его (3 болгарская армия в составе 1, 4, 6 и 12-й пехотных, одной кавалерийской болгарских дивизий и двух—15 и 25 турецких дивизий) были для этого недостаточны и для подвоза нужных снарядов для атаки требовалось привести в порядок тыловые сообщения. Вместе с этим он просил главную квартиру усилить его немецкой дивизией, заявляя, что без таковой он не мог выполнить наступления. Удовлетворение его просьбы было на некоторое время задержано и дивизия (217) могла прибыть лишь к 6 (19) октября, когда и началось наступление. Дивизия была поставлена для штурма на решающем месте.

«Опять должна была проливаться немецкая кровь, потому что союзники не доросли до задач этой войны», говорит в своих мемуарах Людендорф.

Атака генерал-фельдмаршала ф. Макензена, после тяжелых трехдневных боев, имела блестящий результат. Неприятель был в беспорядке отброшен на север за железную дорогу Констанца—Черноводы. Преследование было безостановочно. 10 (23) октября Констанца с ее богатыми запасами масла была занята; вскоре затем пали Черноводы и только в 20 километрах севернее железной дороги преследование прекратилось. Естественно поднимался вопрос, не следует ли армии для дальнейшего использования своего успеха продолжать движение

на север, до Дуная. Людендорф отнесся к этому отрицательно, потому что наступление эрцгерцога Карла в Трансильвании шло очень медленно. Даже если бы 3 болгарская армия при своих недостатках в тыловых сообщениях проникла до Дуная, она стояла бы там одинокой и не могла бы действовать совместно с 9 немецкой армией при ее вторжении в западную Валахию, а это было основным условием для удачи общей операции.

«Как ни тяжело было для верховного командования, но генерал-фельдмаршалу Макензену был дан приказ задержать наступление, подготовить переправу через Дунай южнее Бухареста и во второй половине ноября с возможно большими силами переправиться». Генерал Макензен оставил в северной Добрудже только крайне слабые силы. Главные силы пешим порядком и пользуясь понемногу налаженными, но мало провозоспособными добруджинскими железными дорогами, двинулись на Рущук. Макензен избрал местом переправы Систово-Зимницу. Дунайская армия приближалась к частям 9 армии, вступившим в западную Валахию.

К 14 (27) октябрю армия г. Зайончковского отошла на позицию Остров—Тополог-гул—Эски-Баба—оз Головинто, неудачно закончив свою операцию в Добрудже, г. Зайончковский сдал командование генералу Сахарову. Вслед за 115 дивизией, в виду неудачного положения дел, на усиление Добруджинской армии были направлены: 8 кавалерийская дивизия, IV сибирский корпус, 3 стрелковая дивизия и IV армейский корпус.

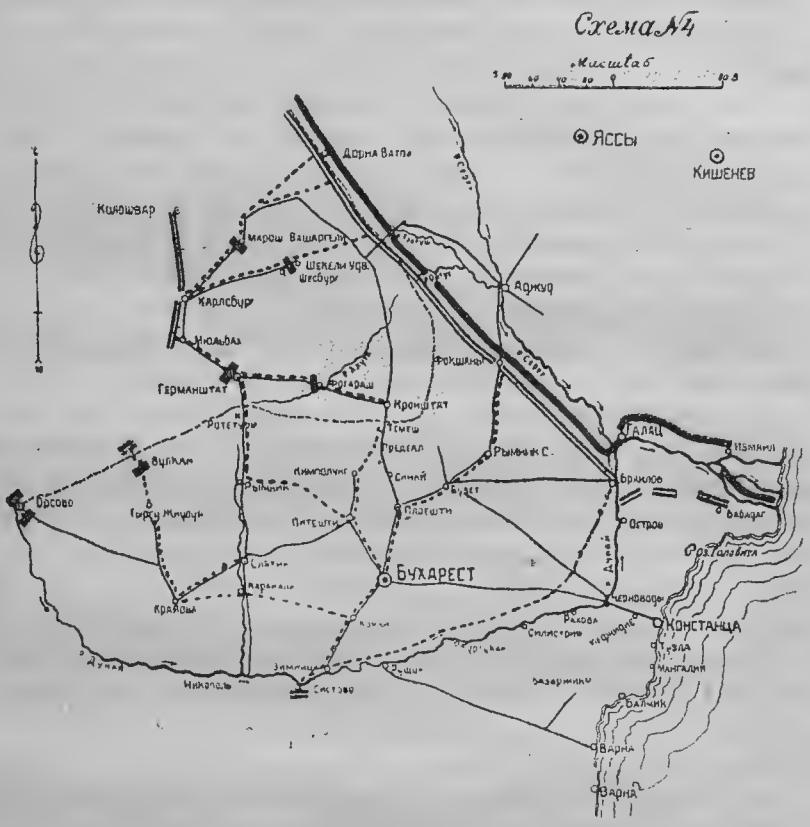
III.

Наступление немцев в Валахии, занятие Бухареста, наступление до линии р. Серет—р. Тротуш. (Схема № 4).

В середине сентября 9 германская армия генерала Фалькенгайна начала наступать на Германштадт—Кронштадт. По сведениям румынской квартиры в 9 германской армии имелось до 7 пехотных дивизий. Людендорф упоминает в своих мемуарах, что в это время к Мюльбаху наступало три германских дивизии. Армии было приказано держаться вплотную северного

склона Трансильванских Альп, чтобы перерезать румынам, наступавшим в Трансильвании, сообщения с Валахией.

Левее 9 германской армии наступала 1 австрийская, генерала ф. Арц на Марош-Вашаргели и Шесбург. В ней, по тем же сведениям, считалось 6 пехотных и 3 кавалерийских дивизии.



Румыны занимали: Марош-Вашаргели—Шекели—Удвар-гели—Фогорош—Германштадт.

С 13 (26) по 17 (30) сентября произошли бои у Германштадта, закончившиеся успешно для немцев, которые продолжали наступление к Кронштадту. У Фогароша румыны были опять разбиты. 28 сентября (10 октября) немцы заняли и Кронштадт,

отбросив румын к югу в горы, на Кимполунг, Синая и Бузео. Нажим, произведенный 9 германской армией был так силен, что румыны отошли и перед австрийской армией г.-ф. Арц, которая постепенно продвигалась от Мароша на восток к границе Молдавии.

Успехи армий Макензена и Фалькенгайна были существенны, но, как говорит Людендорф, нельзя было жить и вести войну без зерна и масла Румынии, поэтому *полная победа над Румынией была необходима.*

В виду медленного продвижения армии ф. Арца 9-й армии Фалькенгайна было приказано спуститься в Валахию через Трансильванские Альпы, стремиться к соединению с армией Макензен, подготовлявшей переход через Дунай у Систова.

Для успеха операции признавалось необходимым усилить 9 армию тремя дивизиями с восточного фронта и одной дивизией (7 кавалерийской) из Бельгии.

На перевал «Красной Башни» (Роте Турм) был двинут альпийский корпус генерала Крафт фон Дельмензинген, усиленный двумя австрийскими горными бригадами. В очень ожесточенных боях (когда румыны часто переходили к контратакам) альпийский корпус до середины октября захватил только небольшое пространство, южнее перевала. Ему приходилось вести горную войну с громадными трудностями. Для перехода через горы главных сил 9 армии, было решено воспользоваться Вулканским проходом (на Крайову) и проходами Темеши и Предеал на Плоешти. Переход был основательно, до мелочей подготовлен, горное снаряжение войск было усовершенствовано, особое внимание было обращено на исправление дорог и на заготовку материалов.

29 октября (10 ноября) закончились приготовления и 30 октября (11 ноября) немцы начали операцию перехода. В это же время у Орсова должна была наступать одна бригада с самокатными частями под командой австрийского полковника Шиво.

11 (24) ноября отряд генерала Кюне четыре пехотных и две кав. дивизий перешел горы в Вулканском проходе, 4 (17) ноября разбил румын при Тыргу-Жиулуй и 8 (21) ноября занял Крайову. 10 (23) ноября две кавалерийских дивизии подошли к Каракала, захватив мост через

Ольту. В это время пехота достигла Сватина. В тот же день армия Макензена переправилась у Зимницы. Генерал ф. Крафт пробивался через перевал Роте-турм и достиг выхода у Рымника.

От Орсова румыны отступали вниз по Дунаю (окруженные у устья р. Ольты, они должны были положить оружие).

Для дальнейшего наступления армиям дано было направление на Бухарест. После соединения немецких армий своими флангами общее командование возлагалось на генерал-фельдмаршала Макензена.

Дунайская армия ставилась под начальство генерала Коха.

9 армия исключалась из состава войсковой группы эрцгерцога Карла.

Дунайская армия, переправившись через Дунай, 12 (25) ноября начала наступление и 17 (30) ноября после серьезного боя у Нейлова, подходила к Коману, юго-западнее Бухареста; правый фланг армии двигался вниз по Дунаю. Альпийский корпус, переваливший через перевал Роте-Турм 16 (29) ноября занял Питешти, чем облегчил продвижение кронштадтской группы, имевшей серьезные бои севернее Кимполунга.

Группа генерала Кюне слишком задержалась на переправе у Слатина и только 14 (27) ноября перешла Ольту, но была еще в 80 километрах от левого фланга Дунайской армии.

18 ноября (1 декабря) левый фланг Дунайской армии был сильно атакован у Комана русскими и потеснен назад. Немцы, перешедшие через Нейлов, были отрезаны. Положение было критическое и только подоспевшая турецкая дивизия остановила дальнейший охват противника. Но 19 ноября (2 декабря) к флангу Дунайской армии подошла кавалерия 9 армии, а 3 декабря и пехота. Немецкое командование сильно интересовалось вопросом: будет ли Бухарест защищаться, как крепость, или нет. При первом решении, поход на Румынию растягивался, между тем время года было уже позднее и хотя всякого рода средства для атаки были приготовлены и все было сделано, чтобы ускорить занятие Бухареста, но, как говорит Людендорф: «все-таки у меня свалился камень с сердца, когда 6 декабря пришло донесение, что кавалерийские дивизии в ночь с 5-го на 6-е нашли северные форты крепости не занятыми и взорванными. Русские еще не принимали серьезного участия.

Один русский выпад 5-го декабря юго-восточнее Бухареста не имел значения. Непонятно, почему они дали бить румын в одиночестве; только благодаря этому победа для нас возможна».

Дальнейшей целью операции было поставлено занятие линии: устье Дуная—Серет—Тротуш. Овладение этой линией требовало и экономическое положение войны.

Группа Макензена должна была наступать в направлении Бузео—Фокшаны. Группа эрцгерцога Карла должна была выйти на Тротуш, примкнув своим флангом к группе Макензена.

Начавшиеся бои восточнее линии Бухарест—Плоешти приняли другой, чем было раньше характер. Германцы были утомлены; подвоз снарядов, которых требовалось больше прежнего, стал затягиваться на ухудшавшихся сообщениях; наступали сильные дожди.

30 ноября (13 декабря) после ожесточенного боя немцы взяли Бузео, 4 (17) декабря армия дошла до линии: устье Дуная—Рымник—Серет. 3 болгарская армия продвигалась по правому берегу Дуная, не встречая серьезного сопротивления и 11 (24) декабря достигла устья и правобережного предместного укрепления у Браилова. 22 декабря (4 января) Дунайская армия Коха после тяжелого боя взяла Браилов и достигла Серет. 9 армия в постоянных боях также продвинулась до Серета и 26 декабря (8 января) заняла Фокшаны.

Наступление группы эрцгерцога Карла к Тротушу шло медленно и особо сильных боев у нее не было.

Большое изнеможение войск, время года и погода, заставили командование остановить наступление и армии окопались.

Так закончился 1916 год. Людендорф говорит, что поход был богат военными подвигами храбрых немецких войск, богат решительными шагами начальников, включительно до верховного командования. «Мы разбили румынские войска. Мы достигли, что только было возможно, но должны были в Добрудже и Валахии оставить силы, которые до вступления румын в войну применяли на восточном и западном фронтах и в Македонии.

Несмотря на нашу победу над румынскими войсками, мы в общем ведении войны стали слабее. С окончанем похода в Румынию бои 1916 года разрешались в нашу пользу. Этот ре-

зультат был достигнут не только на полях сражений в Седмиградии, Валахии и Добрудже, где он находил свое внешнее выражение, но и в борьбе на западном и восточном фронтах, на Изонцо и в Македонии. Это было сосредоточение всех наличных сил на одну цель: отразить натиск Антанты и сохранить себе возможность существования. Этот натиск провалился, а источники средств Валахии были наши. Громадное превосходство Антанты в людях и военных припасах разбилось в дребезги о стойкость, уверенность и решимость начальников».

IV.

Положение румынской армии к концу сентября. Настояния г. Жоффра о нанесении удара болгарам в Добрудже. Мнение г. Алексеева о необходимости усилить Салоникскую армию. Отправление корпусов с северного, западного и юго-западного фронтов в Румынию. План Алексеева об оставлении Валахии. Образование румынского фронта под начальством короля. Отступление армии до Серетской позиций. Доклад г. Алексеева 9 января 1917 г. Доклад г. Гурко 23 января.

Когда к 19 сентября румыны потерпели крупную неудачу у Германштадт и на фронте шли упорные бои,—г. Алексеев находил, что условия ведения борьбы на юго-западном и румынском фронтах существенно изменились. Хотя план неприятеля ему еще не определялся, но наиболее опасным для румын, и для нас, Алексеев допускал сосредоточение сильной ударной группы в Трансильвании для нанесения стремительного удара на фронт Аджуд—Фокшаны. Если другая ударная группа развила бы наступление на Галац—Рени, то такой маневр грозил стратегическим окружением румынской армии и раз'единял ее от нашей 9 армии. Алексеев настаивал (Д. № 3 ч. XXV (428).) перед румынской главной квартирой на сосредоточении главной массы их войск в верхней части долины Алуты до Кронштадта и на выборе линией обороны направления Дорна—Ватра—Кронштадт—Бухарест—Дунай—Констанца. Вместе с этим он находил необходимым усилить 9 армию за счет других армий ю.-з. фронта и развить решительный удар на Бы-

стрицу—Сас-Реген; за счет других фронтов собрать два корпуса в районе Яссе и «поневоле усилить войска в Добрудже».

Но 19 сентября г. Брусилов доносил в Ставку, что решительному наступлению 9 армии препятствовали: 1) слабость армий, растянутой на 240 верст, 2) беспрерывные бои с 18 августа, в которых части 18 и 3 конного корпусов (левый фланг 9 армии) понесли значительные потери.

К этому времени в Трансильвании румыны занимали фронт от Сара-Дорна на Ратошна, Сороват, Фотараш и в Валахии—перев. Роте-Турм, перев. Вулкан, Орсово, Дунай. Северная армия была в составе 68 бат-нов (дивизии 14, 8, 7), 2 армия—36 бат-нов (3, 4, и 6 див.). Первая армия—92 бат-на (дивизии: 13, 23, 20, 11, 1).

По данным румынской главной квартиры группировка противника обрисовывалась так: на Трансильванском фронте от Дорна-Ватра до долины Алуты 6 пехотных и $3^1/_2$ кавалер. дивизий; на направлении Германштадт—Кронштадт 7 пех. дивизий; на фронте Ротетурмский перевал—Орсово 3 пех. дивиз.

В виду создавшегося в Румынии положения, г. Жоффр телеграммами 16 (29) сентября и 21 сентября (4 октября) сообщил (Д. № 3 ч. XXVI (447).) генералу Жанену, для передачи генералу Алексееву, свои соображения.

Г. Жоффр находил, что на румынском фронте следовало действовать безотлагательно и энергично, чтобы покончить с болгарским вопросом, или по меньшей мере нанести болгарской армии серьезное поражение и обеспечить Бухарест от всякой угрозы: «г. Алексеев, повидимому, преувеличивает оперативную способность восточной армии» (Салоникской) не следовало по мнению г. Жоффра, рассчитывать на ее решающую роль в наступлении против Болгарии; производя энергичные и беспрестанные атаки в направлении на Монастырь—Прилеп, она выполняла поставленную ей важную задачу связывать свободу действий главных сил болгарской армии, находившейся на ее фронте. Только со стороны Дуная должны были быть предприняты решительные операции. Принимая во внимание важные последствия, которые имели бы для окончания войны вывод

из строя Болгарии, русскому верховному командованию надлежало разработать усиление наступательных действий русско-румынских армий, имея в виду придать им решающее значение на Дунайском фронте. Г. Жоффр просил генерала Алексеева подумать над опасностью перемены в третий раз в течение трех недель плана действий румынской армии и рекомендовал избегать давать такие советы румынам, которые могли иметь последствием побудить их перейти к обороне на всех фронтах и таким образом выпустить из рук инициативу.

Одновременно г. Жоффр просил (Д. № 3 ч. XXVI (447).) итальянского главнокомандующего генерала Кадорна снять некоторое число войск с Трентинского фронта и отправить две дивизии на усиление восточной армии Сарайля.

28 сентября Братиано телеграфировал в ставку румынскому генералу Коанда: «наши войска отброшены к Брашову (Кронштадт), срочность мощного русского вмешательства в Трансильвании к несчастью является более очевидным, чем когда либо. Прошу не упустить ничего, чтобы оно произошло без запоздания. 24 часа имеют большое значение при настоящем положении дел».

25 сентября г. Алексеев ответил генералу Жанену и 27-го генералу Коанда.

Генералу Жанену он писал, что генерал Жоффр, охотно преподающий ему советы и указания относительно положения дел в Румынии и на Балканах, повидимому, не достаточно ориентирован относительно:

1) общего стратегического положения на этом частном театре войны;

2) материальной и боевой подготовки румынской армии и ее начальников к ведению войны;

3) настроения румынской главной квартиры и правительства.

«При таких условиях советы генерала Жоффра утрачивали значительную долю своей ценности или, по крайней мере, своевременности». Г. Алексеев указывал, что первоначальное стратегическое развертывание румынской армии было исполнено под сильным влиянием предвзятой идеи, что Румыния

могла успеть заключить соглашение с Болгарией и не подвергнуться нападению со стороны последней. Поэтому на болгарской границе было оставлено мало войск; войска, преимущественно только что сформированные, пригодные скорее для наблюдения за южной границей, чем для ее упорной обороны. Главная масса должна была собраться на Трансильванском фронте с целью овладеть намеченной территорией. События сложились иначе. В Трансильвании противник был в ничтожных силах, не мог оказывать серьезного сопротивления. Болгары, об'явив войну, перешли в решительное наступление, нанесли поражение под Туртукаем 15 и 17-й румынским дивизиям и уничтожили их, поставив тем в опасное положение Добруджу и вообще южную границу королевства.

Необходимо было прежде всего принять решительные меры— обеспечить себя надежно с этой стороны и, по возможности, нанести поражение наличной болгарской армии.

«Я поставил на очередь вопрос об отделении Болгарии от союза с центральными державами. Вы знаете, в чем именно заключалась моя мысль—добиться этим путем соглашения до начала боевого столкновения между румынами и болгарами. Не знаю, в Париже или Лондоне эта мысль приняла иное направление: с начала нанести болгарам сильное поражение и тогда уже принять их просьбу о помиловании. Я знал, что этот путь к цели долог, труден, или, что достижение задачи ляжет, главным образом, на русские плечи. В подтверждение последнего в скором времени дипломатическим путем мы действительно получили совет или предложение отправить для действий против болгар в Добруджу от 150 до 200 тысяч русских войск».

В приведенных словах г. Алексеев допустил существенную неточность. Из предыдущего изложения документов, относящихся к переговорам с румынами и к обмену мнениями с г. Жоффром, можно видеть, что вопрос о направлении в Добруджу сильной русской армии, а не одного корпуса, обсуждался с начала 1916 года, но генерал Алексеев неоднократно высказывал, что отправление туда значительных русских сил являлось, по его мнению, недопустимым.

Дальше, в своем ответе, г. Алексеев сообщал, что первоначальное противодействие наступлению болгар в Добрудже

легло на две русские дивизии, так как ближайшие румынские дивизии представляли столь слабую боевую силу, что расчитывать на них было невозможно. Подвоз же противником в Трансильванию двух германских дивизий с французского фронта, одной с русского и усиления австрийских войск повело к крупной неудаче у Германштадта, поспешному оставлению Фогараша, отступлению всей II румынской армии (3 дивизии) на Владынь и к атаке частей северной армии. «Простой взгляд на карту должен подсказать генералу Жоффру те последствия, которые будут иметь разгром 2 румынской армии и выход германо-австрийских войск на линию Аджуд—Фокшаны—Бузео, когда сообщения и пути отхода всех войск 1 и 2 и Добруджинской армий будут в сущности утеряны...» «По своему разумению думаю, что ожидать пока эти 3 дивизии будут разбиты нельзя; нужно теперь же образовать резерв, не взирая на то, что этим вызывается опять перемена в выполнении «плана».

Затем генерал Алексеев высказал, что румынская армия оказалась неподготовленной в материальном отношении к войне, а в боевом—слабою; что верховное командование, а особенно правительство проявляли крайнюю степень нервности, часто растерянности; что рассчитывать на твердое руководство войсками и на ведение наступательной операции было нельзя.

«Эту нравственную сторону вопроса тоже нужно учитывать генералу Жоффру в его советах мне».

Обращаясь к балканским делам, г. Алексеев высказывал, что противник мог собрать сильные группы для действия в Трансильвании и на Балканах. Упрочить свое положение, обеспечить связь с Малой Азией и Турцией, уничтожить Румынию и воспользоваться ее богатыми продовольственными запасами,—для него настолько было важно, что ради достижения этих целей он мог не остановиться перед существенным ослаблением своих сил, главным образом, на французском фронте, отчасти на русском севернее Полесья; кроме того могла быть привлечена часть турецких сил и вся болгарская армия. Расстроить намерения неприятеля и парализовать его усилия—*«общая задача всех союзников»*. Все должны принять в этом отношении наивысшее напряжение, не рекомендуя одной русской армии взять на себя главную часть этой большой задачи. До-

пустим, что мы могли бы собрать 150-200 тысячную армию в Добрудже. Но понятно, что мы не можем отдать охрану сообщений этой армии румынам. Нам придется значительно усилить их в Трансильвании от Дорна-Ватра до Кронштадта. Ведя упорные бои на всем участке к югу от Полесья и приковывая здесь свыше 70 дивизий неприятеля, мы не можем создать еще две армии большого состава для двух новых театров—Балканского и Трансильванского. Не можем и *не должны* особенно потому, что в телеграмме генерала Жоффра находим безнадежное заключение, что нельзя рассчитывать на значительные результаты действий генерала Сарайль. Почему так. Если эта армия слаба, она обязательно должна быть усилена французскими, английскими, итальянскими и португальскими войсками до состава, которая представляла бы действительную угрозу противнику, армия могла бы выполнить задачу существенной важности. Только тогда оправдывается стратегический смысл ее существования. Никто не может поручиться что, сосредоточив свои силы, противник не попытается нанести первый удар Салоникской армии. Она должна быть достаточно сильна, чтобы отбить этот удар, иначе Салоники и южно-Балканский театр, а с ними и Греция будут утрачены нашим союзом *навсегда*. Если немцы обратят свои первоначальные усилия против Добруджи и румын, оставив восточную армию в покое, но последняя не будет в состоянии развить ныне достигнутого успеха, то с наступлением холодов она сама оставит завоеванные ею горы, отойдет к берегу и добровольно выведет себя из числа силы действующей, обратясь только в силу наблюдающую за ходом событий, которые лягут исключительно на русских и румын.

Для чего же тогда проявлены усилия и понесены потери, главным образом, сербскими войсками. Восточная армия должна быть усилена во имя повелительных требований нашего союза. Только при этом условии наши союзники могут и имеют основание указывать на необходимость усиления русских войск в Добрудже для какого-либо взаимодействия».

Таким образом, когда противник, наступая энергично в Добрудже и Трансильвании достигал там больших успехов и когда г. Жоффр выражал взгляд о необходимости покончить с

болгарами,—г. Алексеев высказывал свое нежелание принять в этом отношении решительные меры и вновь настаивал на усилении Салоникской армии.

27 сентября г. Алексеев писал генералу Коанда, что:

1) Наша южная армия усиливается тремя корпусами, но корпуса эти нужно перевести в новый район. На перемещение этих корпусов, находящихся в движении, требовалось известное время, тем более значительное, что корпуса эти по условиям боевой обстановки взяты с северного и западного фронтов.

2) Что мы ни коим образом не могли взять на себя замену всего фронта армии Презана, чего, повидимому желали румыны. Такая растяжка фронта не представлялась посильной. Наш левый фланг не мог быть южнее линии Бросчени—Олах—Топлиц—Сас—Реген.

3) «Я не могу разделить той нервности, которая проявляется Румынской главной квартирой в своих последних обращениях по поводу развивающихся событий в районе Трансильвании. В распоряжении Румынии имеются силы, значительно превосходящие противника, и нет никаких оснований считать положение критическим. Необходимо только, чтобы северная и I армии не оставались в бездействии, а имея против себя слабого числом и по составу противника энергично бы помогали II армии, атакованной сосредоточенным и подвижным неприятелем.

28 сентября г. Алексеев сообщал (Д. № 3 ч. XXVI (447).) командующему ю.-зап. фронтом, что румынская главная квартира обрисовывала положение своей армии очень мрачными красками и очень опасалась за возможность выполнения второй армией возложенной ранее задачи и за сохранение ею Карпат, если только русская помощь задержится, или в том случае, если немцы будут продолжать развивать энергично свое наступление. «По имевшимся данным немцы развернули против румын три-четыре дивизии По существу положение не должно было возбуждать опасений, но общая растерянность, отсутствие тяжелой артиллерии, неумение укреплять позиции, большие потери, понесенные второй армией, заставляли смотреть с недоверием на ближайшие события. Между тем направление удара на Аджуд—Фокшаны было

столь серьезно для общего положения, что скорая существенная помощь была безусловно необходима». По мнению г. Алексеева нужно было освободить часть армии Презано, дабы она могла податься к югу, сгустить количество войск, прикрывавших подступы к опаснейшему участку границы, для чего направление наших двух корпусов в долину Мороша на Олах—Топлиц отвечало интересам армии г. Лечицкого при форсировании Карпат создавая прочную опору для всего правого крыла румын

Пожелания г. Алексеева о направлении двух корпусов на Олах—Топлиц оставались неисполненными, так как юго-западный фронт не мог этого сделать в короткий срок.

28 сентября, когда румыны были отброшены от Кронштадта к Кимполунгу, генерал Илиеско телеграфировал генералу Коанда, что в собственных интересах России более необходимо чем когда либо, чтобы три корпуса пришли скорее, иначе положение станет крайне серьезным. В тот же день г. Алексеев ответил, что повторяющееся настойчиво указание генерала Илиеско и г. Братиано на то, что русские корпуса для действий совместно с северной армией Презано должны явиться как можно скорее не было согласовано с простым рассчетом, могущим подтвердить, что такое желание *неисполнимо*. Два русских корпуса требовали 250 поездов, в лучшем случае 12 дней подвоза; прибавляя 3-4 дня нахождения в пути,—срок 15-16-дней был *безусловно необходимый на сосредоточение войск для боя*. Имея в виду что и противник имел дело с таким же сроками и такими же условиями сосредоточения, по мнению Алексеева, можно было убежденно сказать, что в скором времени грозных германских сил, могущих внушить опасения, он собрать *не мог перед 11. и северной армиями*. В распоряжении румынской главной квартиры было такое значительное количество сил, что ни коим образом нельзя было проявлять ту первность и тот пессимизм, которыми проникнуты были все сообщения. Так как наиболее опасным являлось наступление противника *в составе не более 4-5 дивизий против 11. армии*, то все резервы должны были быть брошены на усиление 11. армии и левого фланга северной армии. Эти резервы могли бы быть взяты хотя бы даже из Добруджи. В заключение г. Алексеев высказал горячий призыв к спокойствию и кипучей деятельности по сбору войск

и укреплению позиций, чтобы выиграть время на исполнение перевозок наших войск, при помощи которых можно было изменить обстановку.

2-го октября г. Алексеев телеграфировал (Д. № 3ч. XXVI (447)) главнокомандующим фронтами: «румынская армия находится в тяжелом положении, будучи на Трансильванском фронте отброшенной к горным проходам на самой границе. Неприятель постепенно увеличивает на этом фронте свои силы, настойчиво атакует румын, стремясь, повидимому, обеспечить за собой эффект победы, уничтожение румынской армии, захват материальных средств. Центр тяжести событий ближайшего периода войны временно перемещается на румынский фронт. На нас ложится обязанность сохранить Румынию, ее армию, парализовать намерения противника, обеспечить вместе с тем собственные губернии юга империи.

Государь император повелел: 1) спешно начать посадку одного корпуса от северного фронта для перевозки в состав 9 армии, направляя через Яссы в район Роман—Бакеу—Гимеш—Пятра. (Был назначен IV армейский корпус). 2) Вслед за этим корпусом начать отправку одного корпуса от западного фронта (был назначен XXIV корпус). 3) Главкоюзу усилить 9 армию корпусом за счет прочих армий фронта. (Был назначен 11 корпус.) 4) Из сил ю.-зап. фронта отправить также в состав 9 армии две конные дивизии. 5) Командарм 9. энергичными мерами прикрыть открытый участок между левым флангом своей и правым флангом северной румынской армии. Первоначальная задача 9. армии—сосредоточить свои силы на фронте Дорна-Ватра—Окна, для последующей атаки противника сообразуясь с обстановкою того времени, когда соберется главная часть армии».

Тогда же 2-го октября генерал Алексеев телеграфировал г. Илиеско, что по сведениям ставки в Трансильвании против румын 11 дивизий в составе 120 бат-нов и 26 эскадронов; в Добрудже и на Дунае 131 бат., 44 эскадрона. Всего 251 бат. 70 эскадронов. Силы противника, по мнению г. Алексеева, не были столь грозны, чтобы можно было говорить о критическом, или крайне тяжелом положении. Мы имели: 331 румынских, 52 русских бат-нов, всего 383 бат-на. Неприятель дрался тоже 45 дней, его потери были не менее; следовательно преимуще-

ства в числе, в сохранности сил, у неприятеля не было. На его стороне были технические средства и опытность в ведении операций и боя. Все дело заключалось в проведении в жизнь одного плана и принятия соответствующей группировки. «План же таков: твердо и прочно держаться за наши фланги в северной Молдавии и Добрудже, базироваться на Прут, сокращать выдвинутый вперед центр, но только под давлением обстановки, жертвуя сначала западной Валахией, затем в крайности Бухарестом. Главнейшая задача: сохранение в целости армии во что бы то ни стало. Армия эта возвратит временно оставленное и достигнет цели войны. Близкое непосредственное соприкосновение с нашими флангами безусловно необходимо, чтобы румынская армия не была отрезана от русской; ваша армия должна составить с нами один фронт. В отношении группировки нужно, сообразуясь с наметившимся направлением главного удара неприятеля усилить всем, чем можно, ваш резерв у Плоешти-Бузео. Лично я решился бы временно оставить по одной бригаде у Орсова и Жиуле; одну дивизию Ольте. Тогда три дивизии можно иметь наготове в резерве Питешти и Плоешти. Нужно обязать всех начальников, войска которых не аттакованы неприятелем, наносить самим контрудары, не стоять пассивно, так как в этой пассивности источник наибольшей слабости.

Принимая в полной мере во внимание тяжелое положение вашей армии, мы отдали распоряжение о сосредоточении из русских войск первоначально четырех корпусов в районе Нямца—Пятра—Окна—Бакеу—Роман. Должен сказать, что при слабости железных дорог сосредоточение армии потребует не мало времени; головные два корпуса начнут подходить в ближайшие дни своими передовыми частями, но два последующие корпуса только что начнут посадку, тем более оттянется время дальнейшего усиления. Вы видите, что мы сделали все доступное, чтобы стать плечем к плечу с вашей армией, занять часть вашего фронта, сгустить ваше расположение на важнейших направлениях. Но это не исключает насущной необходимости образования исполнительных комиссий для обсуждения и принятия мер по эвакуации. Быть может некоторые заводы придется отправить на нашу территорию. Чем меньше сохранить

при себе запасов остающееся на месте население, тем лучше». (Д. № 682).

4-го октября северная и 2-я румынские армии находились (см. схему № 5). в таком положении: северная армия—14 див., район—Тульчин, Бекас; 7 див. у Гимеш, Лай-Асса; 15 див. в долине Ойтуз, армейский резерв (8 дивиз.) у Бакеу и 2 кав.

див. в Онешти 2 армия: от долины реки Путна до Прерала —21 див. на Переальских позициях, 22 див. к северу от Кимолунга (Намаести, Альбести), 12 див. у Кимплопунга, в арм. резерве—бригада 16 див. в Плоешти, 4 див. в Байкой к северу от Плоешти.

6 (19) октября генерал Жоффр телеграфировал г. Жанену, (Д. № 3 ч. XXVII (448).) что совместное наступление союзников, начатое в течение лета, согласно постановлению конференции Шантильи, явно ослабило боевые средства противника, который потерял инициативу действий на всех главных фронтах. Г. Жоффр полагал, что действия на восточном фронте должны были сводиться к остановке наступления в Трансильвании и в производстве серьезного усилия с целью вывести Болгарию из строя. Заявление г. Жоффра не изменило решений г. Алексеева и он 6-го же октября с своей стороны обратился к г. Кадорна с горячей просьбой усилить союзную армию в Салониках двумя полными итальянскими дивизиями. Полк. Энкель (русский воен. агент Италии) по поручению г. Алексеева передал генералу Кадорна, что поражение на Балканах неприятеля решительно скажется на ходе войны, ибо на Балканском полуострове в то время находился центр тяжести последней. Сделаться сильными на Балканах была настоятельная стратегическая необходимость и нравственный долг союзников. В сознании сего г. Алексеев считал своим долгом энергично настаивать на уделении союзниками должного внимания Балканскому театру. Россия, взяв на свои плечи Румынию, имела право ожидать, что союзники проникнутся сознанием, что преграждение первостепенного по своему значению пути, питавшего сопротивление Германии, ускоряло бы победу. Г. Кадорна ответил полк. Энкелю, что итальянское верховное командование не в состоянии оказать содействие в операциях союзников на Македонском фронте, что оно выставило на Балканском полуострове свыше $3^1/_2$ дивизий, принимая во внимание, что силы, находившиеся в Валлоне и в северном Эпире превышали две дивизии. На одном лишь македонском фронте Италия имела 16.000 штыков, т. е. вдвое более, чем Россия, половину того, что держала там Франция и свыше трети выставленных Англией сил [1]).

[1]) По сведениям, полученным 10 октября от Сербск. королевича Александра состав армии был таков: 1) Французов 23800 шт., 2) Сербов 35500 шт., 3) Итальянцев 11700 шт., 4) Англичан 45000 шт., 5) Русских 4000 штыков-всего=120.000 штыков.

Одновременно г. Алексеев писал г. Жилинскому (Д. № 3 ч. XXVI (447).) для передачи г. Жоффру, что поражение немцев на Балканах решительнее скажется на ходе войны, чем захват нескольких километров пространства и десятка селений на французской территории.

Сделаться сильными на Балканах, по мнению г. Алексеева, было стратегическою и нравственною обязанностью союзников. На французском театре было такое численное превосходство союзников, что они должны были считать себя обязанными выделить по две дивизии от французской и английской армий для отправки в Македонию.

«Генерал Жоффр охотно дает советы русской армии оказать мощное содействие румынам, иными словами сменить последних своими войсками в Трансильвании, Добрудже, игнорируя протяжение нашего фронта, исключительные усилия, которые мы в общих интересах, а не только в собственных, развиваем на театре южнее Полесья. Мы имеем право рассчитывать что генерал Жоффр применит свои советы к собственной обстановке, и при больших силах, действующих на скромном по длине фронте, выделит ничтожное в две дивизии усиление для армии Сарайля... Россия взяв на свои плечи Румынию, имеет право ожидать, что наши союзники взвесят большое современное значение балканского театра для всего союза, установят взгляд, что действуя энергично на этом театре, становясь на важнейшем для Германии пути мы скорее достигнем целей войны, лишим немцев тех средств, кои они получают от Балкан».

11 октября президент французской республики телеграфировал (Д. № 3 ч. XXVI (447).) царю, что Франция посылает в Салоники с крайней спешностью $1^1/_2$ дивизии и просила Англию и Италию увеличить свои контингенты.

10 (23) октября г. Робертсон телеграфировал г. Вилльямсу для передачи г. Алексееву: «Не могу признать, чтобы дополнительная отправка в Салоники двух английских и 2-х французских дивизий, могла дать какие либо выгоды длительного или решающего значения. По моему мнению потребовалась бы отправка в размере не менее 12 дивизий. Английская армия может лучше всего оказать содействие России и Румынии про-

должая совместно с французами энергичное наступление на Сомме».

27 октября (9 ноября) г. Жоффр телеграфировал г. Жанену: (Д. № 3 ч. XXVII (448).) «Я только что встретил генерала Кадорна в Сан-Мишель де-Мариен. Он думает, как и я, что следует стремиться, как можно скорее вывести из строя Болгарию путем совместного наступления со стороны Салоник и Дуная. Исходя из этих соображений он готов безотлагательно довести силы итальянских войск у Салоник до 3 дивизий».

28 октября (10 ноября) г. Жоффр телеграфировал г. Жанену, что генерал Кадорна обусловливает отправку трех бригад, необходимых для доведения находившихся у Салоник итальянских войск до 3-х дивизий, не только одобрением этого решения итальянским правительством, но кроме того уверенностью в том, что генерал Алексеев имеет действительно намерение предпринять действия, могущие вывести Болгарию из строя, как только обстоятельство этого позволят. Не имея определенных сведений относительно намерений г. Алексеева, г. Жоффр не мог дать г. Кадорна формальные заверения, тем не менее указал ему, что на основании общего впечатления, вызываемого значительностью тех усилий, которые сделаны были русским верховным командованием в Румынии, он имел полное основание предполагать, что вывод из строя Болгарии путем согласованного наступления со стороны Салоник и Дуная входил в планы генерала Алексеева. Г. Жоффр просил, чтобы г. Алексеев сообщил о своем принципиальном согласии на подлежащую предпринятую против Болгарии операцию, относительно необходимости которой было достигнуто полное соглашение между главнокомандующими английской, итальянской и французской армиями в высших интересах коалиции.

На этот вопрос, поставленный очень определенно, г. Алексеев 1 (14) ноября ответил г. Жанену, что главная задача заключалась в создании двух сильных армий на флангах румын, которую он надеялся достигнуть, не взирая на ничтожную правоспособность румынских железных дорог, совершенно не подготовленных к воинским перевозкам. Последующая задача—ударом с востока на запад из северной Молдавии обеспечить путь из Трансильвании к Бухаресту и в Валахию. Если

эта очередная задача была бы благополучно исполнена, то, писал г. Алексеев, «считаю, что соображения и строго военные и политические заставляют нас сжать кольцо вокруг противника именно на Балканах и русские готовы будут выставить сильную армию на этом важнейшем для данного фазиса великой борьбы театра. Нужно отметить, что эта задача ляжет главным образом на русских, ибо убедить румын в важности удара против болгар будет более, чем трудно, ибо политическая сторона войны—занятие Трансильвании и обеспечение Бухареста—в глазах румын будет всегда иметь первенствующее значение. Борьба на Балканах будет угрожать жизненному для немцев направлению, их сообщениям с Константинополем и Малой Азией, которые с утратой колоний приобретают значение рынков исключительной важности.

Поэтому нельзя считать, что союзники будут наносить удар болгарам. Удар будет направлен в самую чувствительную точку для Германии и на защиту Балкан будут привлечены значительные германские силы. Поэтому мы, решаясь на Балканскую операцию, должны взвесить условия борьбы, назначить силы, достаточные для достижения цели, дабы довести операцию до необходимого развития. Без этого не следует и начинать ее». 5993.

2 (15) ноября полк. Энкель телеграфировал в ставку, что г. Кадорна, по возвращении с французского фронта, немедленно обратился к г. Жоффру письменным сообщением, в котором указывал на несоответствие сил русской дунайской армии идее решительного удара, на то, что план г. Алексеева не давал основания надеяться на перемещении центра тяжести войны на Балканы, что возможность сильного удара против Италии им поэтому не устранялась и что при таких условиях он, Кадорна, не считал себя в праве разбрасывать свои силы, тем более, что расброску страна не простила бы ему, если вследствие ее Италии пришлось бы обратиться к помощи французов.

Так закончились сношения союзных главных квартир по поводу заявлений г. Алексеева. Позднее, 2 (15) ноября, во французской главной квартире состоялось совещание, которое приняло решение: Салоникскую армию довести к весне до состава 23 дивизий, с каковой целью Великобритания и Франция дово-

дили свои силы у Салоник первая до 7, вторая до 6 дивизий. Италию просили довести свои силы до 3 дивизий.

20 октября командующий Дунайской армией г. Сахаров Д. № 85 ч. I (352),) для противодействия попыткам противника перейти на левый берег Дуная в районе Калараш—Гирсово приказал 4 корпусу (генерала Алиева) прибывшему в это время с северного фронта расположиться в районе Слободзия — Каларош—Гирсово, установив связь с румынскими войсками.

В распоряжении г. Алиева была придана 8 Кавказская дивизия.

К 3 ноября в районе Бакеу начали прибывать: XXIV и XL корпуса.

Как было изложено выше, 30 октября (11 ноября) армия Фалькенгайна начала переход через горы. 8 (21) ноября была уже занята Крайова; а 10 (23) ноября—Каракола и Слатин.

1 (24) ноября Бертелло [1]) телеграфировал в ставку, что события развиваются с внушающей тревогу быстротой. 10 (23) ноября румынские войска от Зимницы отступили перед немцами, переправившимися через Дунай; румынская главная квартира отдала приказание об отходе всей 1 армии и левого фланга 2 армии.

12 ноября Жоффр телеграфировал, что испытанные румынами неудачи тревожили во Франции общественное мнение, Парламент, правительство и просил г. Гурко (заместителя Алексеева, уехавшего по болезни в Севастополь) поддержать румын у Бухареста.

15-го ноября Пуанкаре обратился с телеграммой к царю, прося также поддержки румын. Было приказано главнокомандующим оказать энергичную помощь Румынии.

Генерал Бруслов 15 ноября приказал III конному корпусу генерала графа Келлера, в составе 10 кавалерийской, 1 Донской и Терской казачьей дивизий безотлагательно выступить из 9 армии в район Рымника. Г. Сахаров приказал IV корпусу с 8 кавказск. дивизией, для обеспечения фланга румын занять

[1]) Генерал Бартелло был командирован в сентябре месяце, в Румынскую армию с особой миссией, в состав которой входили несколько французских офицеров всех родов оружия.

Дунай до Ольтеницы и участок реки Аржиш до железнодорожной станции Будешти. 15-го ноября немцы атаковали отступавших от Дуная румын у Калугарени и Комано, заняв последний. Генерал Сахаров приказал двинуть одну бригаду пехоты и кавалерийский полк с конной батареей к Коману для атаки противника во фланг. Атака была удачная, но подоспевшая турецкая дивизия остановила дальнейшее наступление русских

17 ноября последовало приказание царя дунайскую армию подчинить Главкоюзу с 24 часов 17-го ноября. Из корпусов, перевозимых и переводимых походным порядком в район Аджуд, Панцну, Текуч, Паду-Туркулуй, сформировать 4 армию; в состав ее включить XXX, VII и XXIX арм. корпуса и 3 кавалерийский корпус, для выполнения задачи в зависимости от того, как сложится обстановка. 20 ноября последовала директива короля—румынским армиям отойти за р. Яблоницу (Урзичени)—р. Прахово. В соответствии с этим г. Сахаров приказал группе Алиева также отойти на линию р. Мостище, на участок Кошерени—оз. Боян—Дунай.

20 ноября Брусилов сообщил Гурко, что корпуса 4 армии сосредоточатся не ранее 15 декабря.

22 ноября Брусилов телеграфировал в ставку, что в Румынии полная неразбериха и отсутствие системы в командном отношении.

9 и дунайская армии подчинены ему, а между ними находится и румынская армия, действующая самостоятельно и предпринимающая операции собственного измышления, при помощи французской миссии, крайне рискованного характера и требующие нашей помощи. Когда район военных действий приближался к нашим пределам, а почти вся румынская армия полностью потеряла свою боеспособность, такое многоначалие делалось опасным и могло повлечь за собой самые печальные последствия, ибо не было возможности ни выработать плана действий, ни планомерно выполнить его. Брусилов заявлял «по долгу совести и присяги», что при таких условиях невозможно управлять армиями, и усиленно просил устранить разноначалие.

24 ноября царь приказал: сформировать южный фронт под начальством короля Румынии в составе формировавшейся 4-й и дунайской русских армий и румынской армии, 2) в качестве ответственного помощника главнокомандующего южным

фронтом назначить генерала Сахарова, 3) управляться южному фронту по общим директивам Ставки и приказами помощника главнокомандующего фронтом, с доклада и одобрения каждый раз короля Румынии. 4) Разграничительной между юго-западным и южным фронтами назначалась линия: Редукенени, Кодешти—Онешти—долиной реки Каспна, все пункты для южного фронта включительно.

Вследствие беспрерывного отхода румын после оставления ими Бухареста, в направлении на Бузео г. Сахаров 25 ноября приказал (Д. № 65 ч. I.) и группе генерала Алиева отойти на северный берег Яломницы, причем кавалер. корпусу графа Келлера активными действиями владеть районом между Урзичени и линией Плоешти—Мизгиль.

Отряду генералу Деникина (15 пех. див. и одна дивизия из 3 кавал. корпуса) прикрывать Бузео, который был, однако, занят немцами 30 ноября (13 декабря).

2 декабря, вследствие продолжавшегося отхода румын, русские войска вынуждены были отходить на заранее подготовленную позицию Рымник—Визирул, причем г. Сахаров решил перебросить на левый берег Дуная из Добруджи и 4 сибирский корпус. Румыны занимали линию от Раковицени (западнее Рымника) до Фурул-Морс.

Состояние румынской армии к этому времени (к 3 декабря) было таково:

Дивизии:

1.—10 т. штыков	13.—2 т. шт.
2.—разбежалось	14.—2 т. шт.
3.—6 т. штык.	15.—20 т. шт.
4.—сдалась в плен	16.—2 т. шт.
5.—разбежалось	17.—соединена с 1-й.
6.—4 т. штык.	18.—разбежалось.
7.—10 т. шт.	19.—разбежалось.
8.—3 т. шт.	20.—разбежалось.
9.—разбежалось.	21.—3 т. шт.
10.—сдалась в плен.	22.—1 т. шт.
11.—3 т. шт.	23.—1 т. шт.
12.—5 т. шт.	

Итого во всей армии было не более 70 т. налицо.

Предполагалось с отходом на Рымникскую позицию оставить в боевой линии шесть дивизий: 1) рымникская группа 1, 3, 6 и 12 дивизии, 2) группа Вранча—7 див. и 7 сводн. бригада, 3) группа Ойтуз—15 див. Все три группы об'единились под названием 2 армии генерала Авереско. Остальные дивизии было решено отвести в тыл и возсоздать в 3-4 месяца. Укомплектования имелось около 180 т. призванные возрасты 1917 и 1918 г. Для инструктирования армии из Франции было командировано 232 генерала, штаб. и обер-офицеров.

Моральное состояние армии, отведенной в тыл, находилось в полном разложении; усилилась пропаганда, сводившаяся к тому, чтобы убедить офицерские круги в безполезности дальнейшей борьбы и в опасности со стороны России, которая не возвратит Румынии Молдавию, что Россия не желает образования великой Румынии. Распропогандированные офицеры в свою очередь вели пропаганду среди солдат. В числе их был адмирал Негреску. (Д. № 58 ч. I.)

К 7 декабря 4-я русская армия генерала Рагоза (корпуса: VIII, VII и XXX, Уссурийская, Туземная и Заамурская, конные дивизии) заняли фронт от Балечеанул до Фурул-Маре. 6-я армия (IV сибирский, IV, XLVII корпуса, III-й и VI-й конные корпуса и 3 донская казачья дивизия) занимали участок левее 4 армии до моря. 12 кавказск. дивизия в районе Фокшаны составила резерв фронта. К 9 декабря в район Кагул—Троянов Вал прибыл XXIX корпус и поступил также в резерв фронта. Вскоре туда же в район Кагул—Болград подвозился от Молодечно и XLIV корпус. Положение в Добрудже было таково: дивизии XLVII корпуса занимали растянутые фронты; позиции были укреплены слабо, боевые неудачи предшествовавшего периода морально ослабили части войск, а нахождение в тылу большой реки, проходимой только по мостам, усугубляло подавленную психику войск. Пока противник производил только разведки фронта XLIV корпуса, части его стояли на позициях; но при малейшем нажиме и даже от одного сосредоточенного артиллерийского огня они очищали свои позиции. Ввиду такого положения ген. Сахаров приказал (Д. № 68 (479)) 115 дивизию отвести через Исакчу на левый берег Дуная, а двум дивизиям занять позицию между Мачином и Лунковицей для прикрытия Браилова и Галаца.

Командиру Черноморской флотилии было приказано вывести в Килийское гирло канонерки и все плавучие средства. Оборона устья Дуная и дунайских гирл была возложена на отряд обороны адмирала Фабрицкого. Отряду ставилась задача прочно удерживать дельты Дуная и не допускать переправы противника через Георгиевский рукав.

Отряд обороны вскоре был усилен отдельной Балтийской морской дивизией и находился в составе: (Д. № 3 ч. XXXI (456).) 1) балтийской дивизии, 2) 1 и 2 приморских и 20 отдельной позиционной батареи для стрельбы по воздушному флоту, 1 береговой артиллерийской роты, 7 прибрежной позиционной батареи и $^1/_2$ батареи батарейных пушек, 3) морских частей дивизионречных — кановерских лодок, вооруженных тяжелой артиллерией, речная флотская бригада генерала Мазурова; посыльные суда (6), румынская флотилия, буксиры, баржи. С (6) февраля отряд обороны был подчинен командиру 6.

14 декабря противник продолжал сильно теснить на всех фронтах и г. Сахаров приказал продолжать планомерный отход на Серетскую укрепленную позицию, а Добруджинскому отряду оставивъ сильные арьергарды на линии Мачин—Векерени, отойти на левый берег, где занять участок от Браилова до Измаила. С 22-го декабря в состав румынского фронта была включена и 9-я армия Лечицкого. Разграничительной линией с ю.-з. фронтом была: гора Ботошу, Гура-Гумора, Сучава, Ботушаны. Левый фланг 9 армии доходил до Реппле в долине Тротуш.

21 декабря последовало повеление направить кроме XXIX и XLVI еще XLV корпус. 8 января последовало распоряжение направить в район Когул — Белград 1 армейский корпус.

Поражение румынской армии заставило нас таким образом направить по частям на румынский фронт (считая и 9 армию) 15 корпусов пехоты (35 дивизий) и 3 конных корпуса (13 дивизий), т. е. до $^1/_4$ всех наших сил. (Д. № 3 XXIX (425).)

Валахия и Добруджа были потеряны. Наступившая зима, нередкость суровая, совсем прекратила на продолжительное время крупные столкновения сторон.

17 и 18 декабря в ставке состоялось совещание, задачей

которого было установление плана кампании русских армий на 1917 год.

По поводу результатов совещания г. Алексеев представил 9 января из Севастополя особый доклад царю. В этом докладе он высказывал, что по капитальному вопросу—*наносить ли один мощный удар, или несколько и на каком фронте*—совещание не пришло ни к какому решению.

Конференция же в Шантильи давала такое заключение: 1) союзники должны стремиться к возможно быстрому разгрому Болгарии. Русское верховное командование решило продолжать развивать операции, *начатые в этих целях*. 2) Действия против Болгарии должны были направляться с севера и с юга, при полной связи действий и в целях добиться решения на том, или другом из двух фронтов.

Против такого решения г. Алексеев высказывал такие соображения: начиная с сентября 1916 года эта мысль настойчиво проводилась русским верховным командованием с просьбою усилить существенно войска на Салоникском фронте, чтобы оттуда начать более решительные действия. Не встретившая тогда сочувствия со стороны союзников, эта мысль вновь вкладывалась в *основу плана*. Но при создавшихся условиях нельзя было говорить о *разгроме Болгарии*. Нужно было ставить задачу разбить *армию центральных держав*, сила которой на Балканах и в Румынии достигла 30—32 пехотных дивизий. Медленность принятия решения союзниками привела к тому, что стратегическая обстановка изменилась резко и не могла повести к установке *главной операции* на Балканском полуострове Русские войска были растянуты на общем стратегическом фронте в более чем в 1.600 верст. Каждый шаг в пределы Болгарии этот фронт удлинял. Операция падала главным образом на русских и требовала исключительных напряжений за счет всех фронтов. Между тем противник едва ли ограничивался бы сидением на Балканах: для него нужны были эффектные победы *на главных* направлениях.

Благоприятная обстановка для разгрома союзом Болгарии была упущена безповоротно и мы не могли принять основную мысль плана кампании выработанного в Шантильи. На Румынском фронте мы должны были оставить силы достаточные для

удержания Молдавии и все силы, которые можно было освободить на этом фронте, перебросить снова туда, где наносился бы главный удар. Весенняя кампания должна была *возложить выполнение главного удара на армии юга-западн.* фронта на участках Львов—Мармарош—Сигот. На этом участке было менее чем где либо на другом немецких войск (из 260.000 штыков только 52.000 немецких). *Вспомогательный удар* должен был выполнен армиями западного фронта в направлении Лида—Вильно.

Частные удары должны были произвести северный и румынский фронты. Особое значение приобретало овладение столь спешно оставленной важною для нас Добруджею.

Собирая наши главные силы на направлениях Львов—Мармарош—Сигот и Лидо—Вильно для развития наступательных действий, мы одновременно прикрывали наши наиболее жизненные направления на Киев и Москву.

К докладу своему г. Алексеев приложил ведомость сравнительного числа батальонов и штыков у нас и у неприятеля, по данным к 11 декабря.

Северный фронт.

У неприятеля:		У нас:		
66 бат.	= 53.000 шт.	12. арм.	184 бат.	= 146.000 шт.
65 »	= 52.000 »	5. »	112 »	= 94.000 »
68 »	= 54.000 »	1. »	124 »	= 107.000 »
Итого. 199 бат.	= 159.000 шт.		420 бат.	= 347.000 шт.

Западный фронт.

127 бат.	= 101.000 шт.	10. арм.	172 бат.	= 149.000 шт.
107 »	= 84.000 »	2. »	204 »	= 171.000 »
102 »	= 78.000 »	3. »	128 »	= 232.000 »
207 »	= 154.000 »	Особая»	284 »	= 232.000 »
Итого. 543 бат.	= 417.000 шт.		788 бат.	= 665.000 шт.

Юго-Западный фронт.

128 бат.	= 92.000 шт.	11. арм.	192 бат.	= 160.000 шт.
151 »	= 114.000 »	7. »	272 »	= 187.000 »
94 »	= 70.000 »	8. »	144 »	= 103.000 »
150 »	= 109.000 »	9. »	208 »	= 156.000 »
Итого. 523 бат.	= 385.000 шт.		816 бат.	= 606.000 шт.

Румынский фронт.

53 бат.	= 40.000 шт.	2 рум.	87 бат.	= 57.000 шт.	
48 »	= 38.000 »	4 »	48 »	= 34.000 »	
153 »	= 122.000 »	6 »	120 »	= 84.000 »	
			80 »	= 56.000 »	подходило.
Итого 254 »	= 200.000 »		335 »	= 231.000 »	
Всего 1489 бат.	= 1.161.000 шт.		2359 бат.	= 1.849.000 шт.	

Кавказский фронт.

266 бат.	= 106.000 шт.	232 бат.	= 192.000 шт.
Всего 1745 бат.	= 1.267.000 шт.	2591 бат.	= 2.041.000 шт.

Разница 846 батальонов = 774.000 штыков.

Доклад г. Алексеева приказано было рассмотреть и г. Гурко, заместителю Алексеева, который представил 23 января 1917 г. свой доклад, заключения которого, отличавшиеся от мнения г. Алексеева, были однако одобрены.

Г. Гурко *обстановку на фронтах обрисовывал* в следующем виде:

Северный фронт, от Рижского залива по Двине и далее до озера Нарочь занимал 390 верст:

	у нас:	у противника:	или
Пех. дивизий	$28^1/_1$	20	+ $8^1/_1$
Батальонов	434	230	+204
Кав. дивизий	$5^1/_1$	4	+ $1^1/_1$
Эскадронов	131	96	+ 35
Легких орудий	1209	750	+459
Гаубиц	164	430	—266
Тяжелых	464	590	— 12

Западный фронт, от оз. Нарочь до железн. дороги Ковель—Сарны, 480 верст:

Пех. дивизий	35	28	+ 7
Батальонов	532	340	+192
Кав. див.	9	4	+ 5
Эскадронов	216	96	+120
Легк. орудий	1283	1000	+283
Гаубиц	159	280	—121
Тяжелых	261	390	—129

Юго-Западный фронт, от ж. д. Ковель—Сарны до горы Батошу, 470 верст:

Пехотных дивизий	52	46	+ 6
Батальонов	828	531	+297
Кав. дивиз.	10 1/1	4	+ 6 1/1
Эскадронов	254	66	+188
Легких орудий	1950	1210	+740
Гаубиц	185	170	—185
Тяжелых	252	490	—238

Румынский фронт, от горы Батошу до озера Катлабух северо-восточнее Измаила, протяжением 400 верст:

Пехотных дивизий	41 1/1	34 1/1	+ 7
Батальонов	612	393	+219
Кав. дивизий	14	11	+ 3
Эскадронов	350	210	+140
Легких орудий	1472	1270	+202
Гаубиц	243	390	—147
Тяжелых	176	250	— 74

Рассчитывать на возможность обратной массовой переброски к весне 1917 года корпусов румынского фронта на другие фронты г. Гурко признавал крайне трудным. Поэтому сосредоточение на румынском фронте столь значительных сил как бы уже предрешало, по его мнению, что весной на этом фронте должны были развиться серьезные операции. Исходя из этих соображений он испрашивал дать главнокомандующим, для весенних операций, следующие указания:

1) Нанесение главного удара из района XI и VII армии в Львовском направлении с вспомогательными ударами на направлениях: на Сокаль и Мармарош—Сигот.

2) Развитие в тоже время наступления на румынском фронте, с целью разбить находившегося перед армиями фронта противника и занятия Добруджи.

3) Ведение вспомогательных ударов на фронтах западном и северном, на участках по выбору главнокомандующих.

Схема №6.

Масштаб:

V.

Положение румынского фронта к 24 января 1917 года.

Заседание европейских послов в Яссах 11 февраля о положении Румынии. Донесения г. Сахарова в ставку о состоянии войск. Увольнение г. Сахарова и назначение г. Щербачева. Директива г. Щербачева для подготовки к наступлению. Июльское наступление на ю-зап. фронте. Приказание Керенского о приостановке наступлений. Доклад г. Щербачета в ставку об оперативных перспективах на румынском театре. Присоединение к румынскому фронту 8 армий. Наступление немцев к Фокшанам и в Окнинском районе. Заседание в Яссах 26 июля совета министров под председательством короля. Наступление немцев 25 июля. Заключение. (См. схему № 6).

К 24 января румынский фронт занимал 430 верст, от гор. Батошу до д. Кислица. В частности:

1) 9-я армия занимала участок от г. Батошу до д. Монестырка—Кашинуль, протяжением около 200 верст; на фронте были: XXVI корп. (65 и 78-я п. д.)

II корп. (84 и 26-я п. д.).

XXXVI корп. (68 и 25-я п. д., 2-я бриг. 103-й див.).

XXIV корп. (48 и 49-я п. д.).

XL корп. (4-я стр. д., бриг. 2-й стр. д., 1-я бр. 103-й див.).

В армейском резерве:

Бригада 2-й стр. дивизии.

3-я туркестанск. стр. див.

XV корп. (122 и 126-я див.).

V кав. корп. (оребн., 6 донск., 11 кавал.).

Всего батальонов 240; штыков 175.000; эскадронов и сотен 107; шашек 1.500; пеших эскадронов—6; кавалер. штыков 1220; орудий легких 548, горных 149, гаубиц 124, тяжелых 46.

2) 2-я румынская армия занимала участок от д. Монестирка, Кашинуль до Ирешти де-Сус, протяжением около 30 верст.

На фронте:

IV рум. корпус (8 и 7-я д. д.).

II рум. корпус (12 д., 7 свод. бр., 1-я див., сводн. кавалер.).

4 и 5 бригады каларашей распределены между корпусами; в армейском резерве 3-я и 6-я дивизии.

Всего: бат.—74; штыков—44.700; эскадр.—16; шашек—2100; оруд. легких—276; гауб.—35; тяжел.—20.

3) 4 армия занимала участок от д. Ирешти де-Суо до д. Сальчна, протяжением около 45 верст.

На фронте:

VIII корп. (2 и 15-я п. д.).

VII корп. (34 и 13-я п. д.).

XXX корп. (80 и 71-я п. д.).

В армейском резерве:

135 полк (34 див.).

Бригада (80 див.).

Всего: бат.—85; штыков—53.700; эскадр и сот.—18; шашек—2100; оруд. легких—213; гаубиц—35; тяжелых—45.

4) 6-я армия занимала участок от Сальчна до д. Кислица, протяжением около 155 верст.

На фронте:

IV корп. (30 и 40-я п. д.).

XXIV корп. (124-я, 1-я стр. п. д.; бригада 3-й стр. д.).

IV спбирск. (9-я спбирск., 10-я спб., 61-я п. д. и полк 3 кавал. див.).

XLVII корп. (115-я 3-я донск., черноморск. конн.).

В армейском резерве:

3-я кавказск. стр. д.

3-я кавалер. див. (3 полка).

Всего: бат.—150; штыков—102.000; эскадр. и сот.—70; шашек—8300; оруд. легк.—380, гаубиц—47; тяжелых—63.

5) Резерв главком. фронтом:

Пехота:

XLIV корп. (57-я и 11-я п. д.) в периоде сосредоточения к Бырлату.

I корп. (22 и 24-я п. д.) в периоде соср. в районе ст. Лейпцигская—Аккерман.

Конница:

В виду затруднений по доставке фуража восемь кавалерийских дивизий были отведены в тыл и сосредоточены вдоль р. Ирута:

а) Туземная кавказская в районе Колония—Кургурлуй—Томай—Копкуй—Градище.

б) III кавалер. корпус (1 донск., терск. и 10 кавалер. д. д.)

в районе Селище—Исайканы—Сбироя—Нов. Дрогушаны—Вор-ничени.

в) 12 кавалер. в районе Войнеско—Гурагалбин—Сарат—Галбин.

г) Заамурская конная дивизия в районе Летесчи—Бересчи.

д) Уссурийская к. д. в районе Сливна—Белинтесчи—Гре-нени.

е) 8 кав. див. в районе Чукур-Мишень—Альбота—Казакия.

Всего в резерве главноком.:

60 бат.; 46.000 штык.; эскадр. и сот. 235; шашек 21400; оруд. легк. 198; гауб. 18; горн. 13.

Всего войск на румынск. фронте:

Бат.—609; штык.—423.000; эскадр. и сот.—446; шашек—44400; оруд. легк.—1615, гаубиц—259; горн.—162, тяж.—174.

Примечание 1. Румынская армия переорганизовывалась под руководством г. Бертело, в тылу 9 армии, между линией Яссы—Пошканы на юге и границей на севере.

Против фронта находились:

1) На Быстрицком, Сас Регенском и Шекали Удварельском направлениях—1 австрийск. армия Арца.

2) На Кедзи Вазаргельском направлении—германская армия Герока.

Обе армии принадлежали фронту эрцгерцога Иосифа.

3) На Плоештинском направлении—9 германская армия Фалькенгайна.

4) На Бузео Фаурейском направлении—германская дунайская армия Коха.

5) В Добрудже—3 болгарская армия Тошева.

6) Последние три армии принадлежали фронту фельдмаршала Макензена.

По данным разведки в состав армий входили:

Армия Арса. Германские дивизии: 225 и 8 баварская.

Австрийские дивизии: 12, 24, 35, 72 полевые и 37, 39, 51, 61, гонведные; 3, 5, 6 и 8 кавалерийск. дивизии.

Армия Герока. Германские дивизии: 49, 187, 218, 76 резерв., альпийский корпус и 12 баварская.

Австрийские дивизии: 73 полевая, 71 гонведная и 1 кавалерийская.

Армия Фалькенгайна. 109, 115, 216 германские и 301 австрийская пехотные дивизии и 2 и 3 германские кавалер. дивизии

Армия Коха. 217 германская, 11 баварская, 12 и 13 болгарские, 15, 24, 25 и 26 турецкие дивизии.

Армия Тошева. 4 болгарская и 16 турецкая дивизии.

Сравнительное число батальонов на фронте:

На участке 9 армии	240 наших	182 противника
» » 2 Румынск.	74	24
» » 4 Арм.	85	73
» » 6 Арм.	150	202
Всего	609	481

Противник перешел к обороне. Часть германских дивизий отводилась в тыл и отправлялась на другие театры. Часть лучших болгарских дивизий перебрасывалась на Салоникский фронт.

По имевшимся в ставке сведениям на французский фронт были отправлены 41, 115, 187 и 11 баварская дивизии; на Салоникский—1 и 4 болгарские дивизии.

11 (24) февраля в Яссах (Д. № 56 ч. I) состоялось заседание послов (английского, французского, итальянского) при участии генералов Бертело, Жанена, английского полковника Гриффис и русского генерала Мосолова [1]). На этом заседании слушалась секретная докладная записка полковника Гриффиса о положении Румынии, которое признавалось особенно серьезным. Деятельность железных дорог была совершенно парализована. Для ее оживления не принималось абсолютно никаких мер. Солдаты, брошенные на железнодорожных линиях, умирали в вагонах с голода. Санитарные поезда были брошены на произвол судьбы. Раненые гибли без пищи и от заражения крови. Для продвижения санитарного поезда на 50 километров требовалось 10 дней. Транспорты с ранеными оставались на дорогах, вследствие падежа лошадей. Тиф господствовал повсеместно. Рядом с этим префекты жили в роскоши, почему их лойяльность могла быть заподозрена. Никто не преследовал шпионов пр-ка.

22 февраля г. Сахаров сообщил (Д. № 3 ч. XXI, (450), г. Алек-

[1]) Штаб фронта прибыл в Яссы 26 февраля.

севу (возвратившемуся из Севастополя), что со всех сторон поступали донесения и предупреждения об усилившейся германофильской пропаганде в населении и в румынских войсках, особенно среди офицерского состава; один из начальников дивизии (полковн. Стурза) перешел к противнику и издал манифест, которым приглашал войска следовать его поступку, сделанному им ради спасения отечества и извещал, что он приступил к организации 100/т. армии из числа пленных румын, с которой двинется на малодушных, глупых и бесчестных румын, не понимавших настоящих замыслов русских.

20 марта г. Сахаров представил верховному главнокомандующему доклад, в котором излагал, что по агентурным сведениям подчеркивалось постепенное усиление господства враждебного к русским отношения Румынии. Такое явление наблюдалось не только в разных слоях румынского общества, но и в кабинете румынского правительства, и даже в рядах войск, где рельефно появлялись следы планомерной и массовой агитации в пользу Германии. В румынских общественных кругах все жаждали мира и эта жажда не могла не проникнуть и в ряды армии. Как в обществе, так и особенно среди солдат, офицерский состав не пользовался высоким мнением. Дисциплина заметно пала: совершенно открыто солдаты заявляли, что офицеры изменники, не только сами добровольно сдавались в плен, но подговаривали к тому и подчиненных. В общем румынские войска находились в состоянии большой деморализованности и в положительном результате работы по их реорганизации Союзники сомневались. События же в России, приведшие к революции, вызвали в правящих кругах Румынии большое смущение. В обществе и правительстве усилились колебания и открыто высказывалось насколько ошибочным оказался союз Румынии с Россией.

18 апреля (1 мая) Ясский русский гарнизон устроил большой митинг в пригороде Сокола, откуда манифестанты, при соблюдении полного порядка, двинулись по улицам города, с красными флагами, щитами с надписями на русском и румынском языках и музыкой. На площади войска столпились и к ним был привезен на автомобиле освобожденный русскими солдатами из под ареста румынский социалист Раковский, ко-

торый в кратком обращении поздравил солдат со свободой. Раковскому ответил на французском языке, обращаясь к находившимся на площади румынам, русский унтер-офицер Гиллер, закончивший свою речь пожеланием, чтобы короля Фердинанда постигла участь бывшего русского императора, и чтобы на Балканском полуострове скорее водворилась федерация демократических республик. С площади Раковский был отвезен в направлении на Унгены.

В виду создавшегося положения г. Сахаров находил необходимым принять некоторые меры по подготовке отхода русских войск за линию реки Прута.

Число русских войск на фронте к этому времени уменьшилось: I и XIV корпуса, 6 донская и туземная кавказская дивизии были переданы на юго-западный фронт. На румынском фронте осталось 13 корпусов пехотных и три кавалерийских.

С января месяца боевые действия на фронте не носили вообще активного характера и лишь временами указывали на стремление немцев выйти в долину Тротуш, но командарму 9 было указано обратить особое внимание на защиту Окнинского района, питающего государство солью, нефтью, углем, и попытки немцев не имели успеха. Февральская революция привела наши войска почти к полной пассивности.

Для предстоящих весенних операций, согласно указаний ставки, армии должны были готовиться к переходу в наступление. Г. Алексеев писал Гучкову, (Д. № 3 XXXIII (453).) что осуществимость решений зависела исключительно от нравственного состояния армии. Он рассчитывал, что к середине мая «тяжкая духовная болезнь», охватившая армию, вследствие быстро пережитых событий, сильного натиска пропаганды и поспешного проведения реформ, расшатавших прочность и дисциплину армий, могла ослабнуть настолько, что можно было начать наступление, а первый успех должен был, по его мнению, поднять угасший воинский дух войск. Наступление он считал спасительным для России и армии.

22 мая г. Алексеев постановлением временного правительства сдал верховное командование г. Брусилову. К этому времени был уволен и г. Сахаров, которого заместил г. Щербачев.

Ознакомившись, по прибытии на фронт, с настроением

как высших военных и правящих кругов Румынии, так и с румынской армией, он 17-го мая дал армиям, для подготовки, директиву, которой указывалась ближайшая цель действий фронта—разбить Фокшанскую группу неприятеля. К 20 июня закончилось сформирование организованной 1 румынской армии, которая вошла в боевую линию между 4 и 6 русскими армиями. Подготовка к наступлению началась, но уже 26 июня г. Щербачев доносил, что она задерживается, главным образом вследствие колебания в настроении войск и неприбытия укомплектований (некомплект достигал 135 т. штыков). Начинать операцию при таком нравственном состоянии войск, он считал рискованным.

4-го июля он доносил, что настроение войск ухудшалось, вследствие пропаганды о неуспехах в 7. и 11. армиях юго-западного фронта и безнаказанных отказов в них от наступления многих частей (наступление 11. 7. и 8. армий началось 16—18 июня).

Командармы румынского фронта направляли к войскам прибывших в то время представителей всероссийского с'езда крестьянских, рабочих и солдатских депутатов[1]), для воздействия на солдат, но это не помогало делу.

Вместе с этим г. Щербачев сообщал, что 3 июля у короля, в присутствии генерала Презано и Бертело, министр президент Братпано заявил, что по его сведениям наступление юго-западного фронта остановлено, что северный и западный фронты не могли начать наступления, что наступление на македонском фронте предположено было сделать значительно позже, что сведений о начале наступления на английском и французском фронтах не имелось; поэтому он считал, что если наступление на румынском фронте состоится, то оно явится обособленным и противник будет в состоянии подвезти большие силы и парализовать наступление, а Румыния, бросавшая в решительный бой и все свои вновь сформированные армии, могла их снова расстроить и оказаться в критическом положении, особенно, если некоторые русские части отказались бы наступать.

Генерал Щербачев ответил, что приказ главковерха дол-

[1]) Оборонческого направления. Ред.

жен быть выполнен, что несомненно наступление румынского фронта будет согласовано с наступлением других русских фронтов и союзников, и что такое наступление безусловно поставит противника в худшее положение. Генерала Щербачева поддержали г. Презано и Бертело, король же высказал уверенность в том, что русская армия исполнит свой долг.

5-го июля г. Щербачев получил из ставки от генерала Лукомского указания, что артиллерийская подготовка на западном фронте начнется 8 июля, на северном и юго-западн. 10 июля, что отложить наступление румынского фронта возможно на один-два дня, но не более. На англо-французском фронте артиллерийская подготовка намечалась около 15 июля, после чего должно было последовать наступление в очень крупных размерах. На македонском фронте одновременного наступления не могло быть вследствие недостатка там сил.

Во исполнение приказа временного правительства и верховного главнокомандования румынский фронт, в связи с наступлением войск юго-западного фронта начал атаки 7-го июля. Части 4. армии к утру 11 июля прорвали укрепленный фронт противника, произведя атаки совместно с 2. румынской армией. Войска 6. армии и 1. румынской армии имели также успех. (Д. № 3 ч. I, (435).)

Наступление германцев в Галиции, начавшееся 6 июля, было направлено главным образом на Тарнополь. Они прорвали фронт 11. армии в районе Млынова и 8 июля достигли Серета у Тарнополя. Наши войска, обнаружив полную небоеспособность, массами самовольно уходили с позиций и с 9 июля противник начал наносить удары в юго-восточном направлении, к югу от Тарнополя, напрягая наибольшие усилия между Серетом и Стрыпой. 11 июля австро-германцы форсировали Серет в районе Трембовля и в течение 12—18 июля оттеснили 11 и 7 армию к Сбручу на всем его протяжении до устья, очистив, таким образом, Галицию от наших войск. Примерно к 15 июля противник перенес направление главных ударов на 8 армию, отходившую между Днестром и Прутом, стремясь отбросить ее к югу от Днестра. К утру 21 июля, под давлением противника, 8 армия очистила Буковину, оставив Черновцы.

12 июля, именем временного правительства министр Ке-

ренский приказал, в целях сохранения боеспособности армии для обеспечения возможности нанесения удара в ближайшее время, начавшееся наступление приостановить временно на всех фронтах и использовать все средства для спаяния армий железной дисциплиной [1]).

15-го июля г. Щербачев отправил в ставку (19-го июля вместо генерала Брусилова верховным главнокомандующим был назначен г. Корнилов) особый доклад о тех основных оперативных перспективах, которые намечались для румынского фронта в связи с положением создавшимся на юго-западном фронте, состоянием, настроением и стремлениями румын и условиями румынского театра.

Генерал Щербачев заявлял, что Румыния добросовестно выполняла принятые на себя обязательства. Подготовка на нашем фронте к наступлению встречала с ее стороны полное содействие и для наступления были предназначены все наличные силы, включая и вновь реорганизованные дивизии. Прекращение начатого 2. румынской и 4. русской армиями наступления и приостановка действий 1. румынской и 6. русской, в связи с отходом на юго-западном фронте, повлияла на румын в моральном отношении. Вместо надежды на отвоевание занятой противником территории, являлись опасения за дальнейшую судьбу, нервность и возможность всяких неожиданностей. По его мнению, не только долг перед союзницей, но и наши интересы требовали сохранить за нами оставшуюся часть Румынии, т. к. оставление и очищение наиболее богатых и важных частей прикрывавшегося нами района, были бы истолкованы как наше бессилие защитить не только Румынию, но и весь наш богатый юг и послужило бы толчком к фактическому прекращению союза, а может быть стихийно, против желания правительства, вовлекло бы Румынию в ряды наших врагов. Из бесед с представителями румынского правительства Щербачев заключает, что король и часть румынского правительства остались бы верными союзу, но можно было предполагать, что большая часть румынской армии, начиная с офицерского состава, если не передалась бы противнику, с началом отхода, в составе целых

[1]) Вскоре после этого приказа была введена смертная казнь на фронте, как средство заставить армию наступать. Ред.

частей, то безусловно не видела бы цели в продолжении войны, не пожелала бы оставить на произвол судьбы свои семьи и имущества, эвакупровать которые мы были не в состоянии, и, постепенно, дезертировала бы во время отхода; так что при самых благоприятных условиях с уходом на нашу территорию мы остались бы без союзников, при менее же благоприятных условиях могли иметь Румынию, с другим королем во главе, в числе наших врагов. Оставление нами Румынии должно было отразиться и на отношениях к нам наших союзников, положивших в дело подготовки и реорганизации румынских армий массу усилий и средств. По всем этим соображениям признавалось необходимым приложить все силы к тому, чтобы сохранить за собой наиболее жизненные районы оставшейся части Румынии, а это возможно лишь было при условии, если румынский фронт не был бы ослаблен и если у нас было бы время усилить правый фланг. Прикрыть весь занимавшийся нами район в случае дальнейшего отхода юго-западного фронта мы не были в состоянии, ввиду отсутствия на правом фланге достаточных и надежных сил. Оставалось пожертвовать, в силу необходимости, менее важным и мало населенным прилегающим к Буковине северным районом Румынии, но зато прочно удерживать центр и левый фланг, прикрываясь со стороны Буковины постепенным строго необходимым откидыванием назад лишь правого фланга фронта.

Удержание центра являлось безусловно необходимым, т. к. отход в центре повлек бы оставление нефтеносного района Окны, а это вынудило бы нас начать очищение большей части Молдавии и отойти к границе, т. к. через 6 дней, после потери этого нефтеносного района, прекращалось бы, ввиду отсутствия топлива, все железнодорожное движение Румынии.

Удержание левого фланга имело особое значение ввиду того, что румынский фронт базировался на железн. дороги, в юго восточном направлении и на Одессу. Удар противника по левому флангу кратчайшим путем выводил его в Бессарабию на наши сообщения и вынуждал нас к отходу на всем фронте, отбрасывая от главной базы и отрезая от моря. Откидывая правый фланг, мы прикрывали направление на Яссы и Бельцы и получали возможность не отводить своего центра и левого флан-

Схема №7

Масштаб
Черновцы
Хотин
XXXIII
XVI
XI
XXIII
Герца
8
Липкани
Мозилев
Звенигор
Черкасы
Сороки
Серет
Дорохой
XVIII
Кимполунг
Гура-Гумора
Сучава
Ботушаны
XL
Кон. кор
Фальтичены
XXVI
II
Ш фр
Яссы
4 рум. д
9
Роман
Кишинев
АРЦ
XXXVI
2р
4
Бакеу
XXIV
Шесбург
Чик-Середа
ГЕРОК
Гоэшти
Окно
IVр
IIр
Аджуд
VIII
ФАЛЬКЕНГАЙН
Кронштат
Сербешти
VII
1р
Текуч
Vр
Марешти
IIIр
Текучи
Фокшаны
8 к. д
6.
Болград
Серб. д.
IV
XLVII
IVс.
Галац
115 д.
Измаил
КОХ
Бузео
Плоешти
р. Дунай
ТОШЕВ
Тульча
Морск. див
Сулинский
Бухарест

га, а при благоприятных условиях и сосредоточении на правом фланге достаточных сил мы получили возможность нанести удар противнику и тем облегчить положение левого фланга юго-западного фронта. Что касается состояния армий фронта, то несмотря на то, что настроение частей все еще оставалось колеблющимся, эксцессов и отказов от выполнения боевых приказов крупных частей, кроме XXVI корпуса не наблюдалось. Отдельные выступления других частей быстро подавлялись. В общем, командование и не было уверено, что войска фронта могли проявить стойкость при наступлении противника, но положение румынского фронта, г. Щербачов признавал достаточно прочным и настроение, исключая XXVI корпуса, хорошим. (См. схему № 7).

С 25-го июля румынскому фронту была передана из юго-западного фронта 8 армия (XXXIII, XVI, XI, XXIII, XVIII армейские и XI конный корпуса). Этой армии ставилась задача прикрыть северную Молдавию и Бессарабию со стороны Буковины.

Разграничительные линии между ю.-з. и румынск. фронтами была назначена: Днестр до Могилева Потольского, Гайсин, Звенигородка, Черкассы.

С 24-го июля немцы повели усиленные атаки в Фокшанском и Окненском районах, сосредоточив там значительные силы, но достигнуть решительного успеха им не удалось, т. к они встретили упорное сопротивление со стороны русских и румынских корпусов, которые на Окнеском бюли отнесены Только до Грозешти и на Фокшанском—к линии Сербесчи—Спердени—Панчиу—Тескучиу до р. Серета.

26 июля в Яссах состоялось заседание совета министров, под председательством короля (Д. № 56 ч. I). Совещание единогласно постановило, что Румыния должна остаться верной союзникам и заключенным договорам. При этом король заявил, что он будет защищать Румынию до конца, все равно будет ли он находиться на румынской территории или вне ее. Быстрое развитие противником операции в Галиции и неустойчивость войск привели г. Щербачева к необходимости, дабы обеспечить правый фланг фронта и затем, если представится возможным перейти в наступление, чтобы облегчить положение юго-западного фронта,—

сосредоточить (к 6 августа) на фронте Ботушаны—Фольтичены четыре корпуса: XXIX, XXX, XI. и XVI конный.

В период сосредоточения этих корпусов в северную Молдавию, на Фокшанском направлении начались бои. После сильнейшей артиллерийской подготовки, начавшейся 24 июля, противник утром 25 июля атаковал части VII корпуса; на корпус обрушилось шесть дивизий. Затем бой охватил и участок VIII корпуса, а также участок трех румынских дивизий первой армии. Одновременно противник завязал упорный бой и на правом фланге 27 румынской армии в долине реки Ойтуз, стремясь прорваться в каменоугольный и нефтеносный район Окна.

Могучий удар немцев на нашу 4 и 2-ю румынскую армии продолжавшийся 8 дней, был в конце концов (30 июля) парализован и противнику удалось потеснить наши части на незначительное расстояние.

К 30-му июля румынский фронт имел следующий состав. (Д № 3 XXXV (676)).

	Армейск. корпусов.	Конных корпусов.	Пехотных дивизий.	Конных дивизий.	Батальонов.	Эскадрон. и сотен.
8. Армия . . .	5	1	27	2	204	32
9. » . . .	5		26	2	192	18
2. Румынская .	2		4	1/2	56	16
4. Армия . . .	3		8	2	96	24
1. Румынская .	2		6 1/2	2 1/2	84	52
6. Армия . . .	3	1	10	2 1/2	120	48
Резер фронта .	2	1	5	4	60	78
ИТОГО:	22	3	66 1/2	13 1/2	812	268

Состав румынских армий:

1 армия:

III корпус: 5, 13 и 14 дивизии. V корпус: 12 дивизия, 1 бригада каларашей. Резерв армии: 7 и 9 дивиз. Пограничная бригада, 1 и 2 кавал. дивизии.

2 армия:

II корпус: 1 и 3 дивизии, 2 бригада каларашей, IV корпус: 6 и 8 дивизии.

С августа месяца боевые действия на фронте все более и более ослабевали. Под влиянием событий происходивших в России в армии росло движение против войны.

26-го августа после происшедшей катастрофы на Рижском

фронте, (прорыв у Икскюля и занятие Риги), временное правительство просило главковерха (Д. № 3 ч. XXXV (676) г. Алексеева сообщить, не считает ли он возможным предпринять какие либо активные действия, в целях отвлечения германцев от северного фронта, имея в виду, что операции немцев носили уже авантюристический характер.

Г. Алексеев 2 сентября ответил, что при создавшемся положении армии, переход в наступление не представлялся возможным и мог послужить лишь к дальнейшему расстройству войск.

В начале 1918 г. русские войска совсем оставили Румынию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Генерал Алексеев, не сочувствуя идее привлечения Румынии к союзу, держался того убеждения, что румынский фронт имел второстепенное значение. В оценке общего стратегического положения на всем театре войны он высказывал мнение о невозможности ослаблять русский фронт на направлениях: Петроградском, Московском и Киевском.

Эти основные соображения приводили его к нежеланию, и при создавшейся обстановке, решительно действовать из Добруджи, на чем энергично настаивал генерал Жоффр.

Не желая усилить значительно румынскую армию генерал Алексеев уклонился и от непосредственного влияния на выбор румынами того или иного оперативного плана кампании. В проект военной конвенции он включил условие, что румынское верховное командование разрешает вопрос о направлении операций, *соображаясь исключительно со своими общими политическими и военными условиями.* Он не считал нужным сразу поставить румынскую армию в подчиненное русскому верховному главнокомандующему положение и взять на себя об'единение ее действий с русскими фронтами в общих оперативных целях.

Румынам было предоставлено действовать самостоятельно.

Ход событий привел, однако, к тому, что, в самый короткий срок времени, румынская армия была разбита энергичным противником, потерпел также неудачу наш корпус в Добрудже, и ставке пришлось перебрасывать в Румынию постепенно, но уже с запозданием, целые корпуса; создать особый фронт и к 1916 году собрать там 15 русских корпусов; но сделать это тогда, когда Добруджа и Валахия были потеряны; враг торжествовал, выйдя на всех фронтах из тяжелого положения; когда натиск Антанты, имевшей, как справедливо говорит Людендорф, громадное превосходство в людях и в военных припасах, был отражен; когда бои конца 1916 года, особенно

в Румынии, закончились в пользу немцев и дали им возможность вести войну следующий, 1917-й год.

Таковы результаты стратегии генерала Алексеева, упорно повторявшего свою мысль о необходимости вести крупную стратегическую операцию на Балканском полуострове не из Добруджи, а из Салоник; в чем он не встретил сочувствие союзников.

В введении к настоящему очерку высказано, что политическое положение Румынии до ее вступления в союз великих держав, ее дипломатия, ее неподготовленность к участию в происшедшей грандиозной борьбе европейских армий, не согласованность действий союзников, и в высокой степени решительный характер операций немцев все это имело исключительное влияние на ход войны и на время возможного окончания ее в 1916 году.

Приведенные документы подтверждают такие выводы и особенно подчеркивают отсутствие полного единения союзников в ведении операций минувшей войны.

Ф. Васильев.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

А. КАЗАКОВ. «Румыния в мировой войне» 3

I. Румыния в экономическом, политическом и военном отношениях перед вступлением в мировую войну 3

II. Обстановка на фронтах мировой войны к началу второй половины 1916 года 18

III. Стратегические и политические перспективы в случаях вступления Румынии в мировую войну на стороне одной из коалиций 26

IV. Выступление Румынии против германской коалиции. Влияние этого выступления на Русский фронт 32

Ф. ВАСИЛЬЕВ. «Румынский фронт». (Стратегический очерк).

Введение 45

I. Положение на русском фронте в конце 1915 года. Политическое положение Румынии в 1916 году. Переговоры с ней о заключении военной конвенции. Присоединение Румынии к Союзу. Об'явление Румынией войны Австрии. Формирование XLVII русского корпуса, отправлявшегося в Добруджу. Состав румынской армии и ее сосредоточение. Сосредоточение австрийских, германских, болгарских и турецких войск в Трансильвании и в Добрудже. Общее положение западного и восточного немецких фронтов. 47

II. Действия в Добрудже до 14 (27) октября 1916 г. 81

III. Наступление немцев в Валахии, занятие Бухареста, наступление до линии р. Серет—р. Тротуш 86

IV. Положение румынской армии к концу сентября. Настояния генерала Жоффра о нанесении удара болгарам в Добрудже. Мнение генерала Алексеева о необходимости усилить Салоникскую армию. Распоряжения ставки об отправлении корпусов с северного, западного и юго-западного фронтов в Румынию. План генерала Алексеева об оставлении Валахии. Образование румынского фронта под начальством короля. Отступление армий до Серетской позиции. Доклад г. Алексеева 9 января 1917 года. Доклад г. Гурко 23-го января. 91

V. Положение румынского фронта к 24 января 1917 года. Заседание европейских послов в Яссах 11 февраля о положении Румынии. Донесения генерала Сахарова в ставку о состоянии войск. Увольнение г. Сахарова и назначение г. Щербачева. Директива г. Щербачева для подготовки к наступлению. Июльское наступление на ю.-зап. фронте. Приказание Керенского о приостановке наступлений. Доклад г. Щербачева в ставку об оперативных перспективах на румынском театре. Присоединение к румынскому фронту 8 армии. Наступление немцев к Фокшанам и в Окнепс ом районе. Заседание в Яссах 26 июля совета министров под председательством короля. Наступление немцев 25 июля 115
Заключение. 129

Перечень источников:

1) Дела Военно-Ученого Архива WW, 3 части: I, XIX, XX, XXIV, XXV XXVI, XXVII, XXVIII, XXXI, XXXII, XXXIII, XXIV, XXV; 56 ч. I; 62 ч. I, II, III; 65 ч. I; 68; 661; 662; 663; 68; 49.

2) Мемуары Людендорфа.

3) Фалькенгайн. Высшее командование 1914—1918 г.г.

Издания
Высшего Военного Редакционного Совета.

Верховский, А.—„Общая тактика". Часть I.
Свечин, А.—„История военного искусства". Ч. II.
„Германский устав. Вождение и бой соединенных родов войск".
Магнушевский и Слюсарев.—„Катехизис для надсмотрщиков полевых радиостанций".
Безак, Г.—„Инструкция по военно-спортивным состязаниям в.-у. з.".
„Отчет Всероссийского Совещания по агитпропработе в Красной армии".
Домин, А.—„Стрелковая учеба".
Мясоедов, Д.—„Езда и выездка".
„Сборник программ окружных повторных курсов среднего комсостава РККА".
Зеленин.—„Наставление по строевому курсу в.-у. з.".
Ударов, Д.—„Как победить".
Сапожников, Н.—„Взаимодействия войск".
„Руководство службы полевой артиллерии 76,2 м./м. полевой скорострельной пушки". Отд. V. Боевые припасы".
Иванов, В.—„Методика преподавания матерпальной части артиллерии".
Крюгер, Э.—„Танки, их возникновение и применение на войне".
„Руководство для службы при 76 м./м. горной скорострельной пушке". Отд. I. Устройство пушки и уход за нею".
Мейснер, И.—„Змейковый аэростат Како".
Архангельский.—„Краткое руководство для заведующих оружием в полку".
Альберт Грап.—„Прибалтийские государства".
„Мосты и переправы". Часть III. Временные железнодорожные мосты.
Белолипецкий, В.—„Передвижение пехоты".
Бернгарди, Ф.—„О войне будущего".
Незнамов, А.—„Современная война" часть II.
Верховской, А.„Введение в курс общей тактики".
Белолипецкий, Б.—„Что нужно понимать под управлением огнем пехоты". (Приложение к журн. „Военный Вестник" № 9).
Триковский, Н.—„Огонь пехоты".
Фрунзе, М.—„Единая военая доктрина и Красная армия". Изд. II.

Михеев, С. — „Военно-исторические примеры к прикладной части тактики" вып. I.
Котляревский, С.—„Австро-венгрия в годы мировой войны".
Ганс Куль.—„Германский Генеральный Штаб".
„Указание о составлении и вычерчивании полей невидимости".
Гаскуэн.—„Эволюция артиллерии во время мировой войны".
Уайт.—„Боевое наставление для речных флотилий".
Жерве.—„Значение морской силы для государства".
„Война на море".
Шабашев.—„Привязное воздухоплавание в военном деле и применение в России в 1914—18 г.г.
Кулебякин.—„Авиационное дело".

Экземпляр продаже не подлежит.
Продажа будет преследоваться, как расхищение народного достояния.

ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

1. Военно-Исторический Сборник № 1. Распродано.
2. „ „ „ № 2 „
3. „ „ „ № 3.
4. „ „ „ № 4.
5. Стратегический Очерк войны 1914—18 гг. Ч. I, составил Цихович.
6. Стратегический Очерк войны 1914—18 гг. Ч. III, составил Незнамов.
7. Стратегический Очерк войны 1914—18 гг, Ч. V, составил Клембовский.
8. Стратегический Очерк войны 1914—18 гг. Румынский фронт, составил Васильев.
9. Боевое снабжение русской армии в войну 1914—18 гг. Ч. I, составил Маниковский.
10. Боевое снабжение русской армии в войну 1914—18 гг. Ч. II, составил Маниковский.
11. Сношение с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—18 гг. Ч. I, составил Валентинов.
12. Потеря нами Галиции в 1915 г. Ч. I, составил Бонч-Бруевич.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

1. Стратегический Очерк войны 1914—18 гг. Ч. IV, составил Незнамов.
2. Стратегический Очерк мировой войны. Ч. VI, составил Зайончковский.
3. Стратегический Очерк по Кавказскому фронту. Ч. I, составил Корсун.
4. Боевое снабжение русской армии в войну 1914—18 гг. Ч. III, составил Маниковский.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

1. Стратегический Очерк войны 1914—18 гг. Ч. II, составил Корольков.
2. Стратегический Очерк войны 1914—18 гг. Ч. VII (Последняя), составил Зайончковский.
3. Стратегический Очерк по Кавказскому фронту. Ч. II, составил Корсун.
4. Военно-Исторический Сборник № 5.
5. „ „ „ № 6.

Главлит 2777 39-я типография М.С.Н.Х. «Мосполиграф». Тираж. 2000 экз.

СКАНИРОВАНИЕ
ЭДД

ордер 728
с. 45-129
24.04.12